

ВСЕЛЕННАЯ АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ
ПРОРЫВ

Мир «Эпохи мёртвых»

Андрей Круз

Эпоха мертвых. Прорыв

«ЭКСМО»

2010

Круз А.

Эпоха мертвых. Прорыв / А. Круз — «Эксмо», 2010 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

ISBN 978-5-9922-0527-5

«Делай что должно, и будь что будет». Эти слова придумали задолго до нас, но смысл свой они не потеряют никогда. Спасти себя, спасти друзей – достаточно ли этого, если ты можешь и должен сделать больше? И герои книги отправляются в опасный путь через смертельно опасные опустевшие земли, чтобы совершить то, что считают себя обязанными совершить. И чтобы узнать то, чего узнать никак не ожидали.

ISBN 978-5-9922-0527-5

© Круз А., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Сергей Крамцов, «партизан», бывший аспирант	6
Сергей Крамцов	12
Валера Воропаев, Зять	15
Сергей Крамцов	18
Александр Бурко. Центр	20
Сергей Крамцов	22
Сергей Крамцов	32
Сергей Крамцов	42
Сергей Крамцов	46
Сергей Крамцов	57
Сергей Крамцов	63
Сергей Крамцов	66
Александр Бурко	69
Сергей Крамцов	71
Сергей Крамцов	73
Сергей Крамцов	83
Валера Воропаев, Зять	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Круз

Эпоха мертвых. Прорыв

Пролог

Полтора месяца с момента наступления Беды. Старый мир исчез, словно его и не было никогда, и даже огромный, брошенный людьми город, раскинувшийся рядом, уже не убеждал в том, что совсем недавно у нас была совсем другая жизнь. Тесный двухместный номер в старом общежитии для слушателей академии с удобствами в конце коридора казался уже привычным и даже комфортным жильем – достаточно было увидеть, как живут те, кому не так повезло.

А мы... у нас вроде все нормально, если по новым понятиям судить. Есть жилье, есть оружие, есть машины, нас даже кормят и снабжают горючим, премируют за удачные вылазки и относятся с уважением. Есть, правда, и минусы – очень легко можно остаться без башки, и это еще не худшая из доступных опций. Худшая – это превратиться в смердящую безмозглую тварь и так бродить по земле или валяться в мертвецком беспомыслии в каком-нибудь грязном подвале, ожидая появления добычи поблизости. Нет, лучше уж без башки, как-то честнее перед мирозданием получается, если такое еще осталось. Потому как сам факт, что мертвые идут по земле, чтобы питаться от живых, уже заставляет усомниться в существовании каких-либо его основ.

Сергей Крамцов, «партизан», бывший аспирант

2 мая, понедельник, утро

Если быть честным, ну хотя бы в глубине души, то надо прямо сказать – этот день я оттягивал всеми возможными способами. Не признаваясь в этом даже самому себе, я старательно и увертливо избегал сделать первый шаг по дороге, ведущей от безопасности территории учебного центра «Пламя», куда занесла нас прихотливая судьба, до затерянного в вятских лесах ЗАТО¹ Горький-16. Оранжевый пенопластовый параллелепипед размером с два кирпича, в который были запаяны титановые капсулы с так называемым «материалом», должен был быть доставлен в этот тайный город, в такой же тайный военный центр. Именно этот контейнер, хранящийся в сейфе секретной части центра «Пламя», был и главным побудительным мотивом к этому походу, и главным моим извинением перед самим собой, которое позволяло принимать решения, не всегда даже до конца моральные. У нас есть миссия – или епитимья, как хотите, так и называйте, – и она должна быть исполнена.

Тут я чуть-чуть душой покривил. Миссия, или епитимья, есть только у меня и еще у девушки по имени Ксения Дегтярева – именно нас судьба намертво привязала к тем роковым событиям, из-за которых погиб окружающий нас мир. И грех было бы отрицать тот факт, что немалая доля нашей вины в этом тоже есть, и если хочется еще смотреть на себя в зеркало, не пытаясь при этом каждый раз плюнуть, то епитимью надо исполнять. Смыть кровью, как говорили в Отечественную.

Если бы все зависело только от меня, то я бы в этот путь отправился один. Или ладно, вдвоем с Ксенией, раз уж у нее схожие мотивы, но больше никто из тех, кто входил в наш отряд, не имел ни малейшего касательства к Катастрофе. Но я точно знал, что уехать вдвоем нам не дадут. По разным причинам, но не дадут. Хотя бы потому, что мы действительно стали именоваться отрядом, причем собравшимся добровольно и уже доказавшим неоднократно свое право так называться. А хорошие отряды не разбегаются.

Не высказать свое отношение к мысли о том, что едут все, я все же не мог, поэтому пару дней назад, после ужина в столовой, как у нас все совещания и проходят, я попросил всех задержаться. И теперь передо мной, обсев длинный стол, уставленный сейчас кружками с чаем и чайниками, сидели мои люди.

Сидела моя девушка Татьяна, бывший тренер по дзюдо, любительница мотоспорта, которая сейчас была в отряде одним из штатных механиков-водителей.

Сидел за столом мой друг Леха, в свое время, как и я, отслуживший в Чечне, который у нас был за снайпера и главного оружейника, а рядом с ним – его девушка Вика, она у нас теперь за старшину и просто стрелка.

Сидел бывший офицер внутренних войск Сергеич, которого нам довелось спасти, и он прибил к нашему отряду, не претендуя на главные роли и старательно обучая всему нужному личный состав.

Сидела рыжая и красивая Маша, мать двоих детей, кстати, которую мы спасли вместе с Сергеичем, и она тоже осталась с нами и обнаружила удивительный талант снайпера, чего никто не ожидал от бывшей банковской служащей. Ее дети, сын Сашка и дочь Лика, тоже были поблизости, носились по огромному залу столовой вместе с другими детьми.

Сидел Мишка Шмелев, он же Шмель, тоже давний мой друг, еще с войны, служивший в моем же полку механом на «копейке», ну и здесь не изменивший своей специальности. Рядом с ним расположился его отец, Степаныч, который мало того что был у нас за главного механика,

¹ Закрытое территориальное образование; так называемые закрытые города вроде Арзамаса-16, работавшие в основном на оборону.

так уже между делом узурпировал должность такового во всем центре «Пламя», занимаясь, правда, только автомобильной техникой.

С ними были Валентина Ивановна – шмелевская мать, крепкая тетка к пятидесяти, и Катя, сестра, круглолицая и белобрысая девчонка четырнадцати лет, конопатая, как перепелиное яйцо. Валентина Ивановна работала медсестрой в местном госпитале – на удивление неплохо, а Катя пристроилась в школе, открывшейся на днях, помощницей учительницы младших классов. К детям тут относились всерьез, хотя бы потому, что немало сирот успели спасти, да и на фоне погибшего мира только дети оставались символом надежды на его возрождение. Не будь их – и хоть сам в гроб ложись.

Еще прямо напротив сидела Аня Дегтярева – младшая сестра Ксении, хорошенькая коротко стриженная блондинка всего лишь шестнадцати лет от роду, в прошлом восходящая звезда тенниса, которой Катастрофа так и не дала взойти и которая была с нами с самого начала и оказалась на высоте в любой ситуации, какие бы проблемы нас ни встречали.

С ней рядом сидела Ксения, старшая сестра, та самая участница дурацкого детского хулиганского заговора, в результате которого на территории НИИ, где, я работал, грохнул взрыв. И благодаря этому самому взрыву, а также невероятному, возможному с вероятностью один на миллион случаю открылись клетки с зараженными животными, которые вырвались на свободу, разнося вирус по всей Москве, а уже из нее он с ураганной скоростью, не очень даже реальной, распространился по всему миру.

Ни она, ни Аня, ни даже сидящая рядом с ними Алина Александровна Дегтярева, молодая и красивая женщина средних лет с умным и породистым лицом, никто из них не знал, что жертвой этого самого случая стал Владимир Сергеевич Дегтярев, муж Алины Александровны и отец Ксении с Аней. Он взял с меня слово, что я буду скрывать его гибель, и семья считала, что он находится в секретной лаборатории в Горном Алтае и с ним просто потеряна связь. Пусть так и будет.

Рядом с Ксенией сидел Пашка – молодой и веселый бывший студент из Красноярска, сын военного, хороший стрелок и боец, отчаянно влюбленный в свою соседку, что я незаметно и ненавязчиво поощрял – он теперь при ней как постоянный телохранитель, а заодно и при сестре. Пашка был у нас еще и за водителя, причем не чего-нибудь, а нашей самодельной «кашэмки»² – «буханки», в салоне которой мы установили рацию. А радистками были эти самые сестрички, что позволяло легально держать их подальше от драки, да еще и под защитой верного Пашки.

Хотя, если не кривить душой, следует признать, что сестрам защита не так чтобы и в самом деле требовалась. Времена наступили такие, что девочки прошли через многое, через что в другие годы и взрослым мужикам, подолгу служившим, проходить не приходилось. Довелось им и воевать, и отбиваться, и самое страшное, что довелось им делать, – убивать. Убивать живых людей.

На самом дальнем конце стола сидел мужик лет тридцати, немного упитанный, но рослый и мощный, которого звали Володей, но которого все справедливо именовали Большим. Когда-то отслуживший в воздушно-десантных войсках и увлекавшийся вольной борьбой парень, который после службы окончил институт связи и потом долго работал программистом, наедаая сало на боках и постепенно теряя форму. Вместе со всей семьей и коллегами по работе он оказался блокирован ожившими мертвецами в своем же офисе, откуда и был спасен группой военных из центра «Пламя».

Этот случай настолько потряс его, что он всеми правдами и неправдами стремился сменить свой статус «технаря» на статус «бойца» и в результате перескочил все же в наш отряд

² КШМ – командно-штабная машина.

на должность пулеметчика – а кому, как не ему, слону такому, таскать ПКМ³ или рацию? За свою физическую форму он взялся с каким-то остервенением, и в результате его благоприобретенная полнота спадала, уступая поле боя неслабым мышцам. И вдобавок Володя обучал сестренку работе с радио, чем еще больше доказывал свою необходимость отряду.

Завершали список личного состава кот Барсик, вальяжный и лохматый, который валялся сейчас на коленях у Алины Александровны, и здоровенный кобель Мишка, обживший в качестве собачьей будки грузовик «Садко» с кунгом, в котором у нас располагался передвижной склад всяких полезностей и прочих матценностей. Поэтому на ужине кобель не присутствовал.

– В общем... – начал я свою не слишком подготовленную речь, – так или иначе, но мне надо двигаться в «Шешнашку». Тянуть дальше нельзя, ну и плохие люди показались на горизонте. Дойду туда, отдам «материал» – половина проблем уйдет, потому что смысла гоняться за мной уже не будет. Не отдам... скорей всего, поймают. Или другим способом дотянутся, с них станется. Это те самые, которые тогда на дачу приезжали, не забыли, надеюсь.

– Забудешь тут, – усмехнулась Аня.

Она точно не забудет. Один из тех нехороших людей, что приехал тогда с целью всех нас убить, и открыл ее «личный счет», завалившись с простреленной головой на грязную весеннюю землю. Должна помнить.

– С походом все понятно, – закончил я вступление. – Но сказать я хочу то, что отправятся со мной только добровольцы. Я буду настаивать на том, что даже не все добровольцы войдут, так сказать, в списки личного состава. В штат, если угодно. Это касается двух человек – Маши и Большого. Не возьму.

– Это почему? – спокойно спросила Маша. – Надо обосновывать, и желательно всерьез.

Обосновать действительно надо – Маша со своим талантом стрелка была почти незаменима, что уже не раз доказала. Да и ее личный счет убитых, причем отнюдь не мертвяков, уже впечатлял. И все же...

– Маша, у тебя дети, – ответил я. – Двое. Отца они уже потеряли, не хватало еще и мать потерять. А вероятность такая есть.

– Серый, знаешь, – ответила она задумчиво, – ты все же не очень хорошо понимаешь ситуацию. Если бы вы меня тогда не спасли, то погибла бы и я, и сами дети. Притом чем больше времени проходит, тем лучше я это понимаю. Насмотрелась.

– И что...

– Я не закончила. – Она подняла ладонь, останавливая мою ответную речь. – Если бы я не вступила в отряд, то была бы одной из множества спасенных домохозяек, которых не знают куда приткнуться и которые живут чуть ли не из милости. Утрирую немного, но ты меня понял. Так?

– Ну... да, понял, – кивнул я.

– Получается, что отряд меня превратил в ту, кто я есть сейчас, которая себя раннюю даже не узнала бы, повстречай на улице. Поэтому бросать отряд я не собираюсь. И ты не настолько здесь командир, чтобы суметь мне это приказать, – закончила она, разведя руками.

– Ну насчет командира ты погорячилась. Прикажу – строевым пойдешь в детский сад работать, – предпочел я развеять иллюзии. – У нас по-другому и быть не может. Но тебя я тоже понимаю. И все же предпочел бы, чтобы ты осталась в «Пламени».

– А я предпочту не принимать предложение, – столь же категорично ответила Маша.

– У меня, как я понимаю, такая же ситуация? – вступил в разговор Большой. – Или доверие утратил?

– Такая же, – обернулся я к нему. – Ты семейный человек.

³ Пулемет Калашникова модернизированный.

– Это не аргумент, – пожал он плечищами. – Год-другой пройдет, и здесь все будут семейными. И детей нарожают. И что, все забудут, как из расположения выходить? Это же еще и способ зарабатывать на жизнь – лезть куда не надо, никуда от этого не денемся.

– Серый, он прав вообще-то, – вдруг влез Леха. – Теперь всегда такая жизнь будет, надо смириться. У тебя не получится кого-то пускать в дело, а кого-то постоянно в тылу держать.

Так, объединились. Получилось даже хуже, чем я заранее ожидал. Думал, что придется спорить с каждым в отдельности, а они в единый фронт. Солидарность, блин. В драку рвутся. Только вот тонкость – проблема-то, по большому счету, моя, а лезут в нее они, которые к случившемуся – никаким боком, и «кровью смывать» им точно ничего не надо. Это мне надо. Это моя проблема.

– Леха, и что предлагаешь? – спросил я уже у него.

– А что тут предложить можно? – даже удивился он вопросу. – Ты сам все и сказал уже. Едут добровольцы, мы с Викой уже в списках. А Машу с Вованом не оскорбляй, они не хуже других.

– Он прав, – окончательно добил меня Сергеич.

Сергеич хоть на должность командира не претендует, но все же на особом положении. И возраст за сороковник, и опыта хватает, и авторитета у него в отряде на десятерых. Если уж он на их стороне выступил, то мне сопротивление не преодолеть.

– Кроме того, у нас именно в таком составе отряд на полноценную боевую единицу похож, – добавил он. – Иначе придется или обходиться без кого-то, или что-то на ходу придумывать, в ущерб боеспособности.

– Вообще-то речь не о боях идет, а о том, чтобы куда-то тихо и быстро пробраться, а потом оттуда точно так же тихо и быстро смыться обратно, – предпринял я последнюю попытку. – Меньше народу – выше скрытность.

– Да ничего подобного, – даже отмахнулся он. – У одного «уазика» и двух – скрытность одинаковая. И у трех такая же. Зато есть возможность идти с «головняком»,⁴ есть возможность пересест на другую машину в случае потерь в технике... продолжать надо или сам грамотный?

Да грамотный я, грамотный, сам прекрасно понимаю, что в меньшем составе идти будет сложнее, но все же... Ладно, была не была, что мне еще остается? Тем более что Сергеич добавил:

– И личному составу отличная подготовка в дальнем рейде. Когда еще такая оказия выйдет?

Я помолчал, затем кивнул, сказал, обращаясь уже ко всем:

– Значит, идут все, кто выскажет такое желание. В расположении части остаются Степаныч с супругой и дочерью, на охране и обороне нажитого имущества и подготовке транспорта к будущим победам, и Алина Александровна.

– Сережа, а вы уверены? – вступила в разговор Дегтярева.

Вот он, момент истины. Именно этот разговор я все оттягивал и оттягивал, и именно он и является главным. Поэтому я посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Уверен, Алина Александровна. Мало того, я на этом настаиваю.

Выражение лица у нее изменилось на строго-упрямое, в стиле «ты мне обещал».

– Сережа, вы мне обещали.

Точно, обещал. Обещал отвезти к мужу, который погиб у меня на глазах. Причем к живому. Такое он, муж, с меня обещание взял. Правда, на тот момент никто не знал, во что именно выльется утечка этого вируса. А сейчас внешние условия изменились, и на обещания не повлиять они никак не могли. И повлияли.

⁴ «Головняк» не в смысле «проблема», а в смысле «головной дозор», военный жаргон.

– Что я вам обещал, Алина Александровна? – спросил я жестко. – Отвезти вас в Горький-16? А зачем?

– Там Володя... – чуть растерялась она.

– Владимир Сергеевич улетел на Алтай. При чем тут теперь «Шешнашка»?

– Но он должен был ждать нас там... вы же сами сказали, – вконец растерялась она.

Похоже, что с такого угла зрения она проблему не рассматривала. Ну ничего, сейчас я ей в этом помогу.

– Алина Александровна, а когда я вам это сказал? Разве тогда все вот так выглядело? – Я обвел рукой стены столовой, подразумевая при этом окружающий мир. – Скажите, если бы я, допустим, в тот день пригласил вас в Большой театр вместе с дочками, вы бы сегодня так и ждали исполнения этого обещания? Что-то изменилось за стенками с тех пор, как мне кажется.

– Но Володя имел привычку сдерживать обещания... – Тут она уже губы поджала.

– И как он должен был их сдерживать? – спросил я. – Как добраться в такой обстановке почти от монгольской границы до Кировской области? Это сколько тысяч километров?

– Есть же самолеты...

– Алина Александровна! – вздохнул я. – Ну кто даст одному-единственному человеку самолет для того, чтобы он мог встретиться с семьей, в то время как вокруг гибнет мир и каждый литр топлива, каждый час моторесурса уже на счету? Вы серьезно?

– Володя – выдающийся ученый. Он им нужен, чтобы сделать вакцину, – ответила она.

Я и рот не успел раскрыть, как, к моему удивлению, в разговор влезла Ксения.

– Ма, как я думаю, он все, что мог, уже сделал, – жестко так сказала, прищуриив темные глаза. – Достаточно. Все наше семейство сделало. Поэтому смею предположить, что дальнейшее наше участие в научном проекте не строго обязательно, мир как-нибудь переживет.

– Это не отменяет главного: он может быть там, – ответила ее мать.

– Нет, не может, – снова заговорил я. – С ним может быть связь оттуда, это одно ведомство, и у них связь должна быть. Максимум, на что мы там можем рассчитывать, это на то, чтобы узнать, где он и что планирует. Думаю, что такой задачей нам и следует ограничиться.

– И что?

– То, что ваше присутствие там необязательно. Связаться мы сможем и без вас. Если вдруг каким-то чудом он окажется там, то мы постараемся его увезти. Если он не сможет уехать – придумаем, как доставить вас к нему.

– Тем более что мы намерены вернуться сюда, – сказала Аня. – Там мы не останемся.

– Аня! – возмутилась Дегтярева. – Это же твой отец!

– И что нам при нем делать? – удивленно подняла брови она. – Мы здесь уже уважаемые люди, несмотря на пол и сопливый возраст, с нами дяди-спецназеры с почтением здороваются, а там что? Полы мыть в лаборатории? Спасибо, не надо, мне моя нынешняя работа нравится больше.

Тут она не соврала. А уж после нашего последнего набега на библиотеку, из которого мы притащили целых четыре рюкзака, набитых вселенской мудростью на оптических носителях, авторитет наш в «Пламени» стал совсем настоящим, никем не оспариваемым. Мы перестали бояться, что кто-то спросит, на каком основании такая толпа народу у них харчуются и расходует дефицитное топливо, – окупаемся. Ну и не только я это понимаю, все остальные в отряде тоже ощущают. Поэтому позиция Ани мне очень даже понятна – куда лучше жить там, где тебя ценят и уважают, чем где-то еще.

Алина Александровна замолчала растерянно, сильно потерла лицо ладонями, затем спросила меня:

– Сережа, вы же с ним работали. Неужели вам не хочется вернуться к науке, заняться вакциной?

– Нет, – ответил я категорично. – Все, что творится вокруг, – это наука, точнее, результаты игр с ней. Я впредь к ней никакого отношения иметь не собираюсь. Забыл как страшный сон. Баста.

– И что предлагаете?

– Я все сказал, – пожал я плечами. – Ждите нашего возвращения, все выяснится. Обещаю, что если Владимир Сергеевич там, то я придумаю способ вас к нему доставить. Вплоть до того, что договорюсь насчет самолета.

– А если не там? – Голос ее чуть упал.

– Ну... тогда постараюсь выяснить все, что возможно, – пожал я плечами, после чего с усилием соврал: – Но уверен, что с ним все нормально. Там, куда он улетел, горы, глухомань и военный объект максимальной степени секретности, так что они там как в крепости.

– Хорошо бы, – вздохнула она.

К облегчению моему великому, на этом самая скользкая часть собрания закончилась. Алина Александровна смирилась. К счастью, у нее уже работы хватает, она же психолог, а здесь множество сирот, людей, потерявших близких, вот и делает, что может. И в школе тоже работает. Это праздный ум опасен, он в силу незанятости подчас удивительные вензеля выписывает.

И хорошо, что Степаныч с семейными тоже в поход рваться не стал. Но Степаныч мужик трезвый и рассудительный, понимает, что к чему. Ни он, ни Валентина Ивановна даже Шмеля отговаривать не стали. Все они понимают.

– Итак, вопрос ко всем, – снова заговорил я. – Кто едет в Горький-16? Поднимайте руки.

Подняли, разумеется, все, а я рукой махнул. Не судьба бороться против всех. Пусть будет, как будет, видит бог – я пытался. Зато голос поднял Степаныч:

– Серега, ты цеу дай, какой транспорт готовить. С утра и начну.

– Как какой? – чуть удивился я, – «Садок» и два «козла».

– На хрена тебе «садок» в колонне? – озадачил он меня вопросом. – Ты в нем ночевать собираешься всей группой?

– Ну... да. А что?

– Зря. Ночлег и так сумеешь найти, земля пустой осталась, – сказал он. – Или палаточки возьмите, в лесу не страшно.

– А ведь верно, – кивнул Сергеич. – Степаныч, я понял. Ты предлагаешь «буханку» с прицепом взять?

– Точно, – ухмыльнулся Шмель-старший. – Топливо такое же, как и у «козликов», много деталей общих, расход умеренный, и Пантелеев обещал дополнительную связь выделить.

А толково, верно. «Буханка» у нас за штабную машину и так работает, и подготовка под установку дополнительной рации там сделана. И Аня с Ксенией и Пашкой вполне слаженный экипаж, не надо ничего мудрить. Зато сама машина достаточно компактная, а в случае проблем можно и детали перебросить: начинка одна и та же. Прицеп у нас полутонный, так что «уазик» его потянет без всяких проблем. На него весь запас топлива нагрузить, а внутрь запас еды закинуть. Все равно большая часть боекомплекта по рейдовым УАЗам распределяется, чтобы все под рукой было.

А брать большой «садок» с кунгом из-за одного ночлега смысла нет, всегда можно какое-то безопасное местечко присмотреть. Да даже в деревне на ночлег напроситься к кому-нибудь, заплатив пистолетом с патронами, например. Кто теперь откажется? «Садки» на будущее пригодятся, для мародерки всякой и движения с грузом.

– Ну да, верно, – согласился я. – Так и сделаем. Два дня на подготовку. Я завтра с утра к Пантелееву, он нам какие-то призы обещал за библиотеку, постараюсь получить до выезда. И всем спасибо за то, что никто не отказался.

Сергей Крамцов

3 мая, вторник, утро

Пантелеев был доступен и, предугадав, зачем я его ищу, время терять не стал и приказал рулить прямо на склад, куда мы и подъехали на «Лэндкрузере» Лехи, исходя из того, что объемистое чрево этой машины должно вместить весь запас предполагаемых ништяков. Подполковник был в хорошем настроении, даже одет неформально – то вечно в разгрузке и с автоматом, словно на войну собрался, а тут, в честь неожиданного майского тепла, из военного на нем были лишь камуфляжные штаны и пистолет в кобуре. Обут был в кроссовки, а мускулистый торс обтянут красной трикотажной майкой.

– Ну что, Серый, собрался все же-на? – спросил он, протягивая руку.

– Так точно, пора, – ответил я на приветствие. – Запас отмазок закончился, даже для самого себя пригодных.

– Ну и правильно, – кивнул он. – Самое время-на. Раньше сядешь – раньше выйдешь. Беспредел на дорогах закончился-на, а передел еще не начался. У тебя по средствам связи ведь заявка была, так?

– Так точно, – кивнул я. – Не помешают. Разделить отряд не могу, всего одна мощная рация, остальные так, короткие.

– Да, это нехорошо-на, – согласился он. – В общем, дам тебе две «сто пять девять» со всем полагающимся, считай-на, что в оплату за Техническую библиотеку. Научники наши в восторге, и уже из других мест народ просит всякой-на информацией поделиться. Не ожидал-на, что такую умную вещь вы придумали.

Я аж вздохнул с облегчением и перекрестился. Проблема со связью давила на меня больше всего, никак ее обойти не получалось. И без связи нельзя. Все остальное у нас есть, по большому счету, нужды ни в чем не испытываем, а вот рации...

– А когда получить можно? – спросил я, чтобы не откладывать все в долгий ящик.

– Да сразу после склада и получите-на в роте связи, – пожал он плечами. – Командир уже приказал-на, так что вопросов нет, и связистов предупредил, чтобы не триппер какой давали, а в хорошем состоянии. Есть специалист, чтобы принял-на?

– Есть, это без проблем.

– Ладно, тогда в склад пошли-на.

Встретил нас там уже знакомый старший прапорщик, тот самый, что месяц назад нам оружие здесь выдавал. На этот раз искать ему ничего не пришлось, видать, Пантелеев заранее обо всем распорядился. На полу, на деревянном поддоне, были разложены шлемы стопками, броники в полиэтиленовых пакетах, еще какие-то упаковки, два ящика с патронами и серые картонные коробки, судя по виду – с пистолетами.

– Значит, смотри-на, – сказал Пантелеев. – Один ночник тебе даю, на СВД.⁵ – Он поднял брезентовую сумку с прицелом, открыл ее. – Больше не проси, но один дам.

– Это спасибо! – обрадовался Леха. – А то у нас по нулям с таким делом.

Пантелеев кивнул.

– Теперь сюда смотри-на. – Он указал на патронные ящики. – Это патроны УС,⁶ знаешь, что такое, да?

– С пэбээсами? – сразу спросил я.

⁵ Снайперская винтовка Драгунова.

⁶ Патрон с пулей с уменьшенной скоростью.

– Естественно-на, – кивнул он. – Все семь-шестьдесят два, это с длительного хранения-на. Нормальные патроны раздали-на, разделили, а эти-на, вроде как специальные, по складам частей раскидали. Есть у тебя автоматы под этот калибр, так?

– Так точно, аж четыре, – радостно подтвердил я. – А пэбээсы какие?

– ПБС-1,⁷ нормальный-на.

– А то у нас в роте были и совсем старые, где корпус пополам раскрывается, – пояснил я. – Не хвалили их.

– Я понял, их до шестьдесят второго года выпускали-на, – кивнул он. – Этот с нормальным сепаратором. Как пользоваться, знаешь?

– А что там знать? – пожал я плечами. – Меняй себе обтюраторы после двух сотен настрела, да и дело с концом.

– Я тебе руководство службы дам-на, – вздохнул Пантелеев. – Выучи.

– Есть.

Я присел на колено, открыл один ящик. Два зеленых цинка по шестьсот дозвуковых патронов УС с утяжеленной пулей, если верить надписи – в каждом по три резиновых запасных обтюратора. На крышке две полоски – черная и зеленая. Нормалек. Это очень здорово на самом деле, в иной ситуации стрелять очень не хочется, и деваться некуда, а тут, хоть и не бесшумно совсем, но примерно как духовушка в тире.

– Доволен-на, посмотрю, – усмехнулся подполковник. – Владей. У нас еще есть, сейчас не даю просто. А так буду подкидывать-на, когда вернешься.

– За это спасибо! – обрадовался я и закинул удочки на всякий случай: – А пять-сорок пять уэсов с пэбээсами нет?

– Ну ты нахал-на! – даже поразился он. – Нет, у нас нет.

Ладно, за спрос денег не берут, а то мало ли? Вдруг выгорит?

Да и не видел я их в глаза до сих пор, только на старые АКМ.

– Дальше-на пошли, – снова заговорил он. – Шлемы я тебе даю на весь отряд. По размерам сказать можешь, чтобы прямо сейчас отобрать?

– Могу. Давно готовился.

– Тогда вот с Борисычем разберитесь-на, – сказал он, указывая на старшего прапорщика.

– Ага, – кивнул тот. – Ком цу мир, воин.

Шлемы были все теми же БЗШ,⁸ которые мне успели понравиться. С размерами разобрался мгновенно, у них всяких хватало, а список размеров формы, снаряжения и обуви личного состава у меня всегда был при себе, как подобает. Старший прапорщик Борисыч ловко отделил в сторонку шлемы на выдачу, а остальные убрал подальше. Правильный прапорщик, понимает, что если боец вообще попал в склад, то чего-то не стырить он не может. Природа не позволит. Я и так по паре шлемов и броников сверху решил прихватить, на случай новых людей.

– Броники ты тоже такие знаешь, так? – уточнил он, начиная один за другим откладывать по списку размеров пятнистые «Бастионы».

– Знаю, нормальный броник. А пластины есть отдельно?

– Дам, – лаконично ответил Борисыч.

Действительно, дал, чем обрадовал окончательно. Теперь у меня все бойцы в защите, и это очень хорошо. Мотоциклетные куртки от мертвяков хороши, а их в тех местах, через которые пойдем, особенно много не ожидается. Зато от людей с оружием помогает обычно. И неплохо, по себе знаю, до сих пор сломанное ребро болит иногда. А не будь на мне броника, то все закончилось бы куда плачевней.

⁷ Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

⁸ Бронезащитный шлем.

– Все, больше здесь ни хрена не получишь-на, – подвел итог Пантелеев. – Дуйте в роту связи, а завтра мне заявку на топливо давай, чтобы хватило на рейд. Понял?

– Так точно!

На этом и разошлись.

Валера Воропаев, Зять

3 мая, вторник, день

– Ну чего, как ты?

Валера присел на табурет возле койки, на которой лежал бледный, измученный, похудевший и осунувшийся, но вполне живой Виталья. Плотнo забинтованная культия его левой руки была выложена поверх одеяла, натянутого по грудь.

– Да нормально, Старшой, – через силу улыбнулся он. – Спасибо, что рубануть догадался.

– Ты прости, что так вышло, – вздохнул Валера. – Мой косяк, полезли не глядя.

– Да какой косяк? – вполне искренне удивился Виталья. – Знал же, куда лезу, смотрел невнимательно. Нет, Старшой, нет к тебе претензий, нормально все.

– Это тебе.

Валера выложил на койку сбоку увесистый сверток, глухо звякнувший.

– Что это? – не понял раненый.

– Рыжья хорошо взяли из этого ящика, тебе доля положена, – объяснил Зять. – Плюс за руку компенсация. Здесь вообще-то много, ты теперь мужик при бабках, только жениться осталось. Пока в сейфе у меня полежит, а как выпишут – забирай. И «Ниву» тебе пацаны из города притащили, новую практически.

Тут он чуток душой покривил, «Ниву» притаранили не именно Витале, а вообще, но тут Зять власть проявил и своей волей решил передать ее инвалиду.

– И как я баранку крутить буду? – ехидно осведомился Виталья. – Зубами и хреном?

– А тебе по должности теперь водитель положен будет, – парировал заявление Валера. – Ты у нас за геройство свое растешь карьерно, шо звиздец.

– Да ну? – снова улыбнулся Виталья. – Ну раз жениться говоришь, Старшой, тогда осталось бабцу найти такую, чтобы инвалидов любила. И машину водить умела.

– Богатых инвалидов все любят, – в тон ответил Валера. – Иным не только машину водят, но одновременно... неважно, спать плохо будешь. А ты еще и при работе теперь. Я тебя хочу в зампотехи назначить, если ты не против. Дело растет, люди нужны, а к тебе доверие полное. Не против?

– А чего мне против быть? Все лучше, чем без дела слоняться.

– Доктор что говорит? Когда тебя отпустят?

– Через пару недель вроде как. Не раньше.

– Ну и нормально, дел хватит. Поправляйся, в общем.

На этом он вышел из комнаты. Возле крыльца дачного домика, приспособленного под больничку, стоял мотоцикл – красная «хонда» на зубастых колесах и высокой подвеске.

Раньше Валера никогда на мотоциклах не ездил, хоть все собирался научиться, а вот теперь сподобился, когда Самбистовы пацаны притащили откуда-то целый грузовик всякой двухколесной техники, а его боец Матроскин, как оказалось, до армии занимался мотокроссом. После десятка уроков Валера относительно уверенно, хоть не торопясь и не рискуя, катался на тарахтящей одноцилиндровой «эндуре» по окрестностям Базара, чем был невероятно доволен. Матроскин, кстати заменивший теперь раненого Виталю на должности первого помощника, тоже получил аналогичный ездовой агрегат, на котором и носился, причем куда энергичней своего босса, пугая людей треском мотора и опасными маневрами, а заодно пренебрегая высказываемыми вслух мнениями о его умственных способностях.

Вообще, Валера остался здесь почти что один – все его люди отбыли осваивать новую территорию возле Ивановковского водохранилища, увезя с собой два катера на прицепах, а сам он вынужден был задержаться здесь, в компании разве что Матроскина и неразлучного с тем напарника Швили – носатого бойца родом из Челябинска, за свой «румпель» и получившего

такую погремуху, которую он сам гордо называл «позывным». Приехавшие устроить засаду на некоего Сергея Крамцова люди так и продолжали квартировать в пансионате, командовавший ими капитан все так же продолжал доставать своими вопросами, но разыскиваемый Крамцов все не появлялся. Что в этом радовало, так то, что не появлялся он именно благодаря предупреждению Валеры, который таким образом просто высказал свое отношение к непрошеным гостям из тверского непонятного Центра, управлявшегося неким Бурко – партнером его бывшего тестя.

О «шалости» напоминал пистолет «Грач», который он теперь носил постоянно вместо своего такого же и который ему привезли Матроскин и Швили – таким образом тот самый Крамцов отблагодарил за предупреждение о подготовленной на него засаде. Не обманул он и в остальном – через пару дней бойцы Зятя снова метнулись в «Пламя» и вернулись с целой папкой вполне детальных чертежей. Валера передал их в открывшийся недавно на их территории автосервис, и главный тамошний мастер, которого все звали Михалычем, уверенно сказал, что по таким бумагам только и работать. Одобрил, в общем. В результате участники «подпольной сделки» остались вполне довольны друг другом, и Валера поглядывал на гостивший «засадный полк» с некоторой долей иронии, а пристающему с расспросами капитану отвечал просто, разводя руками: «Мужик, ну ты спросил. Откуда я знаю, приедут они или нет? Может, передумали. Или накрылись где-то, если они такие лихие, что ваших стреляют за просто хрен».

«Командировка» же, как называли отряд, выехавший на новое место, дважды в день выходила на связь. Там все шло по плану: место от мертвяков зачистили, людей разместили в опустевших домах, огородились «егозой», целую машину бочек с которой повезли туда, и уже спустили катера на воду. Сейчас там полным ходом шло строительство причала и защитного периметра вокруг него. Планы были наполеоновские и требовали подготовки. Валера был намерен разжиться грузовыми судами, для захвата которых, в общем, и перебрасывались туда катера. Если бы не «засадники», пропади они пропадом, Валера бы давно туда сам уехал.

Добравшись до Базара, Валера столкнулся с Самбистом – своим другом детства, ставшим со временем большим авторитетом в одной из бандитских группировок в ближнем Подмосковье, а теперь, собственно говоря, и рулившим всем этим Базаром и его окрестностями. По ходу его правления группировка разрослась – множество пацанов, потерявших связи и ориентиры, прибились к нему – и теперь вполне законно претендовала на первую руку в землях от Москвы и почти до самого Дмитрова. Валера был при друге кем-то вроде «министра экономики», а заодно, между делом, собрал еще и свою группировку из дезертиров, пусть и поменьше численностью.

– Валер, а этот Сергей, за которого весь кипеш, он точно к тебе собирался? – спросил Самбист.

Валера подумал, что «засадники» явно домогались того с очередными расспросами, а достать они уже успели всех, даже Самбиста.

– Ну ты сам как думаешь? – спросил он встречно. – Парень предложил продать чертежи, я согласился купить, вот и все. Он же мне ничего не должен, и я ему ничем не обязан. Так, перетерли и разошлись. Мало ли что он там себе думает?

– Ну а этим мне что говорить?

Сказав эту фразу, Самбист еле заметно кивнул на трех мужчин в обычном военном камуфляже «флора», к чему-то приценивавшихся у прилавка. На самом деле это было маскировкой – «гости» из Центра в иные времена выглядели чуть не «звездной пехотой» и лишь сейчас прикинулись «по-сиротски», чтобы не светиться перед тем самым Крамцовым, случись такому приехать на рынок.

– Вов, ты за язык меня тянешь, что ли? – возмутился Валера. – Я и так тут с ними время трачу за месть их кровную, у меня дела стоят, и ты еще хочешь, чтобы я гарантии давал?

– Время ты тратишь не за их месть, а за хабар, какого они нам машину пригнали, – резонно возразил Самбист. – Они свой постой оплатили, тут базара нет. Просто теперь вопросы задают, а отвечать нечего.

– Так мы им ответов и не гарантировали. Обещали обеспечить этим самым постоем на сколько угодно, так в этом обману нет.

– Они теперь хотят постоянный пост здесь открыть, вроде как вахтовым методом, – поморщился Самбист.

– Ага! – аж подскочил Валера. – Жадность не только фраеров губит, так? На телегу хабара повелись, а теперь узнали, что менты на шею сели и копыта свесили? Говорил же я... Знаешь, я бы на твоём месте с ними вежливо расстался. Сказал бы, мол, забирайте свое добро и катите до дому. Вас не надо.

– И какая обоснова под это?

– Да простая. Здесь масть серая, а у вас сплошь красная. У нас от вас проблемы – люди общаться отказываются. И все бы вернул, что взяли.

– Пацаны не поймут.

– А ты убеди, – вполне серьезно сказал Валера. – Ты старший, тебе и отвечать перед ними. Самбист заметно помрачнел.

Сергей Крамцов

4 мая, среда, утро

Середина дня была уже совсем по-летнему теплой. Мы с Лехой стояли возле наших машин, притулившихся в уголке парка, и пытались готовиться к предстоящему выезду. Здесь сейчас были все, и каждый старался сделать что-то полезное.

Задача, стоявшая передо мной, отличалась полным отсутствием способов ее безболезненного решения. Как установить подствольник ГП-25 на автомат, где стандартное цевье было заменено на «рейл-систем» с многочисленными планками под всякие приبلуды. Дело в том, что подаренные Пантелеевым глушители ПБС-1 могли устанавливаться только на автоматы калибра 7.62, которые у нас были все сплошь переделаны. Еще было в запасе несколько АКС-74 и АК-74, на которые подствольники устанавливались запросто, но зато их калибр не позволял использовать приборы бесшумной стрельбы. Как хочешь, так и решай, что тебе делать.

– Может деревянное цевье поставить все же? – предположил Леха. – Я же ничего не выбрасывал, все в кунге лежит, в ящике.

– Тогда придется без коллиматорных обходиться, – ответил я задумчиво.

– Коллиматорный у тебя и так на «сто пятом» есть, ты же им теперь больше пользуешься. А акаэмы будут вместо спецоружия, типа «Валы» у нас такие. Пэбээсы можно вообще не снимать. А если «рельсы» тебе нужны еще где-то, можешь на АКС какой-нибудь переставить, это без проблем.

– Блин, почему на «сто пятый» подствольник не предусмотрен? – возмутился я. – У американов на М4 ставится, а нашим трудно сделать подобное? Это же прямой аналог.

– Ты меня спрашиваешь? – удивился Леха. – Понятия не имею, по размеру не лезет. Хотя болгары вон ставят на клоны калашовские. Но другого выхода не вижу. Зато приклад у тебя новый остается, со щекой.

– Ладно, меняй цевье обратно, – согласился я с Лехой по здравом размышлении. – Будет у меня АКМ и под глушак, и под граник, «под людей» заточен. А с мертвяками воевать «сто пятый» пойдет, других вариантов нет. Большой, ты как с подствольником?

Володя, сидевший внутри «буханки» вместе с сестренками, обернулся ко мне:

– Нормально с подствольником. Не практиковался давно, но не забыл. Дай пару раз пальнуть, и все вспомнится.

– Всем бы пару раз пальнуть... – пробурчал я, придавленный жабой – вогов⁹ было мало, – при этом осознавая, что другого выхода нет, после чего сказал: – Бери тогда один граник, будешь еще и гранатометчиком штатным, когда не за пулеметом. Типа и жнец, и швец, и на дуде игрец.

Мы тут все такие, собственно говоря. Список «военно-учетных специальностей» куда длиннее, чем список личного состава. Мастера-многостаночники, блин. И деваться некуда.

– Мне, как скажешь, – протянул Большой и вернулся к своим делам.

С рациями, кстати, не обманули: в роте связи, хоть и поскрипев зубами, выдали две вовсе не убитых «сто пятьдесят девярых». Сейчас Большой одну стационарно устанавливал в «буханке», а вторая должна была пойти в головной «уазик», с возможностью таскания ее на себе. Теперь мы со связью при любых условиях, что не может не радовать. Можем делиться на две группы, которые будут расходиться километров на двадцать, а то и больше. А если антенну растягивать, так и за сотню связаться получится.

⁹ Выстрел гранатометный.

Что еще забыли? К чему еще не подготовились? Мысли в голове крутились каруселью, я двадцать раз перепроверял списки необходимого, доставал всех окружающих, но вроде существенных проколов в подготовке не заметил, разве что в каких-то мелочах.

На площадку зарулил второй УАЗ, на этот раз с прицепом, в котором виднелись бочки с топливом. За рулем сидел Шмель, рядом с ним Татьяна.

– Ну что? – сразу кинулся я к ним.

– Все, как обещано, – ответил Мишка. – Заправились под пробку, и на две тысячи верст пути запас в канистрах и бочках. По одной дополнительной заправке размещаем в машинах, а остальное так в прицепе и поедет за «буханкой».

– Считай, что на две с половиной тысячи на каждую машину, – добавила Татьяна. – Если совсем с ума не сходить, то должно хватить и туда, и обратно, и там покататься.

– Ну... должно-то должно, но сама знаешь, что у нас за маршрут, – сказал я с сомнением. – Зайца пьяного и хромого запусти, он и то прямее пробежит. Ладно, в любом случае совесть надо иметь, я бы все равно зампотеху не объяснил, на кой ляд нам еще больше бензина.

Так, теперь еще боекомплект правильно распределить с оружием. С одной стороны, не хочется «уазики» перегружать, особенно головной – случись чего, именно ему первому воевать, с другой стороны, не хочется все яйца в одну корзинку складывать, в данном случае в «буханку»: мало ли что случится? А с третьей стороны, «буханку» как командно-штабную машину постоянно будем держать в тылу, и места свободного в ней хватает, там вроде как в большей безопасности все. Теперь вот сиди и гадай, как лучше поступить.

Александр Бурко. Центр

4 мая, среда, середина дня

В пятницу, четыре дня назад, ТЭЦ получила первый брикетированный торф от Колена. Взамен его пока подключили к электричеству – и на торфоразработках, и в Медном, чего этот самый Колено для начала и добивался. Будет энергия – больше людей потянется к нему, больше будет доход. В перспективе Медное предполагалось переключить на питание от Удомельской АЭС, но сделать это пока не получалось, мешали технические проблемы.

Сегодня с утра порадовал Кудрявцев – заработала железнодорожная ветка от городских заводов до ТЭЦ, в дачном поселке возле которой размещали на жительство спасенных рабочих. И первая их смена сегодня же с утра направилась на вагонный завод: им предстояло запустить в работу литейку и слесарный цех – жизненно важные для будущего развития. Кроме того, тот же Кудрявцев доложил, что они способны запустить производство на заводе метизов, что неподалеку от Васильевского Мха, и все, что для этого нужно, – все та же электроэнергия.

– И надо бригады по сбору металлолома организовать, – добавил инженер. – Добыча железа нам теперь лет сто не понадобится, его под ногами хватает.

– Понял. Будем думать, кого подрядить, – согласился Бурко.

Обедал он с Пасечником, прямо у того в кабинете. Официантка принесла набор металлических судков, расстелила скатерть на совещательном столе, и через минуту вполне приличный стол был накрыт.

– Хороший борщ, – прокомментировал Бурко, зачерпнув ложкой в глубокой миске. – Как в лучшие времена.

– Да у нас времена не такие уж и плохие, если честно, – усмехнулся бывший генерал. – Достаточно вокруг оглядеться, чтобы понять – живем, как у Христа за пазухой. Ездите ведь по окрестностям, сами все видите.

– Это точно, – кивнул Бурко, соглашаясь и даже мысленно поставив себе маленький плюсик, потому что все, что есть сейчас вокруг них – Центр, бойцы, фабрика, безопасность, комфорт – все результат именно его прозорливости, не чьей-нибудь.

– От наших людей на подмосковном Базаре ничего нет, – сказал Пасечник, словно услышав готовый сорваться с языка вопрос шефа. – Крамцов не появлялся, Зять этот... – Перехватив удивленный взгляд, пояснил: – Авторитет местный, который с Крамцовым на встречу договаривался, все время на глазах, но никаких контактов не было.

– А точно должны быть? – спросил Бурко.

– Да какая там точность, – махнул рукой бывший генерал. – Договорились поменять что-то на что-то, причем не слишком нужное, баловство одно, потом тот мог еще сто раз передумать. Или даже заметить что-нибудь, мы же не знаем, что его еще с этим Базаром связывает.

– В смысле?

– В смысле, что владельца тамошние его видели случайно. Наши порасспрашивали там народ, выяснили, что Крамцова вроде и видели, но почти мельком, случайно, и ничем не запомнился, кроме того, что какому-то чеченцу машину продал.

– Что за чеченец?

– Да ничего интересного. Вроде была какая-то банда, да нарвалась на военных, этот единственный уцелел. Его с тех пор никто не видел, ну и Крамцова тоже. Тот какого-то барахла прикупил – и уехал.

– Сколько планируем там еще своих людей держать? – уточнил Бурко.

Пасечник усмехнулся:

– Если честно, то пока не решил. Место там полезное, все новости туда стекаются, товар, люди, все через этот Базар идет. Думаю, что неплохо было бы там типа посольства нашего усадить на постоянной основе, приглядывать вполглаза.

– А смысл?

– А так, впрок, мало ли, – снова усмехнулся Пасечник. – Считайте, что интуиция.

– Хм... не могу спорить, в этом не разбираюсь, – пожал плечами Главный. – А что по Горькому-16?

– Наши в готовности. Ждут. В контакте с местными.

– С теми местными, что мы на волю выпустили?

– А с какими же еще?

Сергей Крамцов

5 мая, четверг, утро

Раннее утро, еще даже не светает. На ранний завтрак в столовке договорились с вечера, а приготовить нам его взялась жена одного из тех «мастеровых мужиков», что мы вывезли с собой из дачного поселка. У всех лица сонные, вялые, но это не страшно – проснутся: дорога длинная впереди и поначалу должна быть спокойной.

Провожать пришли все – и взрослые, и дети. Правда, когда на Машу с детьми смотрю, у меня мороз по коже – пугает это меня, хотя прекрасно понимаю, что изменить ничего не могу. Да и в глубине души готов сам подтвердить ее правоту – такой опасный образ жизни становится для нас нормальным, профессией, можно сказать. Каждый ее выбрал совершенно осознанно, понимая, на что идет, и заставить изменить выбранному пути... ну меня бы заставить не смогли, это точно, так почему кто-то другой должен быть менее упрямым? Вот и пришлось смириться.

Кстати, изобилие женщин в отряде, напрягавшее меня поначалу, стало почти привычным. Причина проста – изменились основы самой жизни. Выживать нужно всем, и иметь востребованную в новых реалиях профессию тоже хотят все. Боец – это теперь профессия. Самая обычная, в ряду многих, потому что потребность в бойцах у общества в процентном выражении стала куда больше, чем раньше. Ни проехать теперь без опаски, ни добыть что-то, ни привезти – опасен каждый шаг за стенами людских анклавов. Вот мы и следуем... за требованиями рынка. Странно даже становится, как думаю об этом.

Даже Машу взять, например, – красивая женщина, мать двоих детей, мне бы к ней и относиться соответственно, а не получается. Раз в отряде – все, «активный штык», боевая единица, что угодно, военно-учетная специальность «снайпер», а по-другому думать о ней не получается. Это хорошо или плохо? Пожалуй, что хорошо. Мне командовать надо, а не размышлять о сущностях. А начнешь много размышлять, не сможешь приказать что-то, и тогда кончился ты как командир. Если бы я о Маше как о женщине думал, смог бы я отдать приказ завалить того эсбэшника «фармкоровского» в поселке Васильевский Мох? Очень сомневаюсь.

Елена, заведующая столовой, сама прикатила нам тележку с завтраком – яичница на огромных сковородках, с сосисками, помидорами и поджаренным беконом, гренки и чай. Сноровисто расставила все по столу, затем сказала:

– Тут слухи ходят, что вы куда-то далеко собрались. В общем, удачи вам, ребята, возвращайтесь скорее.

Мы хором поблагодарили, после чего принялись за еду. Хорошо, что заранее предупредил, чтобы по количеству очень не размахивались, – ели все вяло, хоть и торопливо. Так, лишь бы хоть что-то в себя запихать.

Потом обнимались, целовались – все как положено. Дети Маши и Большого были сонными, но никто из них не плакал и не пугался – вроде как уже привыкли к новому ритму жизни. Дети вообще ко всему быстрее привыкают, в отличие от взрослых. Потом осталось только командовать: «Выходи строиться».

Уже привычно построились перед машинами, и я потребовал провести последнюю проверку. Ну и сам полез в УАЗ. Пулемет, снизу коробки с лентами, РПК¹⁰ у переднего сиденья, стоймя, под панелью – «банки» к нему. За спинками сидений канистры с бензином, боекомплект в железных ящиках, вязанка «Мух», накрытая полиэтиленом. Все на месте, все в порядке. Рация пристроена безопасно, притянута медицинскими резиновыми жгутами. Тоже – в порядке.

¹⁰ Ручной пулемет Калашникова.

– По машинам!

Привычный маршрут до КПП. Мы во главе колонны, за нами следом сурового вида «буханка», вся в решетках, с длинными антеннами на крыше и с немецким военным прицепом сзади. За ней второй УАЗ, пулемет сейчас стволом в небо задран, видны лица в шлемах, масках и очках, даже не поймешь, кто там где. Ничего так выглядим, решительно, остается надеяться, что это и вправду врагов вероятных напугает. Три раза «ха».

Проверка на КПП, регистрация, гул открываемых металлических ворот, и серая лента дороги ложится под колеса. Есть, тронулись! К нашей главной цели, которая от нас далеко и путь до которой ожидается не слишком легким. Ладно, делай, что должно, и будь что будет, – что тут еще скажешь.

Я подхватил РПК, откинул сошки, пристроил его на отброшенное вперед лобовое стекло, накрытое толстой фанерой. Так спокойней и надежней, из этой машинки можно быстро и довольно точно сразу много пуль накидать в нужное место, а над головой у меня еще и ствол ПКМ виднеется, за которым пристроился Большой. Он у нас теперь стрелок-радист, поэтому сидит в головной машине, рядом с рацией, а второй пулеметчик. Сергеич, едет в замыкающей.

– Шмель, старайся быстрее семидесяти даже по трассе не разгоняться, – сказал я нашему водиле. – И горючка экономится, и ветер мешает меньше.

– Да понял я, говорили же об этом, – ответил он.

– Ну лишний раз не помешает, ты у нас не Цезарь, чтобы столько дел сразу делать.

– Это каких дел? – спросил он с подозрением.

– Одновременно слушать и запоминать, – гыгыкнул я.

– Сам дурак.

«Уазик» выбрался на шоссе, притормозил на секунду, мы огляделись. Затем я сказал в короткую рацию:

– Чисто, продолжаем движение.

Опять я с Татьяной расстался, она в замыкающей машине баранку крутит. Норовила ко мне в головную перескочить, но нельзя – «головняк» должен вести самый опытный, то есть Шмель. Поэтому у нас тут мужской коллектив получился. А в замыкающей с ней и Вика, и Маша, ну и Сергеич – единственный мужик.

Наш «головняк» уже привычно шел впереди, на пределе видимости, регулярно заменяя эту самую видимость «слышимостью» по радио. Но вокруг было пусто, даже скорее больше подходило здесь слово «пустынно». Вроде рядом высотки Солнечногорска, там и тут виднеются брошенные машины, а вот следов самой жизни, ее ауры, духа, того, что сопровождает живых людей, уже нет. Даже приглядываться к пейзажу не надо, чтобы понять, что город полностью покинут. Непонятно почему, но это видно сразу.

– Мерзко там, да? – спросил Леха, сидящий у меня за спиной.

– Точно, мерзко, – согласился я. – Посмотришь – и жить не хочется.

– Как думаешь, когда-нибудь города будут зачищать? – спросил Шмель.

– Это вряд ли, – подал голос сверху Большой. – Патроны, что ли, лишние у кого-то есть? Да и без потерь не обойдешься. И смысл какой? Людей мало, города они покинули, кормить только деревня может. Что там делать?

– Именно, – поддержал его Леха. – Особенно если учесть, что там вся инфраструктура и коммуналка гавкнулись уже. Это теперь просто скопление препятствий, ну и место добычи ништяков, не больше.

– Зимой могут пойти, – возразил Мишка. – Зомбяки от холода вянут и чахнут, их можно кувалдами перемолотить по подвалам.

– Ну с этим можно поспорить, – не удержался уже я. – Подвалы, к слову, ниже нуля редко промерзают. А значит, сами мертвяки не промерзнут, максимум вялыми станут. И никакой

гарантии, что у них какого-нибудь «аварийного заряда» энергии нет, как раз кинуться разок на того, кто с кувалдой подходит. Нет, не полезет туда никто специально их истреблять.

– Ну, может, и так, – согласился Шмель. – А вот если бы мы все же к зиме машинами на дутиках разжились, то другие мародеры нам бы не конкуренты были.

– Да слышал я уже, – ответил я.

– Слышал-то слышал, а хрена ли толку с того? Хорошо, что, когда от омовцев из гостей ехали, уговорил тебя ту «шаху» с «семерой» прихватить, сейчас хоть батя займется.

– Ну так прихватили все же, а чего тогда гундишь? – чуть возмутился я.

– Ну так... раньше надо было, – буркнул Мишка.

В этом весь Шмель. Я давно заметил, что в начале любого важного дела ему обязательно надо или побурчать, или на жизнь пожаловаться. Похоже, что это у него ритуал такой, типа как от сглаза спасается. Ну его дело, мне не в лом с ним лишнюю минуту полаяться.

Солнечногорск остался сзади, а я заглянул в карту. Нам теперь поворот не пропустить, потому что маршрут мы проложили по таким проселкам, которые заметить – это отдельное искусство. Там даже асфальт предполагается не по всему маршруту, хватает и грунтовок, как-то сельская местность у нас больше доверия вызывает, чем главные трассы.

Затем почти в полном молчании ехали с полчаса, настороженно оглядываясь. Не доезжая Клина, свернули направо, на узенькое, больше напоминавшее проселок, потрепанное шоссе, что вело в сторону поселков Zubovo и Красный Ткач. Такая же глушь, такая же мертвая тишина, звук моторов слышен далеко-далеко. В поле увидели бесхозное стадо коров. По виду коровы никаким «зомбизмом» не страдали, но если верить шашлычникам и ученым, то и страдать были не должны. «Шестерка» их не брала.

Интересно, это кто-то просто бросил стадо или выпускает пастись самостоятельно? Или из кустов следит? Тут, в стороне от шоссе, жизнь сразу другая стала, зомби могли сюда и не дойти. Хотя и помимо зомби всякой твари хватает, вроде тех же бандитов. Вон они как оживились.

Примерно через час неспешной езды по узкому шоссе, заросшему со всех сторон лесопосадками и окруженному полями, сначала услышали, а затем увидели Ми-8 в камуфляжной окраске, который прошел низко над дорогой и вскоре исчез за горизонтом, распугав птичьи стаи над полями. На нас внимания не обратил, да и летел он явно не с досмотром – блистеры закрыты, видны лишь два пилота за стеклом. Классно им, гладко, не трясет и видно далеко.

А вот птиц, кстати, было на удивление много. Не ворон, которые на трупах сидят, тех тоже хватает, хоть и не здесь, а именно птиц. Над полями, над поселками. Как будто раньше человек им жить мешал, а теперь они празднуют его частичное исчезновение с лица земли. Ну а что вы хотите? Теперь и у нас появился естественный враг, который нами питается. Пищевая пирамида слегка приросла сверху мертвяком. Всем остальным – радость одна.

После Зарубина свернули на проселок, ведущий через деревни Мишнево и Чумичево по захолустным местам. В этих деревеньках мы явно заметили признаки жизни, но люди из домов на улицу не показывались, и мы в свою очередь стремились проскочить как можно быстрее. Поводов к знакомству с местными у нас нет, да и они явно навстречу не рвались.

Когда до бетонки, к которой мы приближались, осталось совсем недалеко, я решил остановиться на дозаправку. Мало ли что будет на основной местной дороге, лучше будет выкатить туда с полным баком. Начали приглядывать укрывище в сторонке от дороги. Один съезд выглядел привлекательно – колея едва видна, уходит в густой осинник. Шнырь туда – и ты не виден ниоткуда, спрятался.

Колонну я придержал по радио, мы же сами съехали. А там полянка симпатичная открылась, колея через нее проходит и чешет хрен знает куда – в пределах прямой видимости ничего нет. Наверное, просто в поле, по ней в лучшие времена колхозные грузовики с тракторами ката-

лись. Развернулись, выкатили на дорогу. Дозаправка – дело ответственное, как бы кто не прихватил в такой момент. И в любом случае ее отрабатывать надо, еще не раз придется повторять.

Дал команду колонне, и она подтянулась следом. Начали заправку, а сам я с Лехой пошел поразведать в сторону от дороги, куда там эта самая колея тянется? Да и фишка никогда не помешает.

Подумав, задвинул «сто пятый» за спину и прихватил с собой свой старый добрый СКС,¹¹ поскольку в таких условиях от него пользы больше, чем даже от пулемета, да и оптический прицел пригодится, когда лень за биноклем лезть.

За осинником поле оказалось, а за ним что-то вроде элеватора. Я элеватор этот, или что там за хрень, и в прицел, и в бинокль понаблюдал – тихо все. Оставил Леху, потому как с этой точки он любого за полкилометра положит, кто с той стороны пойдет, а сам вдоль опушки двинул, стараясь на открытое место не выходить и из тени не высовываться. Голоса от места нашей стоянки доносятся, ну и ладно, не слишком-то громкие. Если кто на них пойдет, то сперва на меня, тихого, напорется. Я тоже нашел местечко за раздвоенным деревом, засел, пристроив карабин.

Через двадцать минут наблюдения между тем самым элеватором и собой, метрах в семистах, увидел стаю собак. Для четырехкратника далековато детали разглядывать, так я бинокль достал.

Снова пригляделся. А ведь мертвые собачки-то, гадам буду! Идут, ковыляя, и если встанут, то хвостом не махнут. Затем вообще встали. Я на таких уже насмотрелся, хватило, с живыми их не спутаешь. Одна хромает, у нее одна нога, почитай, вообще отгрызена. Интересно, а они на каком расстоянии слышат и как у них теперь обоняние? Как у живых? Ветер от них вроде, не должны унюхать, даже если бы живыми были.

- Леха, как принимаешь? – спросил я в микрофон.
- Чисто, – послышалось в маленьком наушнике в ухе.
- Собак наблюдаешь?
- Наблюдаю. Дохлые, – подтвердил мои подозрения Леха.
- Именно. Если направятся в эту сторону, то будь готов.
- Я всегда готов. Как целая пионерская дружина.

По расчетам, заправка около получаса должна занять, ручной насос штука не быстрая, значит, еще минут пятнадцать осталось. Долго еще. А они так и стоят на одном месте, как будто никуда и не собираются. Интересно, они в такой же «экономичный режим», как другие виды мертвой живности (как сказал-то, а? Еще бы «живой мертвостью» назвал), впадают? В спячку эту самую? Может, сейчас и впали? Хоть шевельнулись бы. Нет, вряд ли, тогда упасть должны. Лабораторные крысы падали. Кстати, если там элеватор, то должно быть крыс до хрена и больше. Крысы друг друга мочат под разными предложениями, а если досюда «шестерку» донесло, то там уже и мертвые крысы быть должны. Собаки эти самые не от них ли пошли? Перекусили крысами, или крысы их покусали... Очень, очень возможно. А на самом элеваторе сейчас настоящий кошмар может быть.

«Да хватит стоять там, валили бы отсюда, что ли», – с тоской подумалось мне. Ну раздражают они меня. Расстояние такое, что стрелять даже из «мосинки» бесполезно, а уж из СКС тем более, в башку попасть вероятность около нуля. Потом подумалось другое – привыкать надо. Спокойней к ним относиться, такая вот теперь кругом природа. Они далеко, не нападают, разве хреново? А как напали бы? Сейчас бы палил из карабина по бегущим ко мне десяти собакам и судорожно считал патроны в магазине, прикидывая, успею ли схватиться за автомат и поможет ли он мне? А так сижу себе и сижу, в бинокль наблюдаю.

¹¹ Самозарядный карабин Симонова.

Эх, едрить твою в дышло, надо было с «монкой»¹² сюда двигать. Перед собой бы поставил, если бы собаки рыпнулись, то пострелял бы сколько смог, а на подлете к цели – «монкой». Может, и всех бы пострелял, все же с двухсот метров валить бы я уже начал их конкретно, но на крайняк и «монка» бы сработала. У нее сколько зона гарантированного поражения? Пятьдесят? Ну это по проекту, а если рассчитать насыщенность сектора поражения летящими роликами, то тридцать примерно. Это если по человеку. И необязательно в голову. С собаками сложнее, но если еще ближе, то их вовсе на куски покрошит. И головы у них в сектор лучше попадают, они их, в отличие от человека, вперед вытягивают. «ПэЭмка»¹³ детонатор – ввернуть и вывернуть, провод размотать и смотать. Две минуты дела.

Все заново придумывать приходится. Никогда и никто не учил никого, что противника надо поражать только в мозг, и никак иначе. И это очень, очень напрягает. Но такая схема обороны сработает, должна сработать. Ломанутся прямо на меня, не маневрируя, на это ума не хватает. Бегут они хуже, чем нормальные собаки, медленней. Если набегут на мину направленного действия МОН-50, управляемую мной по проводам, – конец истории, если уцелеет кто после карабина и взрыва – из пистолета достреляю, все равно их всех изорвет. Другое дело, что «монок» мало, каждая на вес золота, и таких геморов лучше избегать. Но я для себя – больше, чем на вес золота, так что дойдет до края – изведу без проблем.

А собаки все стоят и стоят, не шевелятся. Затем в наушнике послышался голос Сергеича, сообщивший, что дозаправку закончили. Ну вот и ладненько. Я Лехе скомандовал сниматься с фишки, и сам пошел помаленьку, оглядываясь на собак вдалеке. Они и ухом не повели. Тихо прошел через осинник, закинул себя на правое сиденье «уазика» и скомандовал: «Вперед!» Вот так, сам командир и сам себе дозор. А что делать? Я уж лучше сам буду высматривать, где и что впереди, чтобы потом других не виноватить.

Выбрались на неширокую, но крепкую бетонку, тоже пустую, как тарелка в буфете. Ни души. Ни живой, ни мертвой. Пустота. Ну и ладно, нам так даже лучше.

Дальше нас дорога вывела к городу Дмитрову. Почти к городу, в него непосредственно мы соваться не хотели, дел там у нас никаких. Поэтому, примерно с километр не доехав до города, свернули налево, на Спиридово, а оттуда пошли на поселок 1 Мая, пропустив по левую руку деревню с подозрительным названием Кончинино. А до этого уже было Трахонеево. Привлекала нас на этой хреновой дороге возможность переехать реку по мосту, а заодно и возможность перебраться через железную дорогу возле платформы «75 километр».

Но как я уже говорил, мост – штука такая, удобная для засадного дела. И контролировать его проще всего – куда проезжим от моста деваться? И если еще вспомнить, что неподалеку отсюда была самая большая в России «малолетка»,¹⁴ где все детки оттуда сейчас? Поэтому сразу за Спиридовом, которое показалось опустевшим, вся колонна свернула с дороги в посадку возле поля, и мы с Лехой в пешем порядке отправились на разведку. На охране и обороне оказались все остальные. Причем Маша заняла толковую позицию в кустах, с которой можно было очень быстро отстрелять всех, кто проявит излишнее любопытство к спрятавшейся колонне.

Я еще раз глянул на карту. Помимо поселка 1 Мая на ней был изображен загадочный поселок Опытного Хозяйства Центральной Торфоболотной станции. Во как. Дорога загибалась влево и шла между этими поселками и берегом канала как раз к мосту. Если, например, занять эти поселки силами, нам враждебными, а нам дать втянуться всей колонной между домами и берегом, то мы окажемся в идеальном мешке. Без вариантов оттуда вырваться.

¹² МОН-50 – противопехотная мина.

¹³ ПМ-4 – подрывная машинка.

¹⁴ Колония для малолетних преступников.

Мы шли больше по неглубокому кювету вдоль дороги, старясь особенно не маячить. Местность была хороша для засады, но крайне плоха для разведки. Сплошное открытое пространство и поля, непонятно чем засеваемые. У канала с двух сторон густой кустарник, специально насаженный, наверное, для укрепления берега. В нем как раз мы сможем укрыться и насколько-то продвинуться вперед.

Добрались, пригибаясь, до кустарника. Из него долго, минут двадцать, наверное, наблюдали в бинокли противоположный берег, но никакой подозрительной активности не заметили. Затем я пошел дальше, хоронясь в кустах, а Леха метрах в пятнадцати за мной двинул. Забавно будет, если здесь люди как люди и сейчас наблюдают из окон за двумя дураками, перемещающимися короткими перебежками.

Прошли вдоль берега, оглядываясь во все стороны, до места, откуда можно было рассматривать дома поселка. Какой это из них, 1 Мая или этот самый «торфяной», – я так и не понял.

Я подозвал Леху и поставил задачу:

– Леха, давай дальше и паси мост, все равно ни черта не пойдем. Потом там тебя подсадим. А я попытаюсь деревню проверить поближе.

– Понял, давай.

Леха кустами пошел дальше. От взгляда из окон домов его скрывали не только заросли, но и уклон к реке. А меня сейчас ничего скрывать не будет. Поэтому о перебежках можно забыть, только лишнее внимание привлеку, а надо стараться идти так, чтобы из окон в меня можно было стрелять лишь под самым неудобным углом.

Вышел из кустов, автомат на изготовку, и пошел, чуть не посвистывая, как немец в деревню. Дошел до первого дома, никто в меня не стрелял. В окна заглядывать или в дверь стучать? Или просто сесть с карабином за забором и следить, чтобы окна на эту сторону ни в одном доме не открывались? Пока они все закрыты, из тех, что мне видны. Если засаду местные устроить решат, то окна откроют. Через собственное стекло нормальный колхозник стрелять не станет. А если пришлые?

А были бы пришлые, то был бы какой-нибудь беспорядок виден, им бы местных жителей гнать пришлось. Ладно, будем глядеть в окна, двери и куда ни попадя.

Обошел первый дом, выстроенный из серого силикатного кирпича, поднялся на крылечко. Постучал в дверь, прислушался. Вскоре раздались шаги, после короткой паузы дверь распахнулась. Передо мной стоял мужик лет за сорок, в сорочке с расстегнутым воротом, серых брюках и тапочках-шлепанцах.

– Здравствуй, немцы в деревне есть? – спросил я.

Тот посмотрел в то, что у меня вместо лица – в очки на черной маске под шлемом, – ответил:

– До вас не было.

– А что вообще здесь происходит?

– Ничего вообще не происходит, – пожал плечами тот. – Часть людей уехала, часть осталась.

– А что в Дмитрове делается?

– Стрельба вчера была в Дмитрове, – чуть подумав, ответил он. – Кто-то воевать взялся. Машины мимо нас проезжали. Мертвяков в Дмитрове хватает, но сюда они не доходят.

– Почему?

– Мост, который в городе, перекрыт, а на этой стороне от города только окраина, – показал он рукой куда-то в сторону. – А на ней вроде как и местная милиция, и кто-то еще засел.

– Спасибо, – кивнул я. – Проводите нашу колонну через деревню?

– В смысле? – не понял мужик.

– Прогуляйтесь со мной, пока колонна через поселок не проедет. Не стучаться же мне во все дома по очереди?

– Понял, – усмехнулся мужик. – Заложник нужен?

– Проводник. Чтобы с дороги мы не сбились.

Мужик протянул руку за дверь и вытащил оттуда, аккуратно удерживая за ствол, помпо-вик и патронташ на поясе. Неплохо.

– Не возражаете? – спросил он, кивнув на ружье в руке. – Мало ли кто встретится?

– Нет, разумеется, – ответил я и протянул руку к ружью. – Разрешите на минутку?

Он вздохнул, протянул дробовик мне. Я утопил пальцем крошечную клавишу снизу ствольной коробки и, быстро задвигав взад-вперед цевьем, выбросил из ружья пять патронов двенадцатого калибра. Они поочередно со стуком падали на пол, мужик провожал каждый из них взглядом. Я вернул ему ружье, затем сказал:

– Отойдите назад, пожалуйста.

Он отступил на пару шагов, я присел, собрал выпавшие патроны и протянул ему:

– Возьмите, пожалуйста. Так проводите?

– А что мне остается? – сказал он, ссыпав увесистые цилиндрики в карман. – Пойдемте, а то и вправду заблудитесь.

Я спросил в микрофон:

– Леха, что по мосту?

– Ничего. Пустота, – слышался ответ.

Мужик вышел из дома, обернулся ко мне, спросил:

– Засады опасаетесь? Можете не опасаться. Сейчас в городе что-то делают, не до нас им. А вот когда доделают, тогда уже ничего не могу гарантировать. Сам думаю отсюда убраться подальше.

– А вообще люди в поселке есть?

– Есть. Примерно половина осталась.

Вдруг, совершенно неожиданно, как иллюстрация к разговору, со стороны города донеслась вспышка спорадической, но очень интенсивной стрельбы, как будто целые пучки деревянных реек ломают в отдалении.

– Вот! Слышали? – словно даже обрадовался мужик. – А вчера так целый день было.

Стрельба начала усиливаться, слышались гранатные разрывы. До города отсюда совсем близко, крайние дома видны хорошо, так что и слышимость что надо.

– Колонне продолжать движение, – скомандовал я. – В деревне меня посадите.

Затем слегка подтолкнул своего спутника, приглашая продолжить прогулку, а сам сместился правее его, чтобы он оказывался между мной и окнами домов. Предосторожность излишней никогда не бывает.

Мимо города Дмитрова нам удалось проехать без происшествий, хотя видели и людей, и мертвяков. За людей выступала группа разношерстно одетых и разнообразно вооруженных мужчин, стоящих на дороге возле грузовика ЗИЛ. В грузовике сидели женщины, дети, лежали сумки, так что мы заключили, что эти люди нам не угрожают. И оказались правы.

Мертвяки тоже попадались, и, к удивлению моему, даже не слишком редко. И брели они почему-то из города. В первый раз такое видели, обычно все наоборот происходит. Что их погнало?

Единственная дорога пролежала через окраину Дмитрова. Но мы туда соваться не стали, памятуя рассказ деревенского старожила и прислушиваясь к продолжающейся стрельбе. Действительно, схватился там кто-то с кем-то не на шутку, видать, дошла очередь до передела первоначально захваченного. Поэтому мы свернули по проселку к деревне, обозначенной на моей карте как Подчерково, а там нашли стихийно образовавшуюся грунтовку-колею, по которой, немилосердно пыля, добрались до бетонки.

Через несколько километров у неприметного поселка с табличкой «Пос. совхоза «Буденновец» увидели АЗС старого образца с тремя очень старыми колонками. Решили задержаться,

потому что дорога отсюда просматривалась далеко и подобраться к нам незаметно было невозможно. А проверить, есть что-нибудь в цистернах или нет, хотелось. Нам никакой литр бензина лишним не будет, даже самого грязного, со дна. Отфильтруем, фиг ли нам, главное, что не лень.

Электричества не было, естественно. Его давно уже не было. Шмель оторвал лицевую панель от колонки с надписью «А-76», за которой обнаружился набор каких-то шестеренок. Затем он зашел в оставленную открытой будку «королевы бензоколонки» и вышел обратно, неся в руке нечто напоминающее ручку «кривого стартера». Эта ручка была ловко приспособлена к одной из шестерен, Шмель покрутил ее, и мы обнаружили, что на этой АЗС топливо не закончилось. На дне осталось, мутное и грязное, но все же что-то из «пистолета» текло.

Я тоже решил посмотреть на АЗС изнутри. Зашел, огляделся – ничего интересного. Разбросанные по полу бланки накладных, опрокинутый стул на полу, второй стоит у стены. Распахнутый металлический шкаф. Пульт с тремя древнего вида циферблатами и открытый кассовый аппарат. В кассе ни копейки, кто-то не удержался, выгреб. Зачем? Что теперь с этими деньгами делать?

А вот на стене пятно запекшейся крови, как будто кто испачканной рукой провел, даже следы пальцев видны. Что тут произошло? Я вышел обратно, зашел за заправку, огляделся. Трупный запах, и довольно сильный. Как я раньше внимания не обратил? Привык к нему, не кажется больше чем-то исключительным? А ведь вполне может быть.

Насторожился, взял «сто пятый» на изготовку, но никакой мертвяк ниоткуда на меня не кинулся. В канаве, что пролежала метрах в пяти от задней стенки домика, обнаружился чей-то совершенно объеденный труп. Остались одни кости, с которых свисали обрывки одежды и мяса. Кто грыз?

Присел на корточки, присмотрелся внимательней. Череп был разбит, судя по всему – чем-то тяжелым и острым, вроде топора. Труп сбросили в канаву, остались даже в прошлогоднем бурьяне следы, как он катился. Чей труп, мужской или женский, сейчас и не поймешь. А вот кто его ел? Никаких других следов не видно. Если бы жрал кто-то крупный, то остатки сухого прошлогоднего репейника вокруг мертвого тела были бы изломаны. А такого не произошло. Странно.

Я огляделся по сторонам. Канавка с одной стороны шла вдаль, а с другой исчезала в бетонной трубе сантиметров пятьдесят в диаметре, ливневке местной. Оттуда кто-то приходил, что ли?

Поднявшись с корточек, я медленно пошел в сторону трубы, вглядываясь в землю. Капал дождь недавно, все следы смыл, но дно канавы в начале трубы было засыпано пылью, а туда дождь не попадал. И как раз там отпечатались множество мелких следов. Крысы! Вот кто обожрал труп. А вот живые крысы или мертвые – это неизвестно. Следы у них одинаковые. И вообще, я только думаю, что это крысы, вспомнив, как выглядели лапы наших подопытных. А может, это вообще зверь, науке неизвестный. Шучу.

Стало как-то зябко сидеть возле этого входа в темную трубу, я быстро поднялся и отошел к машинам.

Мы по очереди крутили ручки возле колонок, заполнив под пробку пустую бочку, нормальный бензин из которой долили в баки. Будет время – почистим этот, главное, что его у нас прибавилось. Считаю, расход снова с нуля начинаем.

Однако занял весь процесс около часа. И когда мы отъехали от колонки и я взглянул на часы, то задумался, сколько же мы сегодня еще проехать успеем? Впереди нас ожидал большой мост возле поселка Жестылево, который мне тоже не нравился ввиду своей «засадопригодности». Поэтому мы решили сделать изрядный крюк, в сторону Буславля, а оттуда двигаться проселками в сторону Сергиева Посада. Проселков на моей карте в этом месте не было, зато были деревни, а деревни всегда между собой или с близлежащим шоссе соединяются. Так что я не сомневался в том, что мы дорогу найдем.

Поначалу дорога у нас под колесами была асфальтовая, но разбитая до невозможности, трясло на ней беспощадно. Поэтому, когда мы нашли съезд на проселок и свернули на мягкую грунтовку, ощущение было такое, что как будто в рай въехали. Наступила почти что тишина, нарушаемая фырчанием мотора.

Напряжение, которое царило с утра, понемногу ослабло. По крайней мере, мы стали просто разговаривать, а не только по делу фразами перекидываться. Я понемногу начал прикидывать, где мы остановимся на ночлег. Хотелось бы это сделать где-нибудь подальше от основных трасс. Например, проселок, по которому мы ехали, мне очень нравился, потому как было похоже, что последняя машина по нему проехала сколько-то дней назад, а никак не сегодня.

В конце концов этот путь вывел нас к узенькому и неровному шоссе. Выбрались на него, но вскоре заметили еще один съезд в нужном нам направлении. Я снова посмотрел в карту – да, есть деревни, значит, есть и дорога или, по крайней мере, обозначенное направление. А уж наши машины проедут по любому направлению, в этом не сомневайтесь.

Съезд на противоположную сторону шоссе нашелся через пару минут, достаточно нака-танный, чтобы считаться дорогой, но недостаточно для того, чтобы полагать дорогу оживлен-ной. Именно то, что нам и надо.

Затем была одна непредвиденная остановка по уважаемой причине. Как говорится, «мальчики – налево, девочки – направо». Этому ответственному делу предшествовал не менее ответственный инструктаж, хоть и краткий – раньше мы это уже проходили. В быстрой речи я перво-наперво наложил запрет на любые перемещения поодиночке. Даже поход в туалет должен осуществляться попарно, с выставлением боевого охранения. Например, если я сижу в кустах с напряженным лицом и думаю о вечном, то с крайне уязвимого для любого врага в этот момент тыла меня должен охранять Леха, засевший поодаль в секрет. После того как я свои дела полагаю законченными, я могу оказать Лехе аналогичную услугу, выставив боевое охранение его задницы. Любой другой способ «отправлять естественные надобности», как это называется в Уставе гарнизонной и караульной службы, находится под запретом до прибытия в место, объявленное мной безопасным. Поэтому система «Гадим на природе» стала сугубо парной, как в дайвинге – Buddy System.

В общем, сбегали, загрузились в машины, поехали дальше. Днем остановились на еще один быстрый привал, но обеденные пикники я запретил, светлое время суток надо использовать по максимуму. И к тому времени, когда я решил, что надо начинать подбирать место для привала ночного, мы как раз добрались до границы Московской и Владимирской области, обогнув по внешнему кольцу все более или менее крупные города, такие, как Сергиев Посад. Была идея сунуться за гостеприимством южнее, к Ногинску и окрестностям, где до сих пор было множество людских анклавов под защитой многочисленных в этих местах военных, но я такую идею сразу отмел. Если дадут ночлег, то начнут расспрашивать, а болтать не хотелось, и вообще...

Объект, который словно специально напрашивался на место ночлега, увидели примерно через час. Прямо посреди поля за полуразрушенным бетонным забором виднелись два вытя-нутых здания с воротами в торце. Ферма, причем явно заброшенная давным-давно, от запаха навоза и всего такого прочего и следов не должно остаться. А ворота большие, можно въехать на машине прямо внутрь, и со стороны не видно будет нашего лагеря.

– Давай туда, – скомандовал я Шмелю, на что он лишь кивнул и вывернул руль.

Колея до поваленных ворот вела уже едва заметная, почти заросшая, машина на ней раскачивалась, как лодка в зыбь, стебли прошлогодней травы хлестали по бамперу. Не доезжая метров пятидесяти, встали.

– Шмель, не глуши. Леха, проверим. Большой, прикрываешь с пулеметом, – быстро раз-дал я указания, выпрыгивая на дорогу.

Две другие машины остановились поодаль, у съезда с дороги. Правильно действуют.

– Давай прогуляемся, – пробормотал я, включая фонарь на «сто пятом».

Гулять долго не пришлось – запах мертвечины почувствовали почти от ворот и сразу замерли как вкопанные.

– Чуешь? – спросил Леха, потянув носом воздух и настороженно оглядываясь.

– Ага, – ответил я, направляя острый луч фонаря в темноту за распахнутыми воротами. – По-любому нам делать здесь нечего, если даже мертвяков нет, то дохлятиной воняет. Не нюхать же до утра.

– Я тоже так думаю, – с готовностью поддержал он меня. – Давай лучше еще что-то поищем.

– Соображаешь, – кивнул я, давая задний ход.

В луче фонаря мелькнуло что-то движущееся, закрытое подгнившими досками полуразваленного загона, и я крикнул Большому:

– Движение видишь за досками? Дай туда пару раз.

– Движения не вижу, но дать – дам, – ответил он.

ПКМ прогрохотал очередью патронов на десять, выбив тучи пыли и щепок из ветхого дерева и явно кого-то спугнув. Что-то быстро метнулось от нас в дальний край здания, и Большой это движение засек, выпустив вслед еще одну очередь. А мы между тем уже грузились в машину.

– Шмель, давай на фиг ходу отсюда. Нечего здесь ловить.

«Уазик» решительно рванул с места, развернулся прямо по траве, давя сухие стебли, и поехал обратно к дороге, к ожидавшей нас колонне. В битву мы не рвемся, у нас другие дела.

Сергей Крамцов

6 мая, пятница, утро

Вчера с вечера костерок разожгли, поставили на таганок котелок с водой для чая. Пусть хоть что-то горячее за день в брюхо упадет, а то в пути все больше бутербродами обходились. После неудачной попытки пристроиться на ночлег на заброшенной ферме ехали еще не меньше часа, пожалуй. Когда почти стемнело, нашли пустующие пакгаузы возле какой-то железной дороги, выглядящей давно и совершенно заброшенной. Там было абсолютно, идеально пусто, как в кармане у нищего, но при этом строения были вполне капитальными и даже шифер на крышах оставался почти целым, хоть и не везде. Под одной такой дырой в потолке костерок и разожгли.

Машины удалось упрятать между близко стоящих складов, разве что фишку организовать на крыше не получилось, слишком велик был риск ее продавить и полететь вниз, но потом решили ограничиться наблюдением в окошки. Вокруг одни поля, не должны на нас ночью большими силами люди нападать, а вот всяких мертвяков с морфами как раз лучше встречать за стеной. Надежней. И разбудить всех будет просто, благо легли здесь же, вповалку, расстелив матрасики прямо на бетонном щербатом полу и завернувшись в спальники.

В первую смену караулить поставили сестриц. Они, можно сказать, в тишине и относительном комфорте всю дорогу ехали, в салоне «буханки», вытянув ноги и развалившись в креслах, разве что на Пашку жаловались – курит много, всю машину продымил. Ну пусть курит, недолго осталось. У него запас сигарет к концу подходит, и где их брать, он не знает, а мне на эту тему и размышлять неохота. Курить – здоровью вредить, бросать пора.

Уснули все быстро, я даже удивился – ожидал, что все еще трепаться перед сном будут, раз под одной крышей собрались, как обычно и бывает, но нет – кто-то что-то сказал, кто-то ответил – и наступила тишина. Относительная, конечно: кое-кто похрапывал.

Мне по графику выдалась «собачья вахта», против чего я, собственно говоря, не возражал. Рано лег, поэтому и проснулся легко. Откинул спальник, обулся быстро. Вообще-то свежо с утра пораньше. Даже холодно. Кивнул разбудившей меня Татьяне с благодарностью и быстро перебрался на ее пост.

За ночь здесь постарались, устроили что-то вроде высокой лавки напротив окна. И не уснешь, потому что свалишься, но и на ногах больше топтаться не надо. Ну и молодцы. Было темно, лишь у самого горизонта появился какой-то намек на рассвет. Скоро начнется, пять утра, пора, май на дворе.

Где-то вдалеке ухала сова, а больше никаких звуков над всем мирозданием. Тишина. Привыкать к ней стали уже, кстати. Поначалу так странно и непривычно было, особенно в городе, а теперь вроде как и нормально. Замерла жизнь, та, которая осталась.

В общем, смену отсидел спокойно. Никого не видел, никого не слышал, никто нас не беспокоил. Никому не понадобилась кучка старых кирпичных пакгаузов у черта на рогах, у линии ржавых и просевших рельсов, которые, наверное, и не ведут никуда.

Побудка тоже прошла относительно легко, растолкали всех быстро. Спокойно расселись, зябко поеживаясь в утренней прохладе, снова вскипятили воду под чай, позавтракали. Можно, конечно, с ходу по машинам и ломиться дальше, но едем все равно очень медленно, регулярно останавливаемся, проверяем дорогу, так что лишний час погоды не делает.

Километрах в трех от нас деревня. Я ее только с утра в бинокль разглядел и заметил, что многие трубы дымят: значит, в домах печки топят. Ну или плиты, тут уж кому что. Похоже, что в деревне люди живут, а не мертвяки, иначе такой идиллии не было бы. Впрочем, истину мы уже давно вывели – чем глуше деревня и дальше от больших городов, тем больше вероятность того, что в ней все живыми останутся. К тому же крестьянин не только хитер

и достаточно умен, чтобы выживать в любой ситуевине, но еще и служили из мужиков местных все. Это не городские, отмазываться от армейской лямки у них особых возможностей не было.

Вопрос тогда такой: кто мы для деревенских? Городские дурачки, да еще столичные, – законная добыча? У нас ведь и техника, для села идеальная, и стволы, и вообще имущество всякое. Или мы все же выжившие в конце света, как и они? Вот вопрос вопросов, и рано или поздно, но прояснять его придется. Если бы знать, что деревня будет не враждебной, то можно было бы туда смелее заезжать, а то и на ночлег проситься.

Но теперь не до того, выяснять некогда, надо ехать. Мы хоть и прошли вчера немало, но реально лишь Москву обогнули и только-только начали двигаться в нужном направлении. Это по прямой пятьсот верст, а наш маршрут куда длиннее в силу своей вихлястости.

Наш дозорный УАЗ выскочил на дорогу, мы огляделись. Сумерки уже ушли, день обещал быть солнечным, видимость до самого горизонта нормальная. В общем, колонна пошла. Мы немного ускорились, отрываясь от нее, уходя в головной дозор.

А вообще поездка спокойно пока проходит, тьфу-тьфу-тьфу, подумалось мне. На морфа мы вчера разве что почти напали, но ушли спокойно, блеснули разумом, так сказать. Интересно только, «людской» это был морф или какого-то зверя версия? Думаю, что когда-нибудь диссертации еще будут защищать по «морфологии морфов». Вообще-то тема интересная, учитывая, что даже люди меняются довольно разным образом. Согласно условиям обитания или как?

Ну еще от собак дохлых напряг был, да и тот издали, можно даже вовсе это не считать. А пока под зубастыми покрывками нашего вездехода похрустывает асфальт какого-то «междеревенского» двухполосного шоссе, мотор под капотом урчит ровно, бак почти полный, живем помаленьку. И жить будем еще как минимум час, а вот затем... затем надо будет идти к шоссе, пересекать реку, потому как других мостов на этом направлении нет. А мост по понятиям хоть тактическим, хоть стратегическим, хоть военным, хоть варначьим, да и просто по жизни – узкое место, перекрыть его легко, я уже об этом говорил, да и вообще такая мысль возвращается в голову регулярно.

Второй мост здесь тоже имеется, но он железнодорожный. Черт знает, сумеем ли мы на него вообще с машинами подняться и проехать по нему? Или мы там просто застрянем? Лучше и не проверять. А то так даже проедешь, а потом выяснишь, что с насыпи не съехать, и покатишь, куда рельсы ведут. Кому такое надо?

Проскочили через несколько деревень, в большинстве из которых жили люди. Нам смотрели вслед, враждебности никакой не проявляли, хоть во взглядах сквозила настороженность. Действительно, мало ли кто мы такие?

В одной же деревне на улицах лежали обгрызенные трупы, в поле зрения попались несколько мертвяков. И опять стая дохлых собак, попытавшихся было увязаться за колонной. Это они живых почуяли или остатки памяти от прошлых сельских кабыздохов работают, которые облаивали все, что едет мимо? Выяснять не стали, не до этого. Просто уехали от них подальше. Что случилось в этой деревне, что она так «озомбела»? Странно, мне казалось, что деревням-то мало что угрожает. Хотя в некоторых только старики и живут, у иных и сил-то защититься не будет, случись там зомби появиться. Но все равно странно.

Когда добрались уже до околицы, я краем глаза увидел что-то справа, поодаль.

– Стой! – окликнул я Мишку. – погоди секунду.

Взялся за бинокль. Непонятное сразу приблизилось, и я выматерился оторопело. А затем скомандовал:

– Давай туда поближе, осторожненько, слышишь?

– А чего там? – спросил Мишка, сворачивая в поле и приглядываясь, щуря свои маленькие глаза.

– Да там трупов куча, – ответил я, после чего скомандовал в рацию: – Колонне продвигаться на километр и ждать нас.

Нечего тут, рядом со стаей дохлых собак, особенно мельтешить, пусть из поля зрения исчезнут.

По мере приближения к страшному месту мы снова учуяли запах. Мерзкий, тяжелый, липкий и уже привычный аромат разлагающейся мертвой плоти. А затем мы увидели трупы. Четырнадцать человек, взрослые, дети, мужчины, три пожилые женщины, выложенные в неровный ряд. Пятна крови на одежде, кровь в грязи и грязь на ранах, посиневшие лица, изуродованные выстрелами, мелкие белые черви, копошащиеся на трупах.

Волосы зашевелились под шлемом, я почувствовал, как волна слабости накатывает на меня, в глазах потемнело. Вдохнул несколько раз подряд глубоко, пытаюсь восстановить сознание.

– Это что? – тихо спросил Большой.

– Не знаю. Прикройте меня, – ответил я и полез из машины.

На всех трупах пулевые ранения, а на некоторых еще и ножевые. У всех прострелены головы. У одного ребенка, мальчика лет шести, голова расколота сильным ударом, почти расплющена. Многие частично объедены, но почему здесь нет морфов?

– Стреляли в голову после обращения, – сказал Леха, остановившись рядом со мной. – Видишь?

Да, это не перепутаешь, цвет кожи трупов говорит сам за себя. Что-то меняется в зомби настолько, что даже разлагающийся труп отличается. И этих людей кто-то перестрелял и перерезал. Затем, когда они обратились, всем выстрелили в голову – кто-то не хотел раскармливать морфов.

– Тот, кто это сделал, – недалеко, – сказал я. – Совсем недалеко.

– С чего ты взял? – спросил Леха.

– Если кто-то истребил людей в деревне и при этом подумал, как сделать, чтобы не появились морфы, – его это почему-то волнует. Моральную сторону отбрасываем сразу. Вывод – морф опасен для них самих.

– А зомби в деревне? – спросил он. – А собаки?

– Они еще и просто стреляли в людей, как мне кажется. Те пытались или разбежаться, или отбиваться. И собак перебили. А этих поймали, вывезли сюда и перебили.

– Зачем?

– Откуда я знаю? – вздохнул я. – Уроды потому что. Грабили, может быть. Поехали отсюда, все равно ничем не поможем.

Зрелище придавило. Может, и не так, как при иных обстоятельствах, потому что перед нашими глазами прошли уже тысячи трупов, привыкли ко всему, но это... Вспомнился бандит Толя, которого кастрировали и повесили возле Солнечногорска... Ему бы еще вот этих в компанию, которые здесь порезвились.

– По машинам, – пробормотал я и полез на переднее сиденье. – Отъедем на пару верст и встанем, надо подумать, прежде чем дальше соваться.

Дорога завияла, уводя нас от мертвой деревни, поле закончилось, и с двух сторон нас стиснул густой ельник. Мы встали, и я, подхватив планшет с картами, направился к нашей «кашээмке», где и встретился с Сергеичем.

– Про мост думаешь? – сразу спросил он меня.

– Про мост, – кивнул я. – Там деревню всю истребил кто-то. Люди ведь сделали.

– Думаешь, что они могут мост контролировать? – уточнил он.

– Могут. И почти наверняка контролируют.

Я развернул карту на брезенте, закрывавшем прицеп с горючим. Подошли еще и Леха с Машей и Викой, а водители и стрелки остались в «уазиках», на всякий случай.

– Аня, – заглянул я в недра «буханки», – обмен какой-нибудь есть?

– Давно нет ничего, со вчерашнего дня еще, – ответила сидящая у раций девушка. – Тишина полная кругом, как в пустыне.

Ксения подтвердила ее слова кивком. Но это ничего не значит, у банды, если это банда, может и не быть раций, а может, им просто болтать в эфире не о чем. Например, они не разделяются на группы, так о чем тогда говорить?

Километров пять до моста осталось, того самого, которого я давно опасаясь. Очень он стратегически выгодно расположен, его не объедешь ниоткуда, только через него дальше идти. А если идти, то надо разведывать, чтобы не нарваться.

– Леха, – повернулся я к другу, – опять нам с тобой прогуляться придется. Готов?

– А что, есть другие варианты? – усмехнулся он.

– Не думаю. Давай, в общем, «лохматки» и оружие с ПБС. Как понял?

Ну вот и пригодились подарки Пантелеева. Тихо на разведку сходить – оно в самый раз. И Леха таким же образом вооружился, авось не на шумим лишнего, если что приключится. Тут же помимо врага еще моментик – напорешься где-то на мертвяка, а то и морфа, который мог из деревни убести, и придется стрелять. И тем самым обозначить себя на местности для любой враждебной твари в радиусе нескольких километров. Оно кому надо?

Пошли лесом, стараясь не терять из виду дорогу слева. Она у нас за путеводную нить была, потому что вела, если верить карте, прямо к мосту. Шли неторопливо, часто осматриваясь, а еще основательней прислушиваясь. Но слышали только птиц, которые словно стоворились шуметь как можно больше, а видеть вообще ничего не видели, что привлекло бы внимание. Шли себе и шли. Когда впереди за деревьями первый просвет появился, замерли.

– Давай вдоль опушки, там осинник густой, – сказал я, указав направление движения.

Осинник в этих местах в лесу как чума. Зарастает им хвойный лес, а потом и вовсе прилипчивый подлесок душит большие деревья. Но нам эти заросли сейчас на руку, уже все зазеленело, листвою ветки одело.

Шли тихо, все время старались держать между собой и потенциально возможным противником кустарник, пни, стволы деревьев. Лесок слева от дороги вскоре заканчивался, заваливаясь по береговому склону к реке, а справа тянулся дальше, и по нему мы подобрались к мосту метров на сто пятьдесят, не нагняя и не вылезая на опушку.

– Не ошиблись, – шепнул Леха. – Тусняк на мосту.

– Точно. Понять бы кто, – прошептал я в ответ, укладываясь на землю за кустами и доставая бинокль. – Ладно, наблюдаем, делаем выводы.

Я глянул на солнце. Оно было еще на юго-востоке, от нас чуть сзади и слева, бликов от нас не будет. Поднял бинокль, приложил к глазам, навел на мост.

Не знаю, они ли перебили людей в деревне или нет, но публика на мосту мне не понравилась. Там стояли два армейских «Урала» поперек движения и белый «крузак», такой, как у Лехи, старой восьмидесятой модели. Вокруг машин люди, все повально с АК-74. Автоматы средненько так вытертые, как в нормальной части бывает, но при этом далеко не старье, у всех рыжие бакелитовые магазины. Кто в камке, а кто и по гражданке одет. Но в камуфляже мало, сам камуфляж – стандартная уставная «флора». Банда все же или вроде нас «партизаны»? Местная самооборона? Они людей убили или защищаются от тех, кто убил?

Перекрыли подъезды к своим краям? Грабят проезжающих? А кто проезжает? Нет никого на трассе. Все же закрылись от кого-то? Перекрыли мост, чтобы мертвяки на тот берег не лезли? Что угодно может быть. Но проверять экспериментальным путем у нас желания нет, не те времена теперь. Пусть их бабай проверяет, если ему надо.

Прямо под насыпью дороги, в траве, вповалку с десятков трупов. И кто это такие? Могли ведь проезжими быть, а могли и мертвяками, кто теперь разберет? Хотя... непокусанных мертвяков почти не бывает. Если видишь двух, то можешь быть уверен, что хоть один из них дол-

жен нести на себе следы того, что его когда-то ели. А каждого третьего ели долго и с аппетитом, мало что на нем оставив. А эти? А эти в такой густой траве, что ни черта не видно. Правда, одеты все по-осеннему, а у мертвяков такая однородность редко встречается. Там же кто откуда – кто из дома, кто с работы, а кто вообще из ванной. Вот так, уже нового опыта набрались, даже в живых мертвецах разбираемся. Скажи мне кто об этом месяц назад... Но все равно, ранений не разглядев, судить трудно, тем более с такого расстояния.

Стоящие на мосту болтали о чем-то, некоторые курили. Что-то в голове навязчивое крутилось, как будто какая-то мысль ускользала, как будто напрягись чуть-чуть, и все поймешь, кто они такие и откуда. Стрижки у всех короткие, ни усов ни у кого, ни бороды. Морды у некоторых явно уголовные, но тут еще и стрижки впечатления добавляют. Зэки? Но не все на зэков похожи.

– «Кум» и отрицалово – близнецы-братья, – прошептал рядом Леха.

Ну точно ведь! Ну баран я, что еще сказать? Вертухай с контингентом, все же как на блюде выложено. Какие выводы? Выводы простые: ехать через мост, да еще с женщинами в команде, – трындец. Ждать, когда уйдут? А они не собираются никуда. Сколько их там? Я уже семнадцать насчитал, а может, не всех и вижу?

Так, сколько у нас до другого моста отсюда? До железнодорожного... сто верст примерно, если с этого места, насколько я помню, я уже прикидывал альтернативный маршрут. Сто верст не так страшно, если обменять этот крюк на отсутствие проблем, но там дальше несколько плохих мест будет, а здесь только мост проблемный. Да и что на том мосту нас ждет, кто знает? Я же говорил, что он железнодорожный, и говорил, что может выйти так, что мы с машинами на него и не вскарабкаемся.

– Что думаешь? – шепнул Леха.

– Ничего пока не думаю, – вздохнул я. – Посмотреть надо. Их там взвод, считай. Чего они стоят как бойцы – без понятия, но взвод с автоматами – это по-любому сила.

– Пулеметы или что-то такое видишь? – спросил Леха. – Я не вижу.

– Тоже не видел, – подтвердил я. – Я специально высматривал. Все с «калашами», и ничего больше.

– Что у вертухаев в оружейке может быть? – размышлял вслух Леха. – Эсвэдэхи есть? Пулеметы? Ну там с вышек палить и так далее?

– Я знаю, что ли? – удивился я вопросу. – Без понятия. У Сергеича спросить можно, он в «вованах» служил. Раньше они зоны охраняли, может, и знает.

– Так это когда было!

Наплевав на радиомолчание, запросили Сергеича по радио, благо дальность короткой связи еще позволяла, но он нас не просветил совсем. Он все больше по строевым частям проболтался, закончил службу в Дзержинке, нынешнем ОДОНе. А вертухай теперь вообще вне структуры МВД, их уже во ФСИН¹⁵ давно передали. В любом случае именно с содержанием караулки он знаком был плохо.

Я огляделся вокруг. Дорога от моста уходила вдаль прямо, без бугров и впадин, видимость должна быть на километр примерно, не меньше. У нас есть оружие с оптикой, а у тех, на мосту, я такого не вижу. С поправкой на отсутствие у контингента реального опыта, могу сказать, что дистанция боя даже в триста метров для них – область фантастики, они с этого расстояния в слона не попадут, даже если тот будет стоять на месте, окрасится в оранжевый цвет и увешается мишенями. Не попадут, потому как будут торопиться, будут целиться по центру, будут лупить очередями, много что делать будут, чего делать не надо.

¹⁵ Федеральная служба исполнения наказаний.

А вертухаи сообразят? Если сообразят и тем скомандуют, то могут по закону больших чисел в кого-то из нас попасть. Это уже хуже. Хотя сомнительно мне, что кто-то из вертухаев большую практику в стрельбе поимел, не та служба, не те должности.

Что мы имеем? Мы имеем пулеметы с отличной дальностью ведения огня, стреляющие старыми длинными патронами от трехлинейки. Мы имеем «Тигра», а по факту, учитывая модернизации, – СВД с такими же патронами, для которого четыреста метров – оптимальная дистанция боя. Мы имеем отличную снайперскую «мосинку» и хороших стрелков с ними. У нас есть «Мухи», но отсюда и под таким углом не попадем толком ни во что: фермы моста мешают. Что имеют они? До взвода людей, с автоматами, возможно, с кучей патронов. Что еще? Да что угодно, кроме бронетехники, ее в кузов «Урала» не спрячешь.

В чем наше преимущество? Нас пока для них нет, нас не обнаружили. Если распределим позиции, цели, подготовимся, прицелимся, то первым залпом можем вывести в расход половину их личного состава. А если они так хором помрут, то вторая половина в момент в штаны накидает, это я гарантирую. И дерьмо в штанах будет мешать им думать о битве.

– Леха, будем воевать, – сказал я, опуская бинокль.

– Есть идея?

– Есть, – заявил я. – Они на середине моста стоят, маневра по фронту у них ноль, так?

– Так.

– Укладываем тебя дальше по дороге, внагиак, прямо на обочине, метров за четыреста, и кого-то с «мосинкой» рядом. Меня, например. Начинаем постреливать по этим. Их реакция?

Он подумал секунду, затем ответил:

– Сначала ввяжутся в бой, потом, когда будут потери, попытаются атаковать. По крайней мере, выйти с моста на эту сторону, рассредоточиться. Бежать не станут, скорее всего, западло все же, да и смысл бегать от двух стрелков?

– Точно! – обрадовался я такому совпадению мыслей. – К этим кустам метров на сто подойдут. Что с той стороны дороги – не вижу, сейчас разведаем, но думаю, что тоже до леса недалеко. Организуем засаду с двух сторон. Ставим все, что имеем, пулеметы, карабины с оптикой, «Мухи» возьмем. Их, по моим подсчетам, там семнадцать.

– Я восемнадцать насчитал.

– Может быть, – согласился я. – Значит, если ты не безрукий, к тому моменту, как они с моста соскочат, из них можно сделать двенадцать или тринадцать. Им только до конца моста метров пятьдесят бежать, так?

– Так.

– Дальше, – продолжил я излагать свою стратегию. – В голову не стрелять вообще, бить в тело. Объяснять надо?

– Хочешь, чтобы жмурики поднялись?

– Именно. Им дополнительный гемор. А если прощелкают воскрешение, то хороший мертвяк и сам кому-нибудь глотку перегрызет. У них же ни шлемов, ни броников, верно?

– Дальше по ходу все понятно.

– Ну и пошел я дальше, раз понятно. Надо подступы разведать и маршруты выдвижения.

Леху так и оставил наблюдать, полез шарить по окрестностям сам. Осторожно, «шепотом» ходил, замирал подолгу. Больше часа у меня ушло на разведку подступов к мосту. Пришлось уйти далеко по шоссе, там переползти на противоположную сторону, снова подойти ближе, а потом возвращаться в обратном порядке. Но разведка, даже кроки набросал, дальномером расстояния померил. Леха же наблюдал, сообщая, что противник ведет себя лениво, но уходить с моста никуда не собирается. Понятно, постоянный пост устроили. На их месте я бы тоже устроил.

Еще почти полтора часа ушло уже на занятие позиций. Тем более что каждого до его места чуть не за ручку вел, потому как полагаться на догадливость было нельзя. Я все разведывал, я за все и отвечал.

Когда позиции были почти заняты, а мы с Лехой наполнили песком два рюкзака, раскопав пехотными лопатками склон маленького лесного оврага, и тащили их к обочине, то увидели, зачем реально стоит этот заслон на мосту.

Откуда-то издали послышался звук мотора, а вскоре мимо нас проехал грузовичок УАЗ с двумя мужичками в кабине. Сообразить, что не надо на мост соваться, они не успели. Их остановили, выволокли из машин под прицелом. Отобрали две двустволки. Быстро обшарили карманы, подвели к склону и застрелили. Стреляли в грудь, кстати. Затем несколько бандюков встало вокруг них, явно дожидаясь, когда те встанут, и затем добили, уже выстрелами в голову, а потом сбросили тела в реку. Все прошло быстро и деловито.

Грузовичок загнали за один из «Уралов», где и оставили. Похоже, что идет самый банальный грабеж. Странно то, что на первый взгляд транспорта им хватает и без этой машины. Значит, их больше? Может быть, зона неподалеку, с сильным дефицитом транспорта? Значит, если проскочим мост, то дальше надо будет валить без оглядки.

До этого долго думал, кого уложить с трехлинейкой рядом с Лехой, и лучше себя никого не придумал. Маша стреляет не хуже, скорее даже лучше, но она будет нужна в кустах, с фланга, чтобы вступить в дело тогда, когда противник в атаку пойдет или начнет за фермами укрываться. Обнаружат ее не сразу, а стреляет она быстро, так что много дел натворит со своим СКС с оптикой. А мощнее ей и не нужно, дистанция ведения огня вообще детская.

Вправо от дороги заслал Сергеича с пулеметом и с ним Таньку и Вику, которые на свои «74М» оптику нахлобучили. Слева от моста Большой за пулеметчика пристроился с Машей и Шмелем, у которого три «Мухи» с собой. В общем, в три огня взяли, все четко.

Собрал доклады о готовности, после чего уже дал команду нам двоим на выдвижение. Напряглись, вытолкнули на дорогу самый наш сюрприз – эти самые два рюкзака с песком, завернутые в куски масксети. Типа передвижного бруствера получилось, автоматная пуля точно не пробьет, и закрывает это все нас до самых глаз, и под винтовки отличная опора.

Вообще-то, если бы те, кто на мосту, смотрели вдаль внимательней, то уже должны были заметить, что возле дороги, прямо на обочинах, два новых бугра появилось. Но не заметили, расслабились, да и наблюдателей у них не было, так, просто тусовка.

Ветра вообще не было, травинка не шевелилась, что упрощало задачу. Целься самую малость выше. Падение пули меньше полуметра, здесь ноль на трех сотнях. Итого семнадцать кликов вертикальной поправки. Можно было полторы тысячных вниз по сетке «Мил Дот» взять, но стрелять надо будет быстро и часто, так что не стану этого делать, крестом буду целиться.

– Леха, готов? – спросил я, закончив щелкать барабанчиком и приладив винтовку на рюкзак с песком.

– Давно уже, – фыркнул тот.

– Начинаем. Ты справа, я слева, к центру. Сосредотачиваемся на вертухаях, которые в камках, они в бою потолковой могут быть.

– Понял.

Я передернул затвор, мягко скользнул патрон в казенник.

– Огонь, – скомандовал.

Выстрелили мы с Лехой одновременно практически. Его результат я не видел, но свой разглядел хорошо. Моя пуля ударила в середину груди мужика в камке и военной кепи, он дернулся и завалился назад. Ранений от такого попадания иных, кроме смертельных или очень тяжелых, быть не может, броников я ни у кого там не видел.

Я передернул затвор, попутно выцеливая следующего в камке. Вот он, присел на колено у капота «Урала», пытается пристроить автомат на бампере. Грудь закрыта, видны голова и все ниже груди. В голову не попаду, пожалуй. Ему я вогнал пулю в живот. Эффект был тоже что надо, тот резко скорчился, схватившись за себя руками, и повалился на бок, поджав колени.

А вот уже кто-то командовать догадался, рукой машет, но не в атаку зовет, а укрыться от огня требует. Хотел я его сшибить, но не успел: Леха постарался. На мосту заматались, пытаюсь найти укрытие, хотя для полутора десятков человек на трех дорожных полосах это нереально. Только за колесами машин, но это, в данном случае, так себе укрытие для такой толпы.

Потом искрами тут и там замелькали дульные вспышки, они нас все же засекли. Но я опять прав оказался, пули все больше в дорогу бились метрах в двухстах перед нами или, наоборот, шли намного выше, тихо посвистывая. Опасаться следовало лишь рикошета от дороги, и то близкого.

Я навел винтовку на еще одного камуфляжного, лежащего за колесом «Урана», выстрелил. Твою мать, все же нервничаю, из «мосинки» да снайперским патроном грех промахиваться на такой дистанции – попал в диск колеса, судя по искрам. И противник совсем укрылся.

Снова передернул затвор, поискал целей. Все цели за мостовыми фермами укрылись, им самим стрелять невозможно, но и нам они не видны. Мой прогноз про атаку не оправдывается, недостаточно военным у них командование оказалось, не бросило их в атаку, они так и будут с моста отстреливаться до конца света.

– Фланги, цели наблюдаете? – запросил я.

Фланги наши пока в драку не вступали, ждали команду.

– Наблюдаем чисто, как на ладони, – ответил Сергеич.

– Как в тире выставились, – ответил Шмель.

– Тогда огонь по готовности. Стрелять в тело, все помнят?

Я снова навел перекрестие с крохотным красным кружочком на скрещении волосков, размером в угловую минуту на ста метрах, на укрывающегося за колесом, снова выстрелил. И попал на этот раз в руку. Должно хватить, энергии у этой пули достаточно. Хреново ему сейчас.

Услышал пулеметную очередь, перекрывшую басовитостью «калаши» обороняющихся, вторую, наложившуюся на нее, звонко захлопал СКС, я увидел, как из-за ферм моста на проезжую часть с обеих сторон начали выпадать убитые. И вот теперь там явно запаниковали. Трое в гражданке побежали, не скрываясь даже, вдаль от нас, кто-то заметался, пытаюсь укрыться. Одного бегущего свалил Леха, попав в спину.

– Шмель, давай в них одну «Муху», чтобы обделались окончательно, – сказал я в микрофон. – Хоть в опору, лишь бы шутку оценили. Придави их.

– Сделаем, – послышалось в эфире.

Я увидел, как двое пытались отстреливаться в сторону Шмеля, присев за высоким бетонным бордюром, но при этом открывшись мне. Одного, как мне показалось, Маша убила, второму пулю в бок вогнал я. Он выронил автомат вниз и свалился навзничь. Перезарядка у меня, а кабина одного из «Уралов» тем временем расцвела взрывом, но не красивым, как в кино, а просто пыхнуло, вспыхнуло, подпрыгнуло, полетели ошметки. Было загорелся тент, но сразу погас. Не брезент там, а что-то вроде клеенки, негорючее, видать.

А вот и первый результат приказа не стрелять в голову: поднялись сразу двое, оба за спиной тех, кто еще отстреливался. Тот, которого я убил первым, и еще один, в камуфляжных штанах, кроссовках и гражданском свитере. За грузовиками пошла какая-то суeta, судя по всему, кто-то успел обернуться, застрелили камуфляжного, я видел, как он завалился, но тот, который в свитере, набросился на кого-то сверху.

Кто-то начал перебегать, показал спину из-за колеса, в которую влетели сразу две пули, моя и Лехина. Я начал заталкивать по одному патроны в магазин, вынимая из патронташа на прикладе, а тем временем еще один встал, из убитых Сергеичем, судя по всему, на мосту пошла паника, кто-то за кем-то гонялся, с флангов по всем постреливали наши, внося еще большую суматоху. Я прицелился в тех, которые бежали уже в дальнем конце моста, прикинул падение траектории, выстрелил. Промажнулся, суета моя ненужная, мать ее. Снова перезарядил, выстрелил. Попал, причем на этот раз явно в позвоночник, у того ноги как будто на бегу отнялись.

Леха дострелял магазин во второго «бегуна», но тот петлял как заяц, так что все прошло мимо. Беглец спрыгнул с дорожной насыпи вправо, едва закончились фермы, был обстрелян Сергеичем из пулемета, но тоже уцелел, хоть Сергеич считал, что задел его. А вот к кому он бежит?

Двое с моста, побросав оружие, спрыгнули в реку. Там же метров пятнадцать, это же уметь надо прыгать в воду с такой высоты, чтобы не убиться. Но в любом случае нам они уже не помеха. Да и вообще никто не помеха, закончилось все, строго говоря.

– Шмель, вместе с твоими, дуйте за машинами и подгоняйте их к тому месту, где у вас сейчас позиция, – снова взялся распоряжаться я. – Надо валить, а то остальные обидятся, что коллеги сотни сложили. Сергеич, оставайтесь на месте.

Теперь нам надо уйти в отрыв, потому как очень похоже, что этот заслон на мосту стоял специально с целью добычи транспорта. Для того взвода, условно, что там был, и имеющегося хватало с избытком, значит, их где-то неподалеку столько, что в два «Урала» и джипарь они влезть не могли при всем желании.

– Живых на мосту нет, – сказал Леха. – Мертвяки там одни, жрут кого-то.

Тут он прав. Будь там и живые, и мертвые, суеты было бы больше. Я набил патронами опустевший магазин, дотолкал недостающие в патронташ. Затем сказал в микрофон:

– Сергеич, страхуй нас, мы понемногу к мосту пойдем, дозачистим. И пусть Таня от тебя выдвигается туда же, только нас дождется.

Мы встали и, не торопясь, пошли прямо по дороге в сторону моста. Я винтовку уже отправил за спину, передвинув на грудь «сто пятый» и откинув приклад. Леха тоже моему примеру последовал. Пока там машины подгонят, еще минут пятнадцать пройдет, а нам надо теперь уже с десятков мертвяков отстрелять. Даже больше. Считаю, убить всех заново.

А у мертвяков уже жор пошел всерьез так, не по-детски. Ожившие трупы навалились на неживших – двое были убиты выстрелами в голову, – вцеплялись в них зубами, стараясь оторвать куски плоти, трясли как собаки головами. Возня, чавканье, мерзость, кровь ручьем. Так мы их и добились, пока зомби новообращенные – они совсем тупые, даже убегать или нападать не пытаются, им только жрать.

– Лех, новый тактический прием, хоть наставление пиши, – сказал я, обведя произведенный разгром рукой, после того как с зомби покончили.

Действительно, серьезно мы выступили, можно гордиться. Правда, противник нам глупый и неопытный попался, но все равно. А заодно появилось ощущение того, что справедливость-то восторжествовала. И за деревню перебитую ответили, и за тех мужиков из «уазика», и за трупы, что под насыпью лежат. Хорошо мы их, собакам и смерть собачья, аж душа поет песни радостные.

– В смысле? – спросил вдруг Леха уже из кузова уцелевшего «Урала».

Полез он туда мародерничать, естественно, первый и основной инстинкт победителя. Кстати, с трофеями очень неплохо, туда-сюда, а дюжину нормальных АК-74 взяли, хоть и старой модели, «весла», так оно и лучше, тогда качество не в пример нынешнему было. Время будет, есть смысл их до ума довести на манер моего АКМ, да и пользоваться. Еще взяли патронов аж девять цинков, да еще снаряженных магазинов кучу, три ПМ и несколько сот патронов

к ним. Остальное было или поломано, или с моста в реку упало. Те, кто спрыгнул, уцелели оба, кстати, мы видели обоих, выбравшихся из воды метрах в пятистах вниз по течению. Я даже из трехлинейки попытался в одного пальнуть, но не попал, а они за поворотом крутого берега скрылись.

– В смысле стрелять так, чтобы убитые со стороны противника обращались. И на них кидались, – ответил я.

– А, это да, это удачно получилось, – согласился Леха. – Это мы просто новаторы.

Из леса показались наши машины, вскарабкались на шоссе, затем выкатили на мост. Оперативно побросали все трофеи в «буханку», кое-как, лишь бы быстрее, с намерением разобратся позже, загрузились, быстро из пулеметов прострелили движки и радиаторы уцелевших машин на мосту и поехали прочь.

Нас, к счастью, не преследовали, хоть с замыкающего «уазика» заметили показавшийся из лесу УАЗ же, с тентом, явно военного типа. Оттуда вышли двое, которые смотрели нам вслед, пока не пропали из виду. Наверное, решили плюнуть на нас.

Я бы на их месте не стал гоняться. Почему? А очень просто. Со связью у них явно проблемы, потому что УАЗ появился не сразу, а через полчаса после разгрома на мосту, видать, беглец добежал и доложил о нападении. Добежал до своих всего один, так что логично предположить, что нападавших много. И о наличии гранатометов, снайперов и пулеметов он тоже сообщил. Будешь гоняться всего вдвоем и на одной машине? Сомневаюсь. Скорее смыться сам захочешь.

Сергей Крамцов

6 мая, пятница, вечер

Днем прошли через несколько деревень с совершенно нормальным населением и в конце концов решили остановиться прямо в одной – на дозаправку, а заодно и колодезной воды набрать в запас. Деревня, вроде и не маленькая, стояла в стороне от дороги, мы ее даже с заштатного этого шоссе с трудом разглядели – посадки заслоняли. Потом в бинокли понаблюдали и увидели, что там живые люди ходят без опаски. И без оружия.

Подумали-подумали и все же решили заехать. Прокатились по улице, встали у колодца. Все вышли, стараясь выглядеть подчеркнуто миролюбиво, очки, шлемы и маски стянули, оружие за плечами. Опять же расчет на то, что при виде женщин меньше напрягаться будут.

Так и вышло. Едва ведро в колодец опустилось, как подошла немолодая крепкая тетка, вежливо поздоровалась. Затем еще одна подошла, потом пара мужиков показалась, но эти уже с двустволками. Начались расспросы, кто мы, что мы и откуда, начал завязываться разговор, еще подтянулись люди. Первоначальная настороженность разошлась быстро, а затем, к великой нашей радости, нас предложили покормить – все были уже голодными. А я сразу решил не только не отказываться, но если удастся, то в деревне и заночевать. Уже шесть вечера, под три сотни мы сегодня прошли, и ладно. Зато здесь мертвяками никто не запуган, все поспим по-человечески. Хотя деревня патрулируется, ходят мужички с ружьями. Видать, есть причина.

Как-то незаметно для себя мы оказались за длинным сборным столом во дворе, как выяснилось, у председателя колхоза. Наташили еды, похоже, что готовили в разных домах. Я хотел выставить пост у машин, но председатель, пузатый мужичок с хитрой рожей вечного посетителя пивного ларька, сказал, что отвечает лично за сохранность имущества, и сел рядом со мной. Я решил рискнуть и пост выставлять не стал, мысленно прикинув, что, в случае необходимости, мы деревню по бревнышку разнесем. Но доверие может сработать лучше, чем явное выражение недоверия.

За столом мы тоже не схалявничали, выставили водки из наших запасов, к чему общество отнеслось с явным одобрением. Оказывается, по хорошей водке здесь успели соскучиться, в меню доминировал самогон местного производства.

Дальше разговорились, все со всеми, в разных концах стола. А председатель, отзывавшийся на Михал Трофимыча, или просто Трофимыча, начал аккуратно выпрашивать меня, куда и зачем мы направляемся. Дежурным ответом было задание нашего нового командования на доставку важных документов черт знает куда, в секретное место, в общем. Версия вызвала достаточное уважение и звучит таинственно, оценил ее председатель.

А дальше и я принялся за расспросы о том, что тут было с началом Катастрофы. Выяснил, что бедствие почти не задело немаленькую деревню Старогорку, в силу ее удаленности от областного центра, равно как и деревень вокруг. Разумеется, были и здесь случаи обращения, и собаки мертвые завелись, и даже крысы, но набрать ту критическую массу, чтобы перебить живых, не смогли. Деревня отбилась. Собак постреляли, на крыс реагировали и собаки и кошки, поэтому их, в силу неуклюжести, даже палками бить было можно, но самое главное – мертвые крысы свои основные крысиные навыки растеряли. Норы прогрызать разучились, и организация у них распалась. Получились из них довольно никудышные уличные твари, которые к тому же на человека не нападали. Великоват он для них, наверное. Хоть ногами их топчи. Потом побыстрее стали, но не настолько, чтобы представлять реальную проблему.

А вот чем ближе к областному центру, тем хуже была обстановка. Пока деревенских никто не тревожил, деревня стояла в стороне от трассы и даже от местного шоссе, но патрулирование местности кой-какое наладили. Глобальных планов старогорцы не строили, по-кре-

стьянски собираясь и дальше питаться от земли и своих трудов. Я поинтересовался наличием банд в округе, и Трофимыч уклончиво сказал, что кто-то что-то слышал, но толком не знает. Пришлось мне его порадовать подробностями сегодняшней перестрелки, а заодно и рассказом про перебитую деревню у моста. Это его заметно шокировало, он даже выпил в задумчивости, а я его поддержал, особенно после того, как сбоку вмешался какой-то мужичок и сказал:

– Ну точно, зона, что в Камышовке, разбежалась. Откуда им еще браться? И по месту похоже, им до моста пять верст оттуда.

– От мля, не было печали! – в сердцах сказал председатель, хлопнув себя толстой ладонью по не менее толстому колену.

– Трофимыч, а чего ты хотел? – Я подцепил с тарелки соленый грибок, закидывая в пасть следом за водкой. – Банды везде появляются. Прежней власти не стало, и новой еще нет. Вот теперь каждый и пытается к ней подобраться.

– Была ментовская, а будет воровская? – вздохнул председатель.

– Не-а, ни хрена, – мотнул я головой. – Будет того, кто сильный.

– И кто же теперь сильный? – влез мужичок, который вмешался в разговор.

– Где кто, – пожал я плечами. – У вас неподалеку вояки были? Или нет?

Трофимыч подумал, поморщил лоб:

– Двадцать верст отсюда артополк был. И еще ракетчики стоят подальше, верстах в пятидесяти, стратегические вроде как даже.

– Вот они могут быть силой, – заявил я. – Без проблем.

– Это как же? – удивился председатель. – От них и до напасти этой толку-то не было. То их не кормят, то им не платят, а от них никогда ни слова. Ворье да менты страной правили, что хотели, то и делали. Не, у военных отродясь глотки не было!

– Глотки не было, зато кулаки были, – возразил я. – Раньше они под правительством существовали, правительство генералов погнilee на них сажало, чтобы не рыпались. А как началось, то в Москве и вокруг они одни властью и остались. А бандитов вешали, кстати, на фонарях. А насильникам еще и яйца резали перед этим.

Последнюю подробность я добавил исключительно для придания нужного колорита, и идея кастрации с последующим повешением председателю почему-то очень понравилась, мы даже еще выпили за такое дело.

– А правительство-то это самое... оно куда делось? – вдруг залюбопытствовал председатель.

– А хрен его знает, – пожал я плечами. – Кое-кого военные расстреляли у аэропорта, кто за границу собирался. А где остальные – никто не знает, о них с начала заварухи ничего не слышно.

– Ну хоть кого-то расстреляли, и то – слава богу, не все сбегли, – истово перекрестился на икону Трофимыч, затем уточнил: – Значит, смыться не дали?

– А хоть бы и дали... Такое во всем мире, как и у нас. Что тут от мертвяков бегать, что в Америке – разница невелика.

– Тоже верно, – вздохнул он, поскребя в затылке. – Это им отсюда казалось, что там лучше будет, а если везде одно и то же, то... Хрен редьки не слаще. Надо же, двух месяцев еще нет, как началось, и уже конец света.

– Ну Трофимыч, погорячился ты, – возразил я. – Не полный конец, мы-то еще здесь сидим да водку пьем. Вроде не закончились покуда.

– Это мы, – упрямо покачал головой собеседник. – А свет, какой был, накрылся весь. Мы уже в новом свете водку пьем, в том, что от старого остался.

– С водкой нам поостеречься бы надо, – вздохнул я с сожалением. – Ехать завтра с утра.

– А вы не ехайте, коли водку пьете, – очень логично возразил Трофимыч. – Пьяному ездить нельзя, тут оставайтесь завтра. Хоть поговорить с новыми людьми можно будет. Баньку

натопим, попаритесь. Вы вон в военных делах опытные, мож, присоветуете что. Банде-то этой до нас и ста верст идти не надо, за час доедут.

Ага, вот оно как. Трофимыч сложил два и два, прикинул хрен к носу и решил придержать нас тут, насмотревшись и рассказом нашим вдохновившись. Одно дело, если бы я тут врал один, так он всех слушал, как один слова другого подтверждает.

– Трофимыч, ну удержишь ты нас на день, ну даже на два, – усмехнулся я. – А если банда через неделю придет?

– Ну она, мож, в другую сторону пойдет! – возразил он быстро.

– Пойдет в другую, затем вернется в эту, – разбил я его мечтания. – Им жрать что-то надо, пить надо, баб надо. Они скоро начнут всех вокруг себя налогом обкладывать. И хорошо, если просто обложат, без махновщины, только это вряд ли. Чего они целую деревню перебили? Беспредельщики.

Трофимыч закричал, засопел обиженно, но ничего не сказал. Видать, в душе со мной согласился. Помолчал-помолчал, затем сказал:

– Ну тогда советуй, чего нам делать.

– Посылай людей к воякам, – сразу ответил я и спросил: – Кто ближе?

– Артиллерия. Они совсем близко.

– Вот к ним и посылай, – заявил я. – Прояви инициативу, договариваться начинай сам, но не на налог, а на помощь продуктами и чем там еще, понимаешь? Одно дело, когда с тебя брать приходят, и совсем другое, когда ты первый предлагаешь. Уже не налог получается, а сотрудничество. Уважать будут.

– Да сколько их там может быть-то, в арtpолку? – озадачился он.

– Да хоть сотня-другая сейчас наберется, и ладно, – махнул я рукой. – У них радио есть, с теми же ракетчиками свяжутся. У ракетчиков не только ракеты, их еще и охранять надо, так что при ином раскладе они не хуже пехоты будут. Даже спецназ у них свой. Ты, главное, их самих тоже думать заставляй, говори, что, мол, в округе банды завелись, всю жратву подгребут под себя, а вояки будут свои сухпаи годами хавать, вот им и весь хрен до копейки. Заставляй их булками шевелить.

Председатель задумался снова, и на этот раз очень глубоко и надолго. Молчал минут десять, наверное, и я ему не мешал, давал возможность все переварить.

– Хорошая мысль, и даже не опосля, – в конце концов подвел он итог своим размышлениям. – Транспорт у нас есть, мужики толковые есть, какие раньше служили, трое ребят у нас в Чечне были, да вот еще дезертиров двое вернулись. Только стволов мало: двустволок с десятков и два автомата, с какими дезертиры пришли. Страшновато людей даже посылать.

– Стволов дам, из сегодняшних трофеев, – быстро вошел я в роль благодетеля. – Дам пять автоматов и три пинка патронов к ним. И по четыре магазина на ствол, пустых. Да, и две двустволки есть, тоже отдам. Только это всей проблемы и навсегда не решит. Я думаю, банда там большая, и если они весь арсенал в колонии под себя взяли, то сила большая может быть. Ты с военными, главное, торопись.

– А они что, тут жить, что ли, поселятся? – возразил он. – Мы где, а они где? Чем я их надолго приманю?

– Поменяешь им еды, свежатинки какой, на те же стволы с боеприпасами, – продолжал я втолковывать ему. – И самое главное, если у них командир с башкой, то нападения ждать они не будут. Скорее всего, сами банду накроют. У тех пока опыта немного, одно дело – на зоне актив мочить, и другое – воевать. Разные вещи. Там и тут опыт нужен, но очень разный. А потом они его уже наберутся, станет труднее.

– Согласен, – снова хлопнул ладонью по колену Трофимыч. – Стволы когда дашь?

– Дай минут десять – отобрать, а то у нас там все в кучу свалено, – и принесу. А лучше пришли к грузовику кого, кому выдать можно.

– Это хорошо, сейчас и пришло мужиков.

Глаза у Трофимыча загорелись. Много не много, а все прибиток, крестьянской душе радость. Хоть чего, но дай, и на халяву. Ну я и решил его не расстраивать, хлопнул Леху по плечу, шепнул, в чем дело, и вышел с ним во двор.

– А чего это ты раздачу слонов начал? – спросил Шмель, удивленный моей расточительностью.

– С того, что если тут что организуется, вроде местного варианта государства, то мы сразу в отцах-основателях окажемся, ну и дружественная территория будет. Нам все равно столько не надо, куда нам? Нахапали выше башки. А хорошие отношения многого стоят.

Леха открыл задние двери «буханки», мы забрались в салон, где ничего никто и пальцем не тронул. Как побросали все на пол, так и лежало. Мы выбрали из числа трофеев пять АК-74, затем пятнадцать магазинов, пустых, из рыжего бакелита, и три зеленых цинка «пятерки». Отложили и двустволки, что бандиты забрали с убитых мужиков. Тут к грузовику подбежали трое молодых мужиков, один из них совсем еще пацан в армейской камке.

– Сергей? – спросил один из них, со шрамом на щеке. – Нас Трофимыч прислал, стволы взять.

– Оттаскивайте.

Я подал им автоматы, магазины, ружья, зеленые металлические короба с патронами. Пацан в камке сказал, что его у наших машин на пост назначили, и вообще у них караул до утра будет. Вот так, это уже от председателя «спасибо». Ну и мы в долгу не останемся. Я порылся в сумке, достал ПМ из числа московских, ментовских, неудобно ведь нечищенный дарить. Достал кобуру, с тех же ментов снятую, в ней магазин запасной, и сотню патронов из вскрытого цинка.

Вернулись в дом, поднесли подарок. От пистолета председатель отнекивался, но при этом в руки его взял сразу и сразу ремень с кобурой на брюхо нацепил, в процессе высказывания стеснительного протеста. Видать, нравился он себе таким, героическим. И в этот момент я понял, что угадал с подарками и никто ни единого патрона не сопрет из наших машин. Как понял – не знаю, осенило, и все тут. И председатель в душе расслабился окончательно, осознал, что от нас здесь беды не будет, а то все подозрительно косился на оружие, что мы от себя далеко не убирали.

Засиделись допоздна. Когда разговор зашел о ночлеге, проблем тоже не возникло, нас разобрали по нескольким домам. Нас с Танькой забрала к себе какая-то говорливая тетка, всю дорогу рассказывавшая, как какой-то их сосед приехал из области покусанный, а потом за людьми гонялся по улице, а его все усмирить-уговорить пытались. В конце концов повалили, связали, позвали местного фельдшера, а тот и сказал, что мужик – мертвый.

Тут деревня в панику ударилась, бабки все в церковь кинулись, в соседнее село, что с мужиком делать – никто не знал, лишь на следующий день приехал участковый, рассказал, что творится, и мужика застрелил. Потом еще трое обратились, но с ними проще справились. Так, рассказывая о всех местных происшествиях, постелила нам и отправила спать.

Сергей Крамцов

7 мая, суббота, утро

Проснулись к завтраку. Точнее даже, на запах завтрака проснулись, как по будильнику. Тетка, что нас приютила и уложила с Татьяной на широкой пружинной кровати с никелированными спинками, наделала творожников и подала их с черничным вареньем к чаю. Никогда раньше так не завтракал, а вот сейчас очень понравилось, прямо не знал, как тетку благодарить.

Пока мылся-брился, пришел Трофимыч, весь важный, с пистолетом на боку. Сказал, что сегодня у нас по плану банный день, а завтра он поедет с нашей колонной, благо если к воякам, то по пути будет. Ну что же, пускай так, заодно и мы к артиллеристам заглянем, пообщаемся.

Затем я пошел к машинам, разобраться в оставшихся трофеях. Возле правления колхоза топтались двое парней с уже нашими «калашами». Лицо одного показалось мне знакомым. Вытянутое такое лицо, из тех, что лошадиными зовут, волосы соломенные, стриженные под расческу, а сам высокий, худой, костлявый, сутулый слегка, мослы широкие. Старый армейский камок на нем и стоптанные, побитые берцы.

Присмотрелся чуть внимательней... ну точно, Верблюд из второго взвода. Как же его звали... Василием его звали, еще – Васька-Кэмел. Такую погремуху заработал за невероятную выносливость и силу. А еще знаменит был мастерством «продовольственной мародерки». Где ни окажется, там мешком какой-то жратвы разживется. А так как здоров был без меры – в редких «кэмелах» как раз и числился, за что и прозван так был, – то мог бы с этим самым мешком всю Чечню obeжать, если бы кто разрешил и через блоки без проблем пропускали. А самая характерная его черта – никогда не сквернословил. Вообще никогда. Даже спорили в свое время, выругается когда-нибудь или нет? Кто ставил на «выругается», всегда был в пролете.

– Василий, ты, что ли? – подошел к нему я.

Он узнал меня сразу, расплылся в улыбке всем своим конопатым лицом:

– Серый! Вот это да!

Обнялись, похлопали друг друга по плечам. Он явно мне обрадовался, аж засиял весь. Васька всегда был еще и добродушным. Затем второго парня представил, Ивана, который пожал мне руку и вежливо отошел в сторонку, чтобы не мешать разговору.

– Василий, ты же вроде не из деревни был? – вспомнив, спросил я.

– Из деревни, я призывался из области, учился в путяге, – отмахнулся Василий. – А так местный я. Это вы нам вчера подкинули?

Он показал свой автомат.

– Мы, – кивнул я. – Ты-то, кроме хавчика, добыть не можешь ничего, вот и приходится аж из Москвы ездить, о тебе заботиться.

– А за автомат ты о ком позаботился, душегуб? Он, Михал Трофимыч, у нас в роте первый головорез был, даром что такой интеллигентный, – обратился Васька уже к председателю.

Вот так получается. А вообще очень рад я Кэмела видеть, он мне и там нравился. Хоть и простецкий, но совсем-совсем не дурак, незлобивый, шутки понимает, здоровый, как... об этом я уже говорил. И мастеровитый очень, это я точно помню, все время что-то руками делал. С ним в одной палатке жить было мечтой каждого, самое комфортное место в ПВД.¹⁶

– Ну как живешь-то? – спросил я его.

¹⁶ Пункт временной дислокации. ППД – пункт постоянной дислокации.

– Да как? – пожал он плечами. – Работаю вот в колхозе, вроде как начальником лесопилки сейчас. Трофимыч отряд самообороны взялся сколачивать, тоже вступил и возглавил, считай. Завтра Трофимыча повезем с артелью встречаться. Ты надоумил?

– Я.

Он кивнул, показав, что усвоил информацию, продолжил о себе:

– А так... не женился, не нажился. Собирался в райцентр переехать, и тут как раз началось все это.

Что именно подразумевалось под «этим», уточнять не пришлось, и так все понятно. Я спросил:

– А с артелью... Там кто остался-то вообще?

– Говорят, что остались, – ответил Васька. – Они, как и мы, на отшибе стоят, в основном там офицеры с прапорами, постоянный состав, их даже в учебный центр вроде перекинули. А ты Трофимыча на что склоняешь? С вояками договориться, что мы их кормим, они нас защищают?

– Ага, – кивнул я. – Плохо разве?

– Нет, правильно как раз. А потом ты куда чешешь?

– В Горький-16.

– Ого куда, – поднял выцветшие брови Васька. – Это зачем?

Я рассказал краткую версию о «доставке важных научных документов». Затем спросил, что дальше по дороге ожидается.

– К областному не лезь, там тоже проблемно, – почесав в затылке, сказал Васька. – Пока местное телевидение работало, показывали, что мертвяками все забито. А ближе сюда, как видишь, банды завелись.

– Нам бы и лучше сейчас, где мертвяков побольше, – сказал я. – Мы же чешем почти без остановок, в населенные пункты вообще не суемся, на заправку только в чистом поле, где мертвяков днем с огнем, так что от них нам беды нет. Для нас проблема те, кто со стволами.

– За сколько дойти думаешь? – поинтересовался он.

– Хотелось бы дня за три, учитывая, как медленно двигаемся и какими кренделями едем. Дальше вообще проселками пойдем, насколько получится.

Кэмел кивнул, подтверждая, что усвоил информацию, затем спросил:

– А трасса чем не подходит?

– Пространство поделено между мертвяками в городах и бандитами в чистом поле, – объяснил я нашу задумку. – Но ждут они, похоже, больше на трассах, на проселках большого движения нет. А так едем мимо деревень полегоньку-помаленьку, и нормально. Никто о нас не знает, никому мы не помеха. И главное – никто нас там не ждет, если даже и злыдни там, то чухнуться не успеют.

– А с этими где зацепились?

Васька показал на свой автомат.

– Мост через реку на трассе, – махнул я рукой примерно в нужную сторону. – Никак не обойти было.

Василий кивнул, показывая, что знает, где это.

– А вообще, Василий, я вот что скажу – недолго осталось им на дорогах разбойничать, – заявил я. – Никто почти не едет никуда, вас, от деревни до деревни катающихся, потрошить тоже никакого понту, что с вас возьмешь? Бутыль самогонки и старый «жигуль»? День, два, три еще, и они пойдут по деревням. Попугают, баб потрахуют, стрельнут кого для остротки и налогом обложат.

– А я и не сомневаюсь, – вздохнул Василий. – Если бы не такое дело, я бы с тобой напросился, все интересней, чем в деревне сидеть. Но сейчас нельзя, мало ли. Надо бы доразведать банду, по-хорошему если, хоть знать, что и как. Где вот они сейчас?

– Трудно сказать, – пожал я плечами. – Есть два варианта. Мы у них транспорт пожгли, а он им, похоже, здорово нужен был. Значит, там и сидят где-то, возле моста.

– В своей зоне они тогда сидят, это недалеко оттуда, километра три по прямой. Ты знаешь что... – Васька посмотрел мне в глаза. – Ты сколько реальных гоблинов можешь выставить?

– Реально – четверых, считая меня самого. Леха у нас есть, тоже в Чечне служил, в морпехе, Большой, в вэдэвэ отпахал в свое время, слон здоровый, и Сергеич, «вован» бывший, из офицеров. Есть еще Шмель, но он «мазута» уникальная, и под молотки его не пушу никогда. И есть несколько раз по полбойца.

– В смысле? – не понял Кэмел.

– В простом, – взялся я объяснять. – Есть девушка, которая стреляет гениально. На моих глазах с семисот в башню залепила, двоим, одному за другим. Но что касается остального – подготовки недостаточно, гражданский человек. Посади ее в нужное место, покажи, в кого стрелять, и все, успевай считать «двухсотых», но ты ее еще доведи дотуда, и мину она сама не поставит, например... растяжки делать научили уже, правда. И остальные так же. Тактически слабовато подготовлены. А что?

Васька неопределенно покрутил руками:

– Да есть одна мысль... Доразведать банду, чтобы к той же артели не с пустыми руками катить, а сразу обсказать, что так, мол, и так, численность такая, вооружение такое, подходы такие, а вот вам координаты в лучшем виде. Если сделаем, то я с тобой дальше пойду.

– А отпустят? – уточнил я.

– Договоримся. Сторгуемся.

Я задумался. Крепко так задумался. Ваське-Кэмелу я бы жизнь свою доверил без вопросов – настолько парень цельный и крепкий. В разведроту у нас из лучших был. Мы не спецназ ГРУ, конечно, так, разведрота полковая, но тоже не болты с бугра. И у нас репутация человека всегда чего-то стоила. Такого бойца в отряд получить... А в деревне самообороной заниматься ему скучно, по всему видать. С другой стороны, когда своих головняков до задницы, а тут еще братья за чужие... А как иначе? Ты мне, я тебе – как еще?

– Вась... я бы согласился, – осторожно сказал я. – Но если точно буду знать, что отпустят.

– Поторговаться с Трофимычем придется, что-то дать ему, – задумчиво сказал Васька. – У тебя еще трофейные остались? Сунуть ему пару стволов, пару цинков, туда-сюда, гранату-другую.

– Угу, машину-другую, – развил я его мысль. – Стволами грузенную. Ты, воин, уже вознеся, я бы за тебя больше рожка к акаэму нипочем не дал бы. И то неполный.

– Оно и видно, – хихикнул Васька. – Вся у вас такая порода московская, злобная.

Василий пошел о перспективах председателя грузить, а я отозвал своих ветеранов. Рассказал о предложении Кэмела, о нем самом рассказал. Сергеич сказал, что лишний опытный человек в отряде не помешал бы. Леха, которому я про Кэмела и раньше рассказывал, вообще натура авантюрная, согласился сразу. Шмель, который Ваську и так знал, тоже сказал, что принципиальных возражений не имеет, и доколе ему в разведке придется баранку крутить, а не по лесу бегать. Осталось лишь мне свое решение принять. И я принял – ехать.

Дождались Василия, который пришел с тем же парнем, Иваном, что со шрамом на щеке. Сели в кружок, Васька сказал, что за четыре цинка и четыре автомата председатель согласен его отпустить, но если банду разведем и с военными договоримся. Не договоримся – считай, что и разговора не было. А если все пройдет как надо, то Иван вместо него самооборону возглавит, он тоже с опытом, сумеет.

Прикинули наличные силы. Шмель за баранку, Сергеич на пулемет, трое – десант. Леха за снайпера, Большой – второй пулемет, случись отсекать преследование, да и вообще чтобы было, мы с Кэмелом за пешую разведку, вооружение – автоматы с ПБС. Дело решили в долгий ящик не откладывать, выходить сегодня, чтобы на месте быть к темноте.

Прикинули задачи. Задача главная – разведать позиции и силы противника. Задачи второстепенные – нанести урон его мобильности путем повреждения и уничтожения транспорта и урон его управлению путем уничтожения и захвата командного состава. Первая задача обязательна к выполнению, дополнительные – по вкусу, так сказать, как получится. И вот теперь мы будем готовиться всерьез. Это уже реальная операция, и в ней можно очень реально накрыться этой самой... медным тазом.

Тут уже все хором пошли к «буханке» за барахлом. Ваське, покопавшись в сумках, я нашел осеннего «лешего». У нас таких три всего, значит, прикрытие как-то особо маскироваться не будет. Да им и не надо.

Ночной прицел у нас один есть, и у меня ночной монокуляр для наблюдения. Взяли с Васькой по АКМ с глушаками и по бесшумному же ПБ. Скрытность – первое дело. Гранат шесть штук каждому, две «феньки», две «зорьки» и две РГД-5. Ножи. Связь, запасные батарейки ко всему. Восемь магазинов носимого боекомплекта, и еще цинк в багажнике поедет.

Василия предупредили, правда, чтобы губу не раскатывал, и если с нами дальше не поедет, то все выданное ему отберем обратно. Получил он шлем с бреником из излишков, хвала моей запасливости. А еще мы с Кэмелом две «монки» взяли, в стандартной брезентовой сумке, пару «озээмок»,¹⁷ и я шесть запалов гранатных укоротил до мгновенного взрывания, для растяжек. Для растяжек же я прихватил толстую зеленую леску и выстрогал колышки. И каждый должен был тащить по «Мухе» за спиной, и еще пять таких постоянно лежали в багажнике. «Мухи» – штуки полезные, легкие и эффективные. Как эти на мосту забегали, когда Шмель туда из такой залупил!

Потом уже, собравшись, оповестил всех остальных наших о своих планах. Народ обескуражился, обалдел, но особых возражений не было. Единственно, Ксения спросила, а не боимся ли мы с бандой разминуться? Вдруг те в эту сторону уже рванули? Ответил, что не боюсь, потому что те проселками не поедут, пойдут по трассе, а затем свернут сюда. А такой путь всего один, при всем желании не разминемся. На том и кончилось. Одно плохо: для нас баня отложились, потому что после бани делом заниматься проблематично – разморит.

Выехали ближе к вечеру. До места семьдесят километров, час езды всего-то, правда, мы дольше ехали, с опаской. Примерно за пять километров мы с Васькой спешили и пошли дозором. Километра за два до места, которое Васька указал как зону, машину замаскировали, а на пригорке с хорошим видом на лесную дорогу залегли Шмель с Большим в охранение. А мы вчетвером двинули дальше, медленно, хоронясь, проверяясь каждые пятьдесят метров. Темнота только опускается, если охранение у них выставлено, то оно пока должно быть бдительным.

Заранее выходим на позицию, для того чтобы понаблюдать, потому как для наблюдения это время самое подходящее. Спать еще не легли, шарятся по расположению, можно всех рассмотреть и все оценить. Тех, кого видно, разумеется.

Охранения вокруг лагеря мы так и не обнаружили, хоть и искали. Не было его. Ни патрулирования подступов, ни секретов, вообще ничего. Только в воротах зоны, в КПП или в караулке – в общем, возле длинного одноэтажного домика, что у ворот, топтались двое. Нам их видно не было, зато видны были их ноги под стальным полотном ворот. Типа и так хорошо, враг не пройдет. Прикрывает их кто еще или нет – непонятно. Но вообще охрана никудышная, даже небольшой холмик возле периметра никем не контролировался, хоть по всем законам тактики его следовало бы взять под пригляд – с него почти вся территория зоны за двумя рядами колючки и дощатым забором просматривалась. На ней Леха с Сергеем позицию и заняли. Случись чего, они будут простреливать все до дальнего забора. А с нашей стороны мертвое

¹⁷ Противопехотная осколочная мина.

пространство немалое. Дощатый забор закрывает внутренний двор почти до конца стоянки, и в этом месте что угодно может быть.

Сама зона совсем небольшая, кстати, я совсем другого ожидал. Сергеич как бывший «вован» еще по училищным временам общие основы устройства подобных заведений знал и нам вкратце объяснил. Эта была невелика и каким-то особо мрачным видом не пугала. Больше напоминала пионерский лагерь за проволокой или воинскую часть. Длинный флигелек на въезде, у ворот – караулка. Там же комната для свиданий. Ворота возле караулки стальные, глухие почти до самого низа, за ними должен быть еще шлюз. Два ряда проволоки перед дощатым забором и за ним еще один. Четыре крытые вышки по углам. За воротами открытое пространство, на котором разместилось одноэтажное здание администрации колонии, штаб. Перед ним плац. Стоянка для автомобилей, которую, судя по всему, раньше отделял от остальной территории сетчатый забор, но теперь его снесли. Вдоль внешнего забора зоны вытянулись длинные казармы, в которых размещались отряды. По прикидкам Сергеича, человек по сто в отряде было, значит, в шести бараках до шестисот зэков содержалось. Каждый отряд от самой зоны отделялся сетчатым забором с «егозой» поверху, в распахнутых теперь настежь воротах – по караульной будке.

Всю правую часть зоны занимала «промка» – производственная зона. Судя по всему, здесь специализировались на столярке, потому что возле цехов рядами были выложены штабеля бревен, досок, бруса и прочего. «Промка» тоже отделялась забором от основной территории, и сейчас там было пусто. Шевеление было лишь у штаба и у нескольких казарм.

Вышки, те, что ближе к КПП, были пустыми. Наверное, караул у ворот сочли достаточным. На дальних же сидели двое, но как сидели, куда смотрели – отсюда было не разобрать. В ночник просто разглядели, что там люди есть. А вообще, если судить по их поведению, нападения здесь явно не ожидали.

На территории зоны стояли несколько разномастных машин. Два «уазика», хлебный фургон, в бортах которого кто-то пропилил окна, новенький бортовой «зиллок», автобус «Газель», две «Нивы» и несколько иностранных внедорожников разных марок. По этой самой разномастности судя, у банды действительно проблема с транспортом была, вот и собирали по окрестностям.

В зоне наверняка остались не все зэки, а лишь откровенно криминальный контингент. «Мужики» в большинстве своем разбредиться должны были. Хотя... зона строгого режима, есть на таких «мужики»? Сергеич в этом разбирался слабее, чем во внутреннем устройстве. Он всю жизнь свою прослужил или в строевых частях, или на охране объектов особой важности. Но кого-то там сейчас гоняют возле машин... И видно, и ржание идиотское слышно, и чьи-то крики... Все же оставили себе рабочую силу, а вот из числа кого? Не поймешь, теперь пошли все в сторону барака. А может, «петухи»? Ладно, чего гадать, нет среди нас экспертов по таким шибко важным проблемам. Не сидели и не интересовались, знать.

У входа в «штаб» топтались и курили еще двое, камуфляжный из вертухаев и тоже камуфляжный, но явно из контингента. Точно, близнецы-братья прямо, по духу. Вертухаи все из постоянного состава, сразу видно, а срочники, что на вышках должны стоять и караулы тащить, тоже разбежались. Куда же еще они могли деться? Но в любом случае несколько сот уголовников перед нами имелось.

– Что наблюдаем? – спросил я.

– Бардак наблюдаем, – уверенно ответил Васька. – Те двое на КПП стоят безо всякой страховки, друг с другом треплются, судя по ногам. На территории вообще все что хотят, то и делают.

– По первым прикидкам, противника несколько сотен, – добавил Леха. – Неплохо так.

– Я тоже так думаю, – согласился я. – Ладно, ждем смену. Интересно, патрулирование местности у них есть?

– Ты с ума сошел? – шепнул Сергеич. – Они на две вышки-то загнать никого не смогли, всем западло, наверное. А вертухаев не так много. Да они же периметром и не занимались, это внутренняя охрана, они дурью банчили да водку в зону таскали.

Смену ждать пришлось чуть больше часа. Интересно, на сколько они здесь заступают? На два часа? Но в армии на два часа караульный заступает, а на КПП и сутками сидят, бывает, в этих нарядах чистая анархия. Так это в армии, а здесь? Здесь могут и раньше сменяться. И позже. Или вообще не сменяться.

На территории, в бараках, явно бухали, это по звукам сразу опознается. Где-то играла музыка, где-то смеялись. Разгулом не назовешь, но публика расслаблялась. Волю почуяли, водки где-то набрали, что теперь делать? Где-то женские голоса, и вовсе не страдальческие. Хохот, крики. Из «штаба», судя по всему. Там, видать, тоже «совещаются».

Машины стоят прямо за КПП, целой кучей. Если пройти внутрь, то укрыться за ними никаких проблем. На КПП есть телефон, и внутри, и снаружи на стене должен быть, но он еще ни разу не звонил. Переключки постов мы тоже не слышали, ни по телефону, ни по радио.

Что можем сделать? Можем прямо отсюда раздолбать самые крупные машины гранатометами и заставить банду застрять здесь еще на несколько дней, пока они транспорт заново соберут. Можно найти способ проникнуть за КПП и в перспективе можно забрать этих умников из-за ворот в качестве пленных, хотя бы одного из них, но думаю, что пользы не будет. Если на территории веселье, то сюда самых никудышных загнали, последнее, самое нижнее звено пищевой цепочки. Им о планах никто докладывать не будет. Все достойные для захвата персонажи в «штабе» сидят. Здесь даже наряд на КПП сам менялся, без разводящих и прочих формальностей. Кстати, откуда эта смена пришла? Со стороны барачников, а вот из какого конкретно? Минус мне, не заметил.

– Из какого барака эти пришли? – спросил я озадаченно.

– Из крайнего правого, – сказал Васька.

– А прошлая смена куда пошла?

– Один во второй слева барак, а один туда, к мастерским.

Вот даже как. Васька не прощелкал. А они, видать, постоянный состав караула здесь не держат. Кто-то там следит, чтобы смена была, и из тех, что под рукой, отправляет. А как сменился – гуляй где хочешь. Это тоже на руку, на этом можно получить дополнительное время, если завалить наряд, а потом и тех, кто придет их менять. И обнаружится это еще через два часа.

– Выводы, товарищи красные партизаны? – спросил я.

– Служба хреново несется, – резюмировал Леха. – До первой проблемы.

– Надо транспорт у них списать, тогда они тут застрянут, – сказал уже Васька.

Сергеич не сказал ничего, но, судя по виду, в общем, идеи одобрил.

Мои мысли слово в слово. Пешим маршем они точно никуда не двинут, западло им будет, это же не махра военная, куда погнали, туда и топают. Начнут опять машины в окрестностях искать. Пока найдут, пока то, пока се, пока находку обмоют...

И вот «языка» бы нам, хорошего, из тех, кто при власти. Как взять, исходя из того, что вот эти двое, что на КПП топчутся и язык чешут, нам никак не подойдут? А в зону всего один вход. И как в этот вход войти? Караульные за воротами, входная стальная дверь в КПП наверняка изнутри заперта. За дощатый забор так просто не заглянешь. Можно в принципе как-то попытаться, но до самого забора тоже через проволоку пролезть надо.

Резать проволоку? Это можно, есть скрытные подходы, наблюдение у них никудышнее, почти что никакого нет, но я насчет проволоки в зонах ни черта не знаю. Может там быть какая-то сигналка, если ее режут? Запросто. Я в этом ни разу не специалист. Сергеич тоже не в курсе оказался. Он только насчет объектов государственной важности информацией владеет, так там

все другое было. Мало ли что за годы, прошедшие с тех пор, как он устройство зон в училище изучал, измениться могло?

Потом я сам себя обматерил последними словами. Свет в зоне если и есть где, то не электрический, где костры горят, где с фонариками ходят. В «штабе» свет горит местами, но, кроме как там, больше нигде. Отрубилось здесь электричество, вот я о чем, а от движка только «штаб» запитали. Звук этого движка аж досюда доходит, ночь в лесу тихая. И, будь свет, в КПП за окном бы тогда хоть какая-то лампочка горела, и эти двое в будке сидели бы, а не топтались постоянно на улице. Но в будке совсем темно, плохо, вот они на воздухе и кантуются.

– Кэмел, попытаемся внутрь войти, – зашептал я. – Возле КПП. И через крышу. К КПП подойдем справа, вдоль проволоки, через забор нас никто не увидит. Домик невысокий, если подсадишь, то я на крышу заберусь, ты следом. С дальних вышек на фоне леса нас не разглядят, фон темный получается, и мы в «лохматках».

– А с нарядом что?

– Разуваемся заранее, а там к краю крыши, снимаем наряд, действуем ПБ, он тише. Спускаемся вниз, открываем КПП изнутри, при необходимости зачищаем. Подбираем мешки, обуваемся, входим. Между машинами, в тени, и перед ними ставим растяжки, как – на месте прикинем. За КПП – одну «монку», на электродетонаторе. Открываем баки у грузовиков, поджигаем машины. Отходим за КПП. Дальше...

Инструктаж занял пять минут, тут все ясно было. По поводу часовых на дальних вышках выяснили, что они там тоже с автоматами. Несерьезно. Леха их израсходует отсюда, не напрягаясь, если такая необходимость возникнет. Больше его бугор ниоткуда не простреливается. А на ближние вышки мы никого и не пустим. Задача – нанести максимум ущерба, особенно транспорту, и быстро отойти.

– Пошли.

Мы с Васькой тихо начали обходить периметр против часовой стрелки, по большому кругу, стараясь не хрустнуть сучком. Хотя нас бы не услышали, даже если бы мы верхом скакали: в зоне было шумно, и наряд на КПП базарил друг с другом. Сели в кустах, я снова оглядел в ночник пространство перед собой. Двое у КПП, и все. Ноги по-прежнему видны из-под ворот. Остальное шевеление дальше, но мы его теперь не видим. Леха даст знать, если в зоне какая-нибудь нездоровая активность начнется.

– Пошли.

Быстро, но тихо пересекли пространство между кустами и проволочным забором, затем вдоль проволоки прокрались к КПП. Голоса наряда совсем близко, слышно, как один втирает другому что-то про своего соседа, который по ночам водкой торговал. Тот слушает без особого интереса, но и не просит заткнуться. В любом случае разговором они заняты. Из зоны шум, так что, если мы здесь и пошуршим немного, ничего страшного. В чем основа плана? В том, что на крыше караулки нет проволоки. Вокруг есть, а на караулке – нет. Возможно, и должна была быть, но то ли ремонт какой-то шел, то ли и не положено ей там висеть, караула хватает. Похоже, что ремонт шел, торчат какие-то железяки. Пока электричество имелось и караул стоял на месте, это было не критично, а вот теперь нам лазейка.

– Давай, разуваемся, – шепнул я.

Мы сбросили рюкзаки на землю, быстро стянули ботинки, я смотал на конце толстого репшура *петлю*. Кэмел встал у забора, упершись руками в стену. Вскарabкавшись к нему на плечи, я легко забрался на плоскую, покрытую рубероидом крышу караулки. На краю ее вверх торчит шест из дюймовой крепкой трубы. Точно, должна быть здесь проволока. Намотал на него обрезок репшура, сам свесился вниз, держась за него же, протянул руку. Через несколько секунд рядом со мной на плоской крыше лежал Васька.

Полежали пару минут, прислушиваясь – нас никто не заметил, голоса из-за среза крыши продолжали звучать спокойно. Ну пусть так и дальше звучат. Леха, за шухером следящий, тоже ни гугу.

Я показал жестом: «пошли», мол. По рубероиду не поползаешь на брюхе, шуршать будет, поэтому пошли, сильно согнувшись, вытянув перед собой пистолеты. Чем ближе к краю крыши, тем медленней, и наконец показалась голова одного из караульных. Он стоял лицом в нашу сторону, смотрел на собеседника и кивал. Это был самый опасный момент всего плана: подними он глаза – и мы обнаружены. Здесь уже на скорость все. Мы разом шагнули вперед, показалась голова второго, повернутая к нам стриженным затылком. Это Ваське, а я трижды подряд выстрелил одиночными в лоб говорившему. И одновременно с моими тихими выстрелами рядом защелкал ПБ Кэмела.

– Сергеич, наряд умер, – сказал я в гарнитурный микрофон. – Держи дверь.

– Вижу, прикрываю.

Еще через минуту мы повисли на руках и вполне бесшумно спрыгнули внутрь периметра. Замерли, осмотрелись. Тихо.

Вторые, решетчатые ворота «шлюза» были открыты нараспашку, караульные их запирать не стали. Оттащив оба тела под самую стену караулки, в тень, мы взяли с них автоматы – деревянные «семьдесят четвертые» с подсумками – и протолкнули под ворота. Подберем попозже – «результат» как-никак.

Я огляделся вокруг – никого, никакой суеты, расстрел караульных никто не заметил.

– Леха, что на вышках?

– Никакого шевеления, – слышалось в наушнике.

– Кэмел, пошли.

Все так же, не распрямляясь, на полусогнутых, удерживая пистолеты двумя руками, мы потекли в сторону двери, ведущей в караулку изнутри зоны. Присели, прислушались. Тишина. Ни звука. За черными стеклами – ни одного огонька. Никого.

Я направил длинный глушитель ПБ на дверь, Васька подергал ручку. Дверь легко распахнулась, без единого скрипа. Ну и славно, меньше шуму. Я пошел первым. Как и ожидалось, ни в одном помещении никого не оказалось. Пустота, темнота, затхлый воздух. Выбрались наружу, за периметр, облегченно вздохнули. Тут даже если шухер поднимется, по-любому отобьемся. Усевшись на землю, быстро обулись, натянули рюкзаки, подхватили автоматы и снова пошли в зону, но уже через открытые двери КПП.

Прокрались внутрь под прикрытием грузовика, обошли флигель, подхватили трупы наряда за шиворот, затащив их внутрь, чтобы случайно никто не увидел. Ножам с их одежды нарезали тряпок, навертели жгутов.

– Леха, Сергеич, мы идем к машинам, – сказал в микрофон. – Пасите подходы.

– Понял, – слышно в наушнике.

Тихо-тихо, на четвереньках, проползли между машин. Грузовики стоят ближе к забору, джипари и все, что поменьше, – дальше. Очень хорошо, между ними растяжки и поставим. В тенечке, на поворотах.

Достал тяжелую рубчатую «феньку» из разгрузки, вывинтил из нее запал, вместо него вкрутил другой, переделанный, секундного срабатывания. Для растяжки так лучше, никто не среагирует. Секунда – это как раз леску сорвать и чуть дальше проскочить, а остальным лишь звук сорванной растяжки послушать. Закрепил ее под бампером старого «Крузера», прочно, лентой, леску от нее потянул дальше, через одну машину, к старому же «Патрулю». Вернулся, отжал усики и даже, не дыша, чуток подвытащил предохранительную чеку. Есть первая.

Васька поставил такую же правее, а затем мы двинулись обратно к забору параллельными курсами, чтобы на свои же растяжки не напороться. Такого счастья нам не надо. Затем я при-

строил еще одну, тоже из «эфки», прямо на кенгурятнике угловатого немолодого «Чероки», натянул леску к «уазику». Все, тут достаточно, больше ставить нет смысла, они там не настолько бараны, чтобы после первых срабатываний продолжать вперед ломиться. Для них дальше будет другой сюрприз. Пусть расцветает сто цветов.

У стены караулки, вплотную к ней, стоит скамейка. Под ней густая тень и какой-то мусор валяется, убирать-то в честь свободы перестали. Вытащил из рюкзака пятидесятую «монку», разложил ножки, установил под скамейкой. И чуть не ошибся. Поставил мину выпуклой стороной от себя, к стенке, а именно сейчас надо наоборот. Руки сами, на инстинкте, вперед мозгов сработали. Развернул, установил заново. Прикинул, что попадает в зону поражения. Нормально так попадает, всем достанется.

Донесся запах бензина. Васька открывал баки машин и запихивал туда заготовленные жгуты. Затем надо будет подвести огнепроводной шнур с малой шашкой, и можно поджигать. А там, где сомневаемся, что загорится, прямо под движки «буровые» шашки, с обрывками шнура на «кадэшках»¹⁸ заложили. Шнур зажечь не так уж просто, но, возможно, схватится в пожаре пироксилиновая их начинка. Для этого шнуры вскрыты с торца, изрезаны. Или сами «кадэшники» сработают от огня, что куда вероятней: у них с чувствительностью все в порядке. Моторы поломают, а растяжки не сорвет – мощи реальной нет.

Достал катушку с тонким двухжильным телефонным проводом, электродетонатор ЭДПр и подрывную машинку. Тихо вытащил заглушку из корпуса мины, вставил и ввинтил электродетонатор в запальное гнездо. Подсоединил провода, аккуратно-аккуратно, хоть это пока и не опасно. Затем погнал разматывать провод, выбираясь задом наперед на четвереньках через КПП наружу. Так нормально будет. Смогу подглядывать под воротами, а от взрыва меня самого стенка прикроет, к которой «монка» задом повернута. Так, это еще не все.

– Ставим «лягуху», – шепнул я Ваське.

– Сделаем.

Он вытащил из рюкзака увесистый цилиндр семьдесят второй ОЗМ, подкопал для нее гнездышко прямо за КПП, до половины корпуса. Вставил капсуль-детонатор, ввернул взрыватель, а от него натянул растяжку к бетонному столбу ограды, но не напрямую, как по наставлению, а вдоль колышков, загибая кривой буквой «П», чтобы дать большому количеству народа вбежать в область поражения. «Озээмка» штука такая, ей, сколько целей ни дай, все мало. Жуть, а не мина.

Потом Васька на ту же сторону загнул второе крыло штатной растяжки, запасным контуром. Хитро получилось, не одну, так вторую сорвут, с гарантией. Затем послышался его шепот:

– За сколько металлоэлемент разрежет?

– Пять минут примерно, – также прошептал я в ответ.

– Гут.

Откуда, кстати, ко всей нашей роте в свое время это самое «гут» привязалось? Все так говорили и всегда, сколько помню. Сколько лет уже не употреблял, а как до войны дошло, откуда что вспомнилось?

Кэмел вернулся к мине, выдернул предохранительную чеку. Очень хорошо, теперь если в панике сорвут растяжку, то на тринадцать метров все гарантированно будет выкошено поражающими элементами «лягухи». А до тридцати метров достанется всем и каждому.

– Держи провод, чтобы не потерять.

Васька взял у меня из рук провод от «монки», к которому еще не прикреплена подрывная машинка, и зажал его в руке с огнепроводным шнуром. Я вновь зашел во флигель, подобрался к убитым. Перевалил одного из них, который тощее, на бок, уложил под него увесистую гирьку «эфки» без чеки, прижав его телом рычаг предохранителя. Пусть так и лежит, ждет скорбящих

¹⁸ Капслюль-детонатор.

товарищей. Есть вариант, конечно, что товарищам на него класть вприсядку, но тут уж ничем помочь ему не могу. Да не бросят они его здесь валяться, перевернут рано или поздно, куда денутся...

Улегся на землю, заглядывая под ворота. Отсюда, кстати, территория неплохо просматривается, если прямо мордой в траву вжиматься. Все, я готов. Глянул на часы, засек еще пять минут, чтобы сработали все замедлители и вся наша минная защита встала на боевой взвод. Прикрепил провода к ПМ-4, такой ручке с кнопкой на торце – подрывной машинке. Кэмел натянул по пути к нашей следующей позиции еще пару растяжек в траве, наверняка ведь потом пойдут посмотреть чего и как, надо не разочаровывать людей, а то подумают, что мы небрежно к делу относимся. Затем, обходя свои растяжки по большому кругу, подобрался ближе к забору, туда, где за деревянный колышек зацеплен конец огнестойкого шнура, просунутый нами наружу.

Бензином, кстати, уже сюда тянет. Снова на часы – можно начинать.

– Ночники отключаем, – шепнул в микрофон.

Это для того, чтобы не «светить» приборы, когда пойдут здесь «взрывы и пожары». Тем более что их у нас всего два.

– Василий, давай, – сказал я.

Неподалеку от забора, прикрытый стеной КПП от взглядов противника, вспыхнул огонек саперной спички, погас, превратившись на какой-то момент во что-то вроде тлеющего сигаретного пепла, и бодро побежал за угол, к тротиловой шашке, которая должна была инициировать весь тот бардак, что мы задумали. Васька вернулся на позицию, залег рядом со мной, взяв автомат на изготовку. Лунный свет тускло блеснул в округлом металлическом боку глушителя.

– Горит.

– Ждем-с...

Резко, как петарда, хлопнул через пару минут взрыв тротиловой шашки, и бензин вспыхнул разом, сразу и везде, сверкающей оранжевой стеной, и тут же рванул полупустой бак одного из УАЗов. Снова вспышка, грохот, словно кто-то в огромный таз молотком ударил, звуки падения каких-то железяк на соседние машины.

Пожар распространялся быстро, Васька местами еще и шланги топливопроводов подрезал, где было до них легко дотянуться, так что способствовал... на предмет самовозгорания. В зоне раздались крики, началась суeta, пространство перед стоянкой осветилось. Громко, но опять как-то несерьезно хлопнула шашка под одной из машин – огонь все же зажег шнур или подействовал напрямую на детонатор. Хана двигуну.

К стоянке побежали, с разных сторон и направлений, с заполошными или злобными криками и матом, сразу много людей. Две растяжки сорвали почти разом, рванули «эфки», кося людей осколками. Кто-то заорал: «Назад! Все назад!» – но толпа ломанулась к КПП, прямо под «монку». Я с хрустом вдавил обрезиненную кнопку большим пальцем, за домиком как будто небольшая вспышка магния сверкнула, грохнуло, и словно горизонтальный стальной дождь пронесся вдаль от нас.

Мы бросились по дуге, чтобы на свои же растяжки не нарваться, на следующую позицию, залегли у корней деревьев, взяв на прицел дверь караулки.

С дальних вышек начали стрелять в стороны, в лес. В кого? Непонятно. Но когда у человека есть оружие и он паникует, стрелять ему лучше, чем не стрелять, вот и палят со всей дури. Пожар разбежался по всей стоянке, выбрасывая в небо черный столб дыма от быстро загоревшейся резины, грохнула еще пара шашек.

Ударом распахнулась дверь КПП, и оттуда выбежало сразу человек пять, перепуганных и злых одновременно. Правда, в неизвестность не побежали, а изобразили нечто вроде того, что позицию заняли. Встали на колени, стволы автоматов в лес направили. Сейчас на спуск жми и вали их на выбор, но пока не надо, рано еще.

Один из них встал, пошел дальше, не сводя глаз с темных деревьев и кустов перед ним, держа автомат у плеча. Ну и зря, лучше бы под ноги смотрел.

Если бы Васька просто натянул проволоку, то пострадал бы первый, выбежавший из двери, а остальные, скорее всего, уцелели бы. Но он натянул с выдумкой, давая возможность людям забежать как бы в «карман». Все сидящие на колене у двери превратились в мишень, когда шедший впереди сорвал растяжку. Сработала «озээмка», неярко вспыхнуло над землей, на уровне пояса примерно, громкий хлопок превратился в дикий визг летящих роликов, выбежавшие из будки повалились на землю, как снопы. Убило не всех, двое катались по земле и орали. Орал и в зоне, возле стоянки, толпа в панике побежала обратно, как сказал Сергеич по радио. Стреляли все гуще, но так и непонятно было, в кого именно.

На первый взгляд на земле трупов пятнадцать – двадцать, горят или повреждены уже почти все машины. Результата выше башки, куда дальше-то нагнать?

– Что делаем? – голос Лехи в наушнике.

Теперь надо решить, вести огонь по зоне или хватит с них? Соблазн велик, но еще выше соблазн так и оставаться необнаруженным.

Подумал я еще, добивать раненых или нет, и решил, что не стоит. Или помрут и в мертвяков превратятся, либо просто дополнительные проблемы от них будут у противника. Пусть мучаются.

– Снимаемся, – принял решение я. – И так развлечений до утра у них, пусть теперь расхлебывают. А вяжемся в бой, против толпы... Не, нам не треба. Отходим! Все отходим, и быстро!

Сергей Крамцов

8 мая, воскресенье, утро

Зарево от горящих машин, поднимавшееся над темным лесом, мы продолжали видеть еще километров за десять. Не осталось у пожаров конкурентов, ни один фонарь в округе не светится, так что картина – загляденье.

Катили по дороге, дыша прохладным воздухом, но не расслаблялись и фары не включали: луна была яркой и света хватало. Больше всего нам не хотелось на обратном пути на радостях нарваться на какую-нибудь возвращающуюся в лагерь группу «фуражиров». Сколько народу попало на победном вдохновении? Настроение праздничное, вроде как мы всех поимели, и теперь мы на вершине мира, хочется веселиться и песни петь. И что? А то, что всякое случается, очень всякое.

– Ну что, Вась, думаю, что дня три или четыре они не сунутся, но дальше ничего гарантировать не смогу, – заговорил я, когда мы отъехали километров на двадцать от горячей зоны. – Сейчас наверняка не все в зоне сидят, они же на мост выделяли людей, на опорный пункт, но после нападения стянутся туда. Организация службы у них анархическая, так что при наступлении проблем все «домой» кинутся.

– И что?

– Как – что? Если будут сидеть там, то их можно снова атаковать. Поэтому если у них у главного мозга есть, то он сейчас там окопается, наберет транспорта, какой ни есть, и решит, что лучший способ нападения – наступление.

– А как он догадается, куда ехать? – скептически спросил Кэмел. – Ты что думаешь, тут всего одна деревня на область?

– А он и не будет догадываться, – развеял я его скептицизм. – Мост перекроет, причем на этот раз по-умному, с завалом, например, или с засадой. Или просто укрепление построят, хоть какое-нибудь, вроде блока. А большей частью людей пойдут по деревням в вашу сторону. Все равно надо экспансию начинать, пока вокруг не укрепились. Пока суд да дело, телился, машины собирал – уже напали на них. Второй раз так не ошибутся. И так до вас и дойдет. Постепенно, вроде как с горы спуститься и всех буренок поиметь.

– И чего предлагаешь? – минутку подумав, спросил Василий.

– Засылайте вашего Трофимыча к пушкарям, а мы попробуем у вас пристроиться в оборону. У вас же от деревни поле во все стороны, так?

– Ну.

– Ну вот те и «ну». Тут и два снайпера могут долго держаться. Кстати, а вы вообще деревню как-то укреплять собираетесь? Тут же кроме бандитов всякой твари развелось, мало не покажется. Или так и будете мощно чесать на печи?

– Народ все больше телился, сам знаешь нашу породу: пока не обгадишься, то и порток стирать не надо. Но вчера Трофимыч засуетился вроде, про ров говорить начал и прочую фортификацию.

– Это я ему за столом идейку подкинул, – сказал Большой, сидя у пулемета. – Ров, а за ним местами дзоты. И полоса отчуждения нужна, кое-где лес прямо в деревню лезет. Этот самый лес на колья пустить; Трофимыч сказал, что знает, где колючкой разжиться можно.

– Это ж возни-то сколько! – поразился Василий.

– А сколько? – возмутился уже я. – Раньше города стеной огораживали, и все руками, а у вас трактора, мотопилы, лесопилка, в которой ты аж целый директор, и не стена, а обычное заграждение, как перед окопами. Но вам трудно, понимаешь. Возни столько, что аж жить надоело.

Васька задумался. Не было еще на их деревни настоящего наката мертвечины, вот и не могут понять, что теперь вопрос о выживании идет. Хорошо хоть про банду узнали, поняли, что в мире хрен знает что творится, а не просто пахотных земель побольше стало, и начальство из района больше не приедет. Не придут мертвые – придут живые, что хуже любых зомби. Мы-то уже насмотрелись на художества таких – до сих пор тошно.

В Старогорку вернулись еще затемно, даже поспать удалось почти четыре часа, что совсем неплохо. Разбудился будильником в наручных часах, вскочил, а завтрак-то уже готов. Ей-богу, тут жить надо оставаться, питание просто лучше некуда! Пухлый стану, гладкий, красивый... Вышел за забор, закинув автомат на плечо, и увидел идущего ко мне Кэмела. Точно, за мной собрался.

– Ты как, ехать с нами не передумал? – спросил он без «с добрым утром».

– Нет, – оживился я. – Мне самому интересно, как вы там договоритесь.

– Тогда пошли, – махнул он рукой. – Кого берешь с собой?

– Только Шмеля, за руль. Остальные пусть пока на обороне деревни будут, мало ли что?

Вас сколько едет?

– Получается, что двое. Трофимыч с вами в одну машину решил залезть.

– Экономит ресурс колхозной техники? – съехидничал я.

– Не, разговор у него есть какой-то.

Мы скорым шагом направились в сторону наших машин, так и стоящих под охраной возле дома правления, а я попутно еще и Шмеля по рации вызвал. Леха уже был там, и Трофимыч стоял возле крыльца, объясняя что-то примерно двум десяткам мужиков. С мужиками были трое: давешний Иван со шрамом на щеке и двое бойцов помоложе, в камках и с автоматами, те самые дезертиры. Трофимыч ставил какую-то исторически масштабную задачу, судя по тому, как он там клешнями размахивал, охватывая мироздание на всю ширину, от одной околицы до другой. Наконец, закончив речь, подошел ко мне, поздоровался.

– Васька говорит, повзрывали вы тама у бандюг технику?

– Повзрывали, – подтвердил я. – Да только они новую найдут, техники теперь бесхозной прорва. «Двухсотые» у них есть и «трехсотые». Если о последних заботятся, то это их задержит, если нет...

– Какие? – сощурился Трофимыч.

– Убитые и раненые, – уточнил Васька.

– Что поделаешь! – философски сказал председатель. – Попробуем сегодня обо всем договориться. Ну что, поехали, что ли?

Погрузились в наш УАЗ, Трофимыч с Кэмелом сзади уселись. Тронулись. Шмель было сунулся в сторону трассы, но Трофимыч его поправил, сказал, что короткая дорога есть, через лес, тридцать верст всего.

– Медленней, конечно, но ее не знает никто, почитай, – объяснил наш пассажир. – В лесу вырубки были, валили лес из разных сел. И к каждому селу по дорожке от таких вырубков. У нас пол-области такими дорожками связано, только знать их надо. От села до вырубки, от вырубки до другого села. Васька вот знает, кстати, – добавил Трофимыч и многозначительно замолчал.

– Трофимыч, ты продолжай мысль-то, не рассчитывай на догадливость, – подтолкнул я его к продолжению.

– Вот и продолжаю. Василия хотите к себе? Тока честно мне!

– Хотим, – подтвердил я.

– И правильно, он парень толковый, а уж раз служили вместе... – Он хитро прищурился. – Но тут такое дело. Село без защиты сейчас, так что народ его отпустит лишь с одним условием – сидите у нас или пока оборону не построят, или пока военные с бандой не разберутся. Или пока нас под свою охрану не возьмут. Это первое.

– А второе?

– Он свой автомат оставляет, вы его вооружаете и еще четыре автомата даете, по три рожка к каждому, две тыщи патрон и гранат хоть десяток. Вот так, без всякого торга.

– Трофимыч, так, может, тебе вояки сейчас и так подкинут? – на всякий случай перевел стрелки я.

– Что вояки подкинут, то подкинут, оно уже за другое, – солидно заявил председатель. – Я и те автоматы, что вы ночью принесли, уже людям дал. И ты выкладывай, я ж знаю, что у вас еще есть, я ж не то что последнее, даже от лишнего много не прошу.

Если честно, то я примерно что-то в таком духе и полагал, но Кэмела к себе в отряд хотел так, что аж дальше некуда. Минно-взрывное дело знает, радиодело в разумных пределах тоже, в разведку ходил, в одних операциях с ним мы участвовали, стрелок он хороший, силы верблужей, что еще надо? У нас тогда «ветеранская» часть отряда шесть человек насчитывать будет. А с поправкой на умеющих стрелять девушек, которых, главное, к делу правильно приставить, так вообще сила.

– По рукам, Трофимыч, – согласился я, хоть и поморщившись для виду. – Ты мне только вот что скажи, а таким манером докуда можно доехать? Если лесами и вырубками?

– Да до границы области запросто, – показал он рукой куда-то вперед. – До самого Гороховца, пожалуй.

Дорога и правда была то, что надо, – чистое загляденье. Песчаная лесная грунтовка с полосой незаезженной травы посередине, местами с грязью, для нас не проблемной. Кто на такую сунется? Сюда ни мертвяк, ни бандит, ни морф не полезет, если нам такой глухоманью хотя бы день пройти получится, то уже лучше не придумаешь. Зелень кругом хвойная, да птички поют. Привалы можно нормальные устраивать, с кострами и горячей пищей. Пикники, блин. Хоть на гитаре бренчи про «солнышко лесное», если есть гитара и желающий на ней бренчать и если я его за это не пристрелю. Ненавижу бардовское творчество, а эту песню больше всего. Как слышу, так «рука тянется к пистолету».

Дальше болтали о всяком и добрались через час до классических ворот «в/ч номер такой-то» – зеленых, с красными наваренными звездами. КПП, от него во все стороны бетонный забор. Но это не все – перед КПП в рогатках «егоза» намотана, целый лабиринт бетонных блоков ведет к воротам, прямо не проедешь. Прямо на плоской крыше КПП – укрытие из мешков с песком, из-за него не что-нибудь, а ствол НСВ¹⁹ торчит, даст – мало не покажется. Еще в двух местах, на крышах зданий, – огневые точки, причем в обеих стоят «зушки»,²⁰ а в креслицах стрелки развалились. Если на чем типа бэтэра к ним сунуться, они его с трех точек разберут на запчасти, причем очень мелкие.

Ага, на крышах еще и пара автоматических гранатометов имеется. Нормально. Уважение вызывает. Перед воротами, прямо на входе в КПП, тоже из фундаментных блоков стенка. После того как между блоков напетляешься, аккуратно под нее и подставляешься. За ней трое бойцов, молодых, может, даже и срочников, и с ними прапор лет тридцати пяти, рыжий, уса-тый, нос картохой. Смотрят настороженно, но не слишком.

Трофимыч взял ситуацию в свои руки, представился тем, кто он есть на самом деле, всеми званиями, даже орден «Знак Почета» упомянуть не забыл и потребовал встречи с начальством на предмет переговоров о взаимовыгодном сотрудничестве. Никто препятствовать не стал, вызвали дежурного по части, через две минуты у ворот с той стороны тормознул еще один УАЗ без верха. Дежурный в капитанском звании был не один, баранку крутил еще какой-то боец. Нас пропустили внутрь с машиной, но поставили на площадку в сторонке, причем с умом так поставили. Если бы мы даже камикадзе были и в машине у нас сто кил тротила заныкано,

¹⁹ Крупнокалиберный пулемет.

²⁰ Зенитная установка ЗУ-23.

именно с этой точки мы даже забор не обрушили бы. Насчет оружия, правда, никто и слова не сказал.

Двоих из нас капитан пригласил в свою машину, но при этом уточнил, кто есть кто. Насчет нас, проезжих из Москвы, только хмыкнул, но комментировать не стал.

Мы с Трофимычем загрузились к нему в машину и через минуту выгружались уже возле типичного двухэтажного здания штаба полка, хоть здесь был уже не полк, а учебный центр. Мы внутрь прошли, справа – аквариум дежурки, в ней помдежем целый старлей, что в недавние времена просто неприлично было бы. Видно, дефицит рядового состава у них, для такого места за глаза сержанта хватило бы. Место для поста номер один пустое, и стеклянный шкаф для знамени тоже пуст.

Помдеж взял у меня автомат, но на пистолет в кобуре, как Трофимыча, так и мой, внимания обращать не стал. Странные правила. Впрочем, чего им бояться? А с автоматом наперевес в чужой кабинет невежливо ходить.

Капитан провел нас на лестницу, по ней на второй этаж с полутемным коридором. Уперлись носом в дверь с табличкой «Секретная часть», пошли по коридору налево, оттуда в кабинет командира части, с табличкой «Командир части п/п-к Гнездилов С. И.».

Командиром оказался среднего роста коренастый мужик с мощными жилистыми предплечьями, торчащими из закатанных рукавов камуфляжа, с короткими, совершенно седыми волосами и маленькими серыми глазами. Пожал нам руки, пригласил садиться. Предложил чаю, причем сам выставил на стол кружки, заварку в пакетиках, чашки, обычно командиры этим не занимаются. И лишь потом поинтересовался, с чем пожаловали.

Трофимыч взял быка за рога, сказал, что в районе банды начали плодиться, уже пошел беспредел, скоро они пойдут по селам налоги собирать. А он, Трофимыч, лучше будет с удовольствием кормить родную армию, нежели никому не родную банду. Тут все было понятно, командир лишь кивал, со всем соглашаясь.

Затем повернулся ко мне, оглядел мою недешевую военную справу, какой любой спецназ позавидовал бы: наколенники, разгрузку поверх броника, араамидный шлем с очками, ПММ²¹ в кордуровой кобуре, трансивер, бинокль, затем спросил, кем я являюсь в данной схеме. В ответ я рассказал все ту же дежурную версию о доставке научных документов. Заехали, попросились на ночлег, встретил друга, да и взялись помочь. Подполковник только уточнил, сколько у меня людей. Я честно дал расклад, сколько реальных бойцов, сколько условных.

Он помолчал, затем поинтересовался, где я экипировался. Я вкратце рассказал про магазин, упомянул и свое пребывание в центре «Пламя». Он оживился, спросил, не видал ли там майора Соловьева? Я рассказал, как мы были в рейде под его командой, и с этого момента у подполковника доверия ко мне прибавилось. Он спросил, что я думаю о ситуации с бандитами.

– Тарищплковник, хреновая ситуация, – завел речь я. – В часе езды дислоцирована здоровая банда, человек сто как минимум, а может, и все двести, а может, и больше, которой надо жрать, надо баб, надо водки, надо дури, надо всего. Путь один – начинать подминать под себя округу. Округа сельская, значит, им нужно на продовольственный поток садиться. Если сядут, то в будущем сами будете у бандитов еду покупать. Вам же предлагают взять инициативу, дать селам защиту, а они вас кормить начнут.

– Именно. Если с вами договоримся, я сам по соседям поеду, уговорю, – поддержал меня председатель. – Все, что вам везти будем, прямо у нас в Старогорке будем собирать, а вы с одного адреса получать.

²¹ Пистолет Макарова модернизированный.

Ай да Трофимыч! Я заплодировал мысленно. Под шумок начальником всей округи станет, если вся жратва для военных пойдет через него и обратная связь тоже. На распределение присядет, в окне раздачи.

– Я не против, – сказал подпол. – Вопросов на сей счет нет. Но есть проблема. У меня личного состава осталось чуть больше трех сотен, а у нас здесь еще и семьи живут. Больше роты я выставить не могу, ловить такими силами банду по всей округе проблематично. Так что проблема не уничтожить, проблема – обнаружить. Если воевал, то знать должен.

– Если бы не обнаружили, то и не пришли бы, – важно заявил я. – Я вам их сейчас на карте отмечу и расскажу, где там у них чего. Мы к ним сегодня ночью ходили. Я в системе GPS дам координаты, и даже расстояния от точки снятия координат до главных объектов, с точностью до десяти метров. И они будут там сидеть еще пару дней как минимум.

– С чего бы? – поднял брови Гнездилов. Я рассказал про ночной шухер и сгоревшие машины. Подполковник молча выслушал, подумал, затем сказал, что тогда все проще. Даже сообщил, что уже придумал схему уничтожения банды, простую и наглую. Выдвигается до роты личного состава в сопровождении батареи «Града». Батарея становится в зоне наиболее эффективного огня. Расположение банды окружается, никто на рожон не лезет, и батарея начинает долбить.

Оцепление же, находящееся на достаточном удалении в виде отдельных опорных пунктов, истребляет разбегающихся. Если даже не преследовать, то одной такой «процедуры» хватит, чтобы заставить остатки любой банды уйти навсегда из района. В любом случае как организованная сила они существовать перестанут. Это не то что «банда рассеяна, видны пятна крови и следы волочения», это взаправду будет. Почему именно «остатки», объяснять надо? Когда представите себе последствия налета батареи установок БМ-21 «Град» на неукрепленный объект, тогда снова обсудим.

В общем, Трофимыч с Гнездиловым договорились, причем договорились обо всем и к полному удовольствию сторон. И о том, что председатель поедет завтра по окрестным селам агитировать, и о том, что вояки подкинут еще десяток стволов и несколько ящиков патронов из своих запасов сельским, и о том, что вместе с нами в село прибудет разведгруппа из роты артразведки, к которой присоединимся мы с Васькой и поведем ее к зоне. А уже они на нее наведут основные силы.

Кроме того, Гнездилов собрался договориться с ракетчиками об объединении усилий. Их основное оружие для нынешних времен не годилось, но зато у них всегда много внимания уделялось охране объектов, поэтому если отрешиться от ракет, то во всем остальном они напоминали легкопехотные части.

Например, их бэтэры куда больше подходили для дальней разведки местности, чем гусеничные МТ-ЛБ²² и «саушки»²³ артиллеристов. Гусеницы – штука такая, требуют регулярной профилактики и ремонта, равно как и катки, по которым они перематываются. А в последние годы в РВСН завелся даже свой спецназ, предназначенный для обезвреживания диверсионных и террористических групп, нацеленных на объекты. И такая группа спецназа как раз у соседей имела, чего тоже со счетов сбрасывать не следовало.

Когда мы вышли из штаба и в сопровождении на этот раз уже помдежа дошли до машины, то обнаружили в багажнике десять ящиков «пятерки» и десять же хоть и не новых, но в отличном состоянии АК-74. Еще рядом с нами стояла военная «шишига», в которой за рулем сидел прапорщик, а в кузове – четверо бойцов. Эта машина шла за первой порцией продуктов с огородов колхоза, которую предусмотрительный Трофимович приготовил на сегодня. Но сам везти не стал, захотел, чтобы военные мелькнули в деревне, на глазах у жителей. Политик!

²² Многоцелевой тягач легкий бронированный.

²³ Самоходная артиллерийская установка.

Подкатали два «уазика» со снятым верхом, в которых сидели восемь человек. Я поздоровался с командиром разведгруппы, капитаном Иваницким. Группа была сплошь из офицеров и прапорщиков, солдат в ней не было вообще. Одна и та же картина во всех частях: разбежались все, у кого семья не была рядом. Затем наша разросшаяся до четырех машин колонна вышла из ППД артполка и пошла на лесную дорогу.

Сергей Крамцов

9 мая, понедельник, утро

Банда, занимавшая свою бывшую зону, сделала выводы из того, что произошло прошлой ночью. Разведка арtpолка выявила два секрета со стороны ворот, при этом даже неплохо замаскированные. Уничтожать их сразу же не стали, вдруг они еще и регулярную радиоперекличку завели? Не хотелось поднимать тревогу раньше времени. Изменили маршрут подхода, обошли.

Нас было восемь, шестеро офицеров из артрэзведки и мы двое, вместе с Кэмелом, как уже бывавшие здесь ранее. С нами же отправились и Шмель, и Сергеич с Лехой, но и на этот раз они остались возле машин, вместе еще с двумя офицерами из учебного центра.

Когда мы все же заняли позиции, я оглядел зону в бинокль. В блеклых рассветных сумерках было видно, что наш ночной рейд даром не прошел, сгорели все автомобили, находившиеся на стоянке, но неподалеку от них появились уже два новых, оба – бортовые КамАЗы. Возле них теперь тоже стоял часовой, у караулки были еще трое, и заняты все вышки. Похоже, что весь оставшийся в живых личный состав противника образовал один большой караул. В зоне было тихо, на этот раз ни музыки, ни звуков, присущих попойкам, оттуда не доносилось.

Между забором жилой зоны и административной был газон, который теперь превратился в кладбище. Я насчитал восемнадцать могил, все с крестами из досок – очень неплохо. Будь такое на войне, можно было бы требовать ордена и еще что-нибудь, но там и противник был бы опытный, бдительный и трезвый. Здесь же мы появились, когда все пребывали в блаженной расслабленности. Поражение на мосту банду ничему не научило, потому что они наверняка решили, что кто-то прорывался мимо и о существовании лагеря не знает.

Ну а теперь было поздно что-то предпринимать. Их судьба была уже не в наших руках, и где-то на позиции выходили три установки РСЗОБМ-21 «Град». В общей сложности до роты военных занимали позиции по периметру зоны, несколькими боевыми группами. После того как будут выпущены все сто двадцать снарядов, что займет двадцать секунд, эти группы сожмут кольцо вокруг зоны и добьют уцелевших.

Примерно еще через полчаса был дан сигнал общей готовности. «Грады» получили координаты, а негромкий лязг затворов автоматов с приборами бесшумной стрельбы завершил земной путь обоих секретов. Затем разведгруппа получила сигнал к отходу. Зона накрытия установки «Град» больше четырнадцати гектаров, на этом пространстве всем достанется. Три установки накроют всю территорию не слишком большой зоны «в три слоя», укрытий там нет, слишком капитальных зданий, способных уберечь от реактивных снарядов калибром сто двадцать два миллиметра, – тоже.

Я, признаться, на стадии подготовки операции удивился. Не расточительство ли отстрелять такое количество снарядов по сотне-другой уголовников, но мне сказали, что экономить планируется боезапас для ствольной артиллерии, как лучше хранящийся. Все же там лишь взрывчатка в герметичном объеме, и все. А у реактивной артиллерии имеется твердое топливо в ракетах, ему тоже особые условия хранения нужны, лучше уж их по делу израсходовать.

К тому же, под установками «Града» имеются грузовики «Урал». Когда запасы снарядов достреляются, их можно будет переделать во что-то полезное. Проза новой жизни.

Когда наша группа отошла на безопасное удаление, Иваницкий дал команду к началу операции. И вскоре в том месте, где располагалась зона, началось светопреставление. Вспышками разрывов осветилось все рассветное небо, дым и пыль поднимались огромной клубящейся шапкой, грохот стоял такой, что хоть уши затыкай. Длилось это ровно двадцать секунд, я засек по часам. Потом все затихло, и разбросанные вокруг периметра боевые группы начали движение к центру. Мы так и шли с группой Иваницкого, не торопясь, беспокоясь даже не о собствен-

ной скрытности, что тоже было немаловажно, а о том, чтобы между группами никто не проскочил за кольцо оцепления.

Двигались вдоль подъездной дороги, по правой ее стороне. Единственный противник, которого мы увидели на всем километровом маршруте движения, – двое представителей контингента, один – с оружием, второй – без оно, с сильно обожженным лицом и плечом. Обоих взяли в плен, на предмет допросить позже.

Когда подошли к самой зоне, то наткнулись на картину полнейшего разгрома и уничтожения. Засели в кустах, тоже изрытых воронками и выстриженных осколками, ждали сигналов от остальных групп, выходящих на позиции для последнего штурма. Все это время наблюдали за территорией зоны. Там не было ни одного неразрушенного здания, все корпуса, в которых, судя по всему, размещались деревообрабатывающие цеха, пылали кострами, там никто не мог спрятаться. Здание администрации колонии было снесено до основания, легковозводимые щитовые казармы, исполнявшие здесь роль бараков, тоже сгорели дотла. Все вышки были снесены, кирпичный домик КПП и караулки развален прямым попаданием.

За все время наблюдения заметили лишь троих выживших, которых застрелил снайпер. Зона прекратила свое существование. Но все же штурмовые группы провели там, в том, что от нее осталось, еще и жесткую зачистку, потому что многих из жителей зоны следовало убить повторно, чтобы они не разбрелись по окрестностям. Мы в ней участвовать не стали. Если честно, не хотелось, да и не было смысла. Там без нас разобрались.

Через час зачистку объявили законченной. Мы вдвоем, так и наблюдавшие за зоной, снялись с позиций и прошли за периметр. В воздухе стоял кислый запах тротила, пахло дымом и обычной гарью. И еще кровью, нечистотами и внутренностями, потому что тут и там лежали разорванные в клочья трупы. Некоторые из них ожили, но их добились. Похоже, что банда была истреблена до последнего человека. По крайней мере, те, кто находился в этот момент на территории зоны.

Хотя нет, еще трое пленных сидели на земле возле развалин «штаба» под охраной двоих контрактников. Там же, возле штаба, мы встретили Гнездилова. Он пожал нам руки, похлопал по плечу.

– А ничего, молодцы, хорошо разведали. А что координаты сняли, так вообще замечательно.

– Банда накрылась? – спросил я.

– Почти что, – ответил подполковник. – Из того, что пленные показали, сложилась вообще картина интересная. Зона вырвалась на волю не сама, ей помогли.

– Кто? – удивился я.

– Вот бы нам узнать, – довольно злобно скривился он. – Пришла колонна, все военные, на броне, чин чином. Встали прямо у ворот, их запустили на территорию, начальство даже под козырек взяло. Штришок характерный, верно? Бойцы, что с ними были, разошлись по территории, а затем атаковали. Перебили всех, кто внешнюю охрану нес, а часть вертухаев сама переметнулась к энкам, у них и без того дружба была.

– И зачем? – совершенно обалдел я от таких известий.

– Забрали местного смотрящего и еще с ним человек пять, – ответил Гнездилов. – Плюс начальник и помреж зоны тоже с ними уехали. И еще несколько из вертухаев зачем-то понадобились приезжим. А остальным раздали грузовик оружия и велели организовываться. Даже речь толкнули, что, мол, свобода теперь и следует округу к ногтю взять.

Чем дальше – тем интересней. Это каким таким военным потребовалось энкав распускать и вооружать? И верно, многовато оружия у них было, в караулке они бы столько не взяли, как мне кажется.

– И все?

– Да вот не все, – как-то странно сказал подполковник. – Колонна пошла дальше, на Владимир. Куда точно – никому не докладывали, естественно. А вот тем, кто остался, раздали фотографии, даже на стенках повесили. Узнаешь?

Гнездилов протянул мне отпечатанные на ксероксе листы с фотографиями. А чего тут узнавать? Мое личное дело из отдела кадров «Фармкаора» как раз с такой фотографией и хранится. А семья Дегтяревых переснята с фото семейных, видать, в квартире у них пошарились. Этому я не удивился. Собственно говоря, после поездки в Тверскую область я уже никаким новостям не удивляюсь.

– Давно это случилось? В смысле приезд военных? – спросил я.

Это что, после наших фокусов в Васильевском Мохе такой шухер начался? Хотя не должно, иначе зона бы уже сама давно разбежалась...

– Говорят, что примерно месяц назад, за точность не ручаются.

Ага, так примерно и выходит... А что выходит? Выходит, что ищут меня давно и активно.

– И еще говорят, – продолжил между тем Гнездилов, – что если людей с фотографий встретят, то следует задержать их или убить, а имеющиеся при них оранжевые пластиковые контейнеры забрать и хранить как зеницу ока, пока за ними не приедут. И дать знать, что контейнеры забрали, посредством выхода в эфир.

– А есть кому и откуда выйти в эфир? – полюбопытствовал я.

– К сожалению, уже нет. Передатчик у них был, и радист имелся, но теперь... сам видишь.

Гнездилов обвел рукой панораму разрушений и пожаров.

– Ну что, – спросил он, – расскажешь, ради чего целую зону уголовников на волю выпустили? Что у тебя за контейнеры? Ты не нервничай, я как бы соображаю, что хороший человек, чтобы поймать плохого, уголовников на волю не выпустит. Скорее наоборот. Может быть, и помогу, чем смогу, если дело того стоит.

– Вы нам трофеями помогите, – усмехнулся я. – Надо в деревню выкуп отдать, чтобы вот его с нами отпустили.

Я показал на стоящего неподалеку Ваську-Кэмела.

– Ну это решаемо, не проблема, – хмыкнул Гнездилов.

Сергей Крамцов

9 мая, понедельник, день

Проснулся я около трех часов дня, хорошо выспавшийся и довольный жизнью. Татьяна была рядом, сидела с книжкой у окна, повернувшись к свету.

– Проснулся? – спросила.

Отложила книжку, и я увидел, что она читает Мак-Каммона, «Они жаждут».

– Ужасов за окном не хватает? – съехидничал я.

– За окном проза жизни. А тут ужасы теперь такими уютными кажутся, вроде сказки на ночь, – похлопала она по обложке книги. – А вообще я намерена тебя информировать, что баня натоплена и мы можем идти париться. И на этот раз нет необходимости делиться на мужские и женские смены. Те, кто мог, уже сходили раньше. Беспокоить нас никто не будет.

– Класс, – с чувством заявил я. – Как раз на праздник подарок.

– Что за праздник? – удивилась она.

– На календарь смотрела? Девятое мая. И у нас сегодня победа локального масштаба, так что вдвойне.

– А, ну тем более.

Баня, разделенная на мужскую и женскую смены, стала для нас настоящим испытанием и заодно нарушением наших привычек с традициями вкупе. Наша-то компания всегда ходила в нее двумя парами, по очереди заходя в парилку и вместе гоняя чай в предбаннике. А когда народу прибавилось, то вся наша стройная система сбилась, пришлось делиться на смены. Сейчас же мы снова могли пойти вчетвером.

Дом Трофимыча стоял вроде и в середине вытянутого села, но задняя часть двора прилегала к пруду, за которым уже ничего не было. В смысле от деревни ничего, а всего остального даже очень много – был сам пруд, был луг и лес за ним. Баня тоже была – большая, с просторным предбанником, от которого в пруд бежали мостки. С мостков надлежало прыгать после парилки – пруд питался от многочисленных ключей, и вода в нем была ледяной в любую жару. Когда мы подошли к бане, из предбанника вышли Маша с сестрами, все с розовыми после парилки лицами.

– Как там? – спросила Татьяна.

– Здорово! Лучшая баня в моей жизни! – решительно заявила Аня, растрепав рукой свои короткие влажные волосы.

Тут в глаза бросился некий непорядок, о чем я не преминул высказаться вслух:

– Дамы, а почему вы без основного оружия?

– Пистолеты у всех, – сказала Маша.

– Маш, если что-то случится, то тебе сначала придется бежать через всю деревню за оружием и лишь потом заниматься делом, – укорил я ее. – Мы же не в «Пламени», где внутри полная безопасность. Значит, так: вне защищенной территории, которую я сам объявляю таковой, без основного оружия и боекомплекта не ходить. За нарушение... сами знаете что.

– Что? – полюбопытствовала Аня.

– Порка розгами, – повернулся я к ней. – Шпицрутены. Сквозь строй в светлое будущее. Расстрел под барабанный бой. Всем понятно? А мы, с вашего позволения, в баню.

Нам пожелали «легкого пара» и на этом разошлись. Мы зашли в предбанник, и не успел я снять разгрузку, как в дверь постучали. Затем заглянула хозяйка, жена Трофимыча, Лидия Васильевна, крупная румяная дама за сорок. В руке у нее была стопка белых, чисто выстиранных и до хруста наглаженных простыней.

– Ребята, покажу вам где и что, – заговорила она. – У нас чай с травками, с ромашкой есть, с чабрецом, со зверобоем, с малиной...

Она начала перебирать сухо шуршавшие стеклянные банки, показывая, где какой. Затем продемонстрировала сухие веники, тоже объяснив классификацию. Веники у них были и березовые, и особенно мной любимые дубовые. На каменке закипало ведро воды, куда я пару таких и опустил. Сейчас они там отмокнул, и этой же водой поддавать пару будем. Не знаю, как насчет любителей использовать для такой цели квас и пиво, а по мне, так лучше дубового отвара и нет ничего.

Затем она тоже нам пожелала легкого пару, открыла дверь, пошла на улицу и вдруг вскрикнула. Через секунду я уже стоял рядом с ней, с автоматом в руках. Рядом была Татьяна.

– Ребят, а чего это он такой? – дрожащим голосом спросила Лидия.

На той стороне пруда стоял зомби. Какой-то подражливый мужичок в телогрейке, пропитанной запекшейся кровью. Он увидел нас, но не бросился вперед, а топтался на берегу пруда.

– Лидия Васильевна, не ваш? – спросил я. – Не узнаете?

– Как это не узнаю? – даже возмутилась она. – Это Генка Сидоров, у нас на грузовике в колхозе работал. Его уже неделю не видели, с тех пор как он в Подсолнечное уехал. А чего это он такой? Мертвяк?

– Не видели мертвяков? – удивился я.

– Не-э. Откуда? По телевизору только, – замотала головой Лидия Васильевна.

– Интересно... – удивился я. – У вас же вроде были здесь.

– Меня тогда не было, я только убитых видела.

Вот такая она, жизнь пейзажная. Вся Москва мертвяками сожрана, а тут их даже и не видели. Не зря, видать, говорят, что все новое в Москву, а селу после столицы ничего и не достается.

– Что тебе интересно? – нервно спросила Танька. – Грохни его, пока он в воду не залез, а то придется из пруда вылавливать. Я в пруд, где покойник плавает, в жизни не прыгну!

– А он вроде не подходит, смотри, – обратил я ее внимание на новую деталь мертвецкого поведения.

Действительно, хоть зомби явно хотелось добраться до добычи, то есть до нас, он не лез в воду, и более того, это выглядело так, как будто он опасался ее. Не то чтобы в панике бежал, но и лезть в пруд категорически не хотел.

– Слушай, он явно боится воды. Почему?

– Не знаю, – пожала плечами Татьяна. – Я вообще не видела, чтобы они хоть чего-нибудь боялись.

Мертвяк, словно его осенило, вдруг решительно пошел, почти побежал, в обход пруда, явно собираясь добраться до нас.

– Я тоже так думал, а тут на тебе. Но видишь, сообразил, что к чему. Может просто понимает, что в воде ходить не получится, – сказал я и повернулся к хозяйке: – Лидия Васильевна, стрельбы не боитесь?

– Боюсь. Но ты стреляй, ну его, – махнула она рукой. – Страшный он какой-то, аж мороз по спине.

Я скинул «сто пятый», навел точку коллиматорного прицела на голову мертвяка, взял маленькое упреждение и утопил спуск. Раскатисто треснул один выстрел, второй, мертвяк упал навзничь. Сзади слышались торопливые шаги, к нам подбежали Леха с Викой, у обоих оружие в руках.

– Что случилось? – спросила Вика с ходу.

– Мертвяк из леса вышел, местный, – ответил я. – Они, похоже, к своим местам жительства все стремятся.

– Убрать бы его надо, а то будет тут идиллический пейзаж портить, – сказала Вика.

– Вы идите в баньку, а за ним подъедут, – сказала Лидия. – На выстрел народ прибежит, вот и скажу им, чтобы увезли его. Он холостой, только сестра здесь, вот ей и отнесут пусть. И батюшке скажем, отпевать надо.

Вот те раз! А ведь у меня и в мыслях не было его хоронить. И до этого ни разу не было. Зомби – они вроде как и в Африке зомби. Но одно дело в Москве и после, в Солнечногорске, когда все зомби, бросавшиеся на нас, были людьми незнакомыми, просто монстрами из фильма ужасов. А здесь, в деревне? Чуть ведь глупость не сделали. Такой косяк мог бы быть, что дальше некуда. Сейчас бы мы оттащили его куда-нибудь в сторонку и скинули в яму, а его односельчане нас бы отсюда на пенделях обратно до Москвы бы погнали. Слава богу, что Лидия здесь была. Меня аж в пот кинуло при мысли, как могли накосячить.

– Ну раз сами людям скажете, то тогда мы париться пошли, – обрадованно объявил я.

– Идите, конечно, легкого вам пара.

Мы зашли в предбанник, начали раздеваться. Пахло распаренным веником, горячим деревом – банный дух.

– Чего задумался? – спросил Леха.

– О двух вещах. Первая – мы чуть не накосячили, это ты заметил?

– Заметил, – сказал он. – Могло хреново закончиться.

Подхватив бадейку с распаренными вениками, я подошел к двери в парную.

– А раз заметил и меня не предупредил, то мы с Танькой в парилку первые, – объявил я.

Александр Бурко

9 мая, понедельник, вечер

Сегодня с утра навалилась всякая текучка, то одна мелкая проблемка, то другая, даже пообедать не успел. К тому же Салеев сообщил, что возник некий, пока небольшой, конфликт с «союзными» военными, стоявшими в оцеплении вокруг города. Конфликт не принципиальный, скорее даже технический, но из таких, которые вырастают в большие проблемы, если сразу не разрешить. И разговаривать с кем-нибудь, кроме «Первого лица», оппоненты отказывались. Пришлось бросать все дела, нестись на своем «Тигре», сопровождаемом охраной, к развилке между окружной дорогой и Ленинградским шоссе, ведущим в город, и там битый час убеждать недовольного и злого майора-мотострелка, к тому же не желавшего ничего слушать.

К счастью, разобрались, а заодно и на будущее прикинули, что делать, чтобы в такие глупые ситуации не попадать. Едва закончил этот разговор, как на связь вышел Пасечник. Сообщил, что отряд Еременко, находившийся в командировке в Кировской области, не смог связаться с зоной в области Владимирской. Той самой, из которой вывезли Крапа – вора, способствовавшего установлению бандитской власти в тех глухих краях, а по совместительству еще и их главного союзника. Причем Еременко предполагал худшее, что-то с их «передовым заслоном», контролировавшим единственный мост в нужном направлении, случилось худое. Со связи урки пока ни разу не пропадали, честно отрабатывая все полагающиеся сеансы.

Можно было бы на это плюнуть, все равно особых успехов от них не ждали, рассчитывая больше на своих людей на подступах к Горькому-16, а заодно засаду на подмосковном Базаре, но Бурко занервничал. Сам не мог понять почему, словно предчувствие какое-то томило, вроде как полузабытая зубная боль оживилась. В конце концов он не выдержал, вызвал Салеева.

– Марат, «Аннушку» бы к полету подготовить, – сказал он ему. – Надо крутануться над Владимирской областью.

– Может, проще с мигаловскими договориться? – чуть озадачился «министр обороны». – Они что посерьезней и побыстрее предложить могут.

Целыми тремя «Аннушками» – бипланами Ан-2 – удалось разжиться на аэродроме в Змееве. Самолеты были, считай, новыми, после большой капиталки, и Центр наложил на них лапу. Даже Бурко, хоть и полный дилетант, сообразил, что именно за такими «кукурузниками» будущее: они и сесть могут на дорогу или на полянку, и взлететь пятак хватает, и топливо расходуют экономно. А что летят медленно... а куда спешить? Договорились в Мигалове о стоянке, устроили получше в этой жизни экипажи с семьями, сыто и безопасно. И если требовалось теперь куда-нибудь быстро сгонять, особенно за пределы дальности вертолета, эти зеленые тупорылые самолеты, трескучие, как швейные машинки, и прыгающие на воздушных ямах, оказались идеальным средством.

– Не надо с мигаловскими, – подумав, ответил Бурко. – Они за вылет мало не запросят. И вот еще... Ребят возьмем толковых человека четыре, из моих. Если что не так – сядем на шоссе, сходим посмотреть.

– Есть, – ответил Марат. – Все понял.

Пятнистый кургузый «Тигр» и угловатый «Выстрел» охраны сорвались с места и рванули на окраину Твери, к аэродрому, до которого от этого места езды было минут десять, не больше. Там пришлось ждать Салеева, появившегося примерно минут через сорок, причем вместе с Пасечником, который тоже решил слетать, еще ожидать, пока экипаж подготовит машину к полету – вылетов сегодня не ожидалось, но вскоре все же взлетели.

Неторопливая «Аннушка» добиралась до места около двух часов. Хорошо, что хоть болтанки не было, а то Бурко обнаружил, что при полетах на этой машине ему подчас трудно обходиться без гигиенических пакетов.

– Подлетное время пять минут, – вдруг объявил пилот. – По правой стороне объект будет, я накрёну машину.

Действительно, вскоре самолет слегка завалился на крыло, все сидевшие приникли к маленьким иллюминаторам.

– И что здесь произошло? – ни к кому конкретно не адресуясь, спросил Бурко.

«Объекта», собственно говоря, как такового не существовало. Пятно выжженной земли, еще дымящиеся развалины, воронки, часто усеивающие землю и наползающие друг на друга, трупы, валяющиеся по всей территории, тут и там, и несколько фигур, сидящих возле трупов, похоже, что мертвяки, кормящиеся на таком изобилии мяса.

– «Грады» отработали, – сказал Салеев. – Тут и гадать нечего, я такое много раз видел. И похоже, целая батарея работала по цели для одной установки, с многократным перекрытием.

– И кто это мог сделать? – озадачился Бурко.

– Военные, кто же еще, – пожал плечами Марат. – Тут артчасть должна быть километрах в ста, они могли. А вообще не знаю... навались граждане уголовнички, судя по всему, вот их на колбасу и пустили.

Бурко выругался матом, что для него было большой редкостью, и сказал:

– Летим обратно. Нечего тут делать.

Салеев и Пасечник лишь переглянулись. Самолет, накренившись в вираже, лег на обратный курс. Настроение у Бурко окончательно испортилось. До аэродрома долетели в полном молчании и так же, в молчании, тряслись на заднем сиденье бронированного «Тигра». И даже за общим ужином, когда жена Пасечника, еще недавно столь интеллигентная, на глазах у всех вдруг отвесила подававшей чай горничной несколько пощечин, Бурко ничего не сказал. Не до горничных ему. Да и не развалится она от нескольких оплеух, аккуратней работать будет. Это ей не «старый режим», власть теперь новая, и пусть делает поправки на ее абсолютность. Надо будет – и на конюшне драть начнут.

Сергей Крамцов

9 мая, понедельник, вечер

Закончили париться мы только к вечеру, очень уж хорошо пошло. Пруд действительно был ледяным и очень чистым. Почва здесь песчаная, ключей много – мечта банщика, а не пруд. Пар отличный, веники душистые, жар такой, что уши в трубочку, – что еще нужно для полного счастья? Разве что еще и согрешить, но с этим уже не вышло – когда уже оделись, прибрались за собой и вышли на улицу, к нам подошел сам Трофимыч. Поздравил с праздником, поинтересовался, как нам понравилась его баня, рассказал попутно, что множество вопросов решал с ее помощью с районным руководством, любившим его навещать, а потом сообщил, что приехало командование учебного арtpолка и несколько человек от ракетчиков. Приехали и еще трое председателей из окрестных колхозов, а теперь ожидается нечто вроде посиделок с переговорами, а заодно и заключение договора об образовании, считай, нового государства на тутошних землях. Ну и мы все приглашены, в полном составе, буде у нас случится такое желание.

Желание было. Точнее, возникло. Вообще я планировал уже выехать завтра с утра пораньше, но, едва Трофимыч пригласил нас, я сразу перенес выход на один день. Когда еще будет возможность узнать все новости, расспросить всех и обо всем? Тот же Трофимыч, например, ни черта не знал о том, что делается дальше у нас на маршруте следования.

Кроме того, такого случая подружиться со всеми людьми, кто берет власть в районе, уже не представится. Кто знает, что ждет нас в дальнейшем? Лишних друзей не бывает.

Проходя через село, увидели возле наших машин уже знакомые открытые «уазики» разведгруппы плюс еще один, без пулемета, и там же стоял обычный тентованный УАЗ и рядом с ним БТР-80. У техники околачивался часовой, который, впрочем, просто приглядывал за ней и никому проходить не мешал. Бэтээр, судя по всему, принадлежал ракетчикам.

Банкет в честь Дня Победы, если можно его таковым считать, был накрыт в помещении правления колхоза и сервирован на длинном совещательном столе, к которому еще дополнительные столы приставили. В правлении уже было шумно, народу набилось изрядно. Был Гнездилов и с ним еще четверо офицеров из учебного центра, какие-то незнакомые военные с артиллерийскими эмблемами, несколько гражданских разного пола и возраста. Хоть приглашали нас всех, но пришли лишь мы вчетвером, прямо из бани, и еще Сергеич с Большим и Шмелем. Остальные отказались под теми или иными предложениями.

Как потом мы узнали, на самом деле ожидалась посиделка у хозяйки дома, где квартировала Маша с сестрами, и дамы предпочли уйти туда, своей компанией.

К накрытию стола здесь отнеслись серьезно. Доминировал самогон, сопровождаемый всевозможными морсами, было много солений, овощей, а главным блюдом ожидался свиной шашлык, который уже вовсю жарили на дворе. И запах оттуда шел божественный, такой, какой и приличествует шашлыку из свиной лопатки. Пьянка предстояла серьезная. В ожидании приглашения к столу люди курили на крыльце, болтали друг с другом, стоя вокруг стола. Наконец Трофимыч вошел в зал совещаний и громогласно объявил:

– Гости дорогие, прошу всех к столу.

Гости дорогие оживились, загомонили громче и одобрительней, предчувствуя хорошее застолье, начали рассаживаться, громяхая разномастными стульями. Я оказался сидящим рядом с Гнездиловым и незнакомым майором из ракетчиков, одетым в камуфляж «камыш». За столом возникла суeta, все наливали, раскладывали еду по тарелкам, и затем, когда суeta закончилась, Трофимыч встал, сжимая в руке граненый лафитничек, огляделся, спросил: «Всем налили?» – после чего произнес речь, которую можно считать исторической. Оратором

он был, честно говоря, не великим, кряхтел и запинаясь, мямлил и терял мысль, но и его талантов хватило для того, чтобы все слушали внимательно.

Речь была о том, что едва успело все развалиться вокруг, как в их районе начали собирать разваленное. Как договорились они создать, считай, новое государство. Пусть в упрощенной форме, пусть пока в форме скорее общества взаимопомощи, но и это уже что-то. Договорились они о создании совета из руководителей хозяйств и командования частей, договорились о том, как будут осуществляться поставки продуктов и оборона территории районов. То есть как будет происходить оборот товаров и услуг в этой новой общественной формации.

Вообще если послушать, то выглядело все весьма продуманно и толково. Даже демографические проблемы военных не были забыты, численный дисбаланс в сторону мужчин у них даже сейчас, после эвакуации семей в расположения частей, сохранялся, а в окрестных селах девицы были. Там скорее наоборот, как принято у нас на Руси, мужиков не хватало, по их склонности либо к переселению в другие места, либо к употреблению горячительного вплоть до летального исхода или насильственного переезда в места не столь отдаленные, вроде той же Камышовской зоны.

Подумали и о будущем вроде как, за что им отдельное уважение. О том, что надо снова открывать школы, но школы теперь могут быть лишь интернатами, по дорогам теперь детей не накатаешь – и опасно, и топливо экономить надо. Поэтому под школу и интернат ракетчики выделяли здания на своей территории, благо такой охраны, как у них, не найти было нигде. Важна была и подготовка сельского ополчения, хотя бы по основам военного дела. Шляется же по окрестностям еще четыре десятка уголовников, не попавших под раздачу из «Градов». Не забыли даже о том, чему будут учить детей постарше, какие навыки могут быть востребованы в будущем.

Думали и о следующем зимнем сезоне. Те же ракетчики уже начали оборудовать печи в домах, разводя дымоходы по этажам, и взялись за дополнительное утепление стен. Упомянулось и деревянное строительство, как более экономичное. К тому же любой жилой фонд подвержен износу, и как чинить своими силами те же блочные корпуса, никто понятия не имел. А деревянный дом если и не долговечней, так заменить в нем подгнившее бревно или подровнять фундамент особого труда не составляет.

Не забыли и о нас, к моему огромному удивлению. Если честно, я думал, что при такой масштабности местных свершений им уже и не до нас будет, так нет. Уже потом, когда Трофимыч свою речь закончил, он в завершение высказал нашему отряду отдельное «спасибо». Сказал, что если бы не мы, то они так быстро бы ни в жизнь не зачесались. После чего, порадовав, сказал, что с завтрашнего утра Василий к нам в отряд уходит. Правда, не забыв намеком напомнить о том, что о двух тысячах патронов и четырех автоматах с рожками он не забыл. И о Васькином автомате заодно. Но теперь-то нам было все равно, благодаря тому что артель с нами трофеями поделилась. Не зажал Гнездилов.

Гуляли до утра, перешли даже к хоровому пению под баян. Было что отметить.

Сергей Крамцов

11 мая, среда, утро

Мы выехали из Старогорки с рассветом. Машину вел по-прежнему Шмель, а за спиной у меня устроился Васька-Кэмел, уже в нашей отрядной форме, броники и шлеме. Брат-близнец со мной просто. Тот автомат, каким он пользовался в деревне, Кэмел оставил Трофимычу, а сам же баюкал в руках АКМ из наших запасов, отдав предпочтение большому калибру, да еще прицепив к нему подствольник.

Пришлось переместиться Лехе, он ушел командовать замыкающим «уазиком», а Маша перебралась из нее на оставшееся свободное кресло в «буханку» – машины у нас теперь были четырехместные. Можно и больше народу загрузить, не вопрос, но всем лишним придется сидеть или на полу, или на железных ящиках, далеко не уедешь.

Вчерашний день прошел немного смутно, в силу значительной алкогольной абстиненции, пришлось даже чуть «подлечиться» в обед, а то здоровье совсем не выдерживало, гуляли всерьез. За обедом я пообщался с капитаном Иваницким, тем самым командиром разведгруппы, с которым мы уже были знакомы. На самом деле он был еще и начальником разведки артполка, и лучше него обстановку в районе не знал никто.

– Если есть возможность не выезжать на трассу, то лучше и не выезжай, – просвещал он меня. – Кто по ней сейчас катается – непонятно, но частенько попадаются расстрелянные машины и трупы. Возможно, банда с Камышовской зоны здесь не одна, есть кто-то еще. Тех же дезертиров в стране хватает, не думаю, что все они добрались до дома, кто-то и на большую дорогу пошел. За полтора месяца многое успело случиться.

– А что в райцентре? – уточнил я.

– Сам райцентр – мертвое место. – Он даже его на карте ладонью накрыл. – Кроме мертвяков, там никого нет, но на окраине две точки обитаемы и держатся. Стеклозавод, там сборная команда засела, ОМОН, СОБР, часть ментов, военкоматчики, и из кадрированного мотострелкового полка кто-то там был. В полку оружия и техники хватало, вооружились сами и рабочих завода и просто добровольцев вооружили. Они же держат и расположение самого полка. Вторая команда – в бывшей пересыльной тюрьме, но эти какие-то мутные.

– Контингент? – уточнил я.

– Нет, как раз наоборот, контингент они как бы даже в расход не пустили повально. Там из конвойщиков публика, персонал тюрьмы, тоже менты и еще какие-то «взвэшники» залетные, чуть ли не в командировке здесь были. Пересылка в бывшем монастыре, настоящая крепость. Чего хотят и что будут делать – непонятно, но ведут себя... скажем так, недружелюбно, хоть пока в агрессивности и не замечены. Типа мы к вам не лезем, и вы отсюда на хрен. Странно немного, но сейчас все странно.

Иваницкий расстелил перед собой карту и потыкал в нее пальцем:

– Теперь еще интересное. По дороге до областного центра есть еще место, тоже бывший монастырь, его отреставрировали недавно за счет патриархии, он должен был и быть монастырем, но там какие-то странные люди появились. Обвешались табличками «Прохода нет», оружия у них прорва. Похоже, что они арсенал ГРАУ²⁴ под себя подгрести, есть у нас такой в области. Вооружены до зубов, но у всех АКМ, РПК и подобное, старых образцов, почему и думаем, что они до тех складов добрались.

Я пожал плечами:

– Ну по мне, АКМ так и поглавней «семьдесят четвертого» будет.

²⁴ Главное ракетно-артиллерийское управление (Министерства обороны).

При этом я похлопал по цевью своего переделанного акаэма, который как раз висел у меня на плече.

– Тоже так думаю, – согласно кивнул Иваницкий. – И еще: у них там минометы, прямо на территории монастыря, и есть люди, которые умеют из них стрелять. Сам наблюдал, как они в стайку собак мину положили, по реперу. Если бы до драки дошло, нам они не конкуренты, но ничего толком о них плохого сказать еще не можем. Недружелюбные – и все тут. На мой взгляд, там сектанты какие-то.

– Но не военные и не менты? – удивился я.

– Нет, в том-то и дело. Похоже, что из них просто служили многие, помнят, как с оружием обращаться. И организовал их кто-то, а так – патлы, черная кожа, татуировки... неформалы непонятные.

– А чего хотят?

– Не знаю, – покачал он головой. – К нам не лезли, в окрестностях не хулиганили пока, так что и мы к ним не совались, других дел хватает.

Я пометил монастырь на своей карте как «враждебный объект», который следовало обходить по большому кругу.

– А дальше?

– Областной центр тоже мертвяками забит, на окраине пара территорий окопалась, но непохоже, что будут держаться долго. Скорее отойдут подальше от города. А вот возле города на территории сортировочной станции укрепились сборная команда. Железнодорожные войска, военкоматчики, тоже городские менты, еще кто-то. Но кто из них там масть держит – непонятно, может оказаться, что это еще одна банда, а может, и наоборот, нормальные люди. Мой совет – туда не лезть, пока информации о них никакой.

Иваницкий закурил, увидел, как я поморщился от дыма, и разогнал его ладонью.

– Дальше, по твоему маршруту, до самого ГУЦа, Гороховецкого центра, ничего еще не устаканилось. Трасса очень опасна, с проселков вообще не уходи. На территории центра есть военные, много, мы даже связь с ними имеем. Но это командир тебе уже сказал. Так?

– Сказал. Я в курсе. Нас там будут ждать, – подтвердил я.

– Их много, значит, неплохо укрепились, под единым командованием, от самого Нижнего части подошли, там на подступах к городу много военных было, как раз по московской трассе. – Он провел карандашом по изображению дороги на карте. – Seriously засели, очень. Всего у них навалом, оружия, техники, и людей даже хватает в отличие от нас. А вот что за ГУЦем делается – не знаю. Сведения идут из третьих рук и непроверенные. Одно могу сказать: что Нижний должен быть забит зомби. До краев, не хуже твоей Москвы.

Тоже мне откровение... А как же еще может быть-то?

– Естественно, – высказался я по поводу зомби. – Ладно, спасибо и на этом, у меня-то вообще сведений было ноль-ноль да хрен повдоль.

Весь этот разговор вспоминался, в то время как мы, не торопясь, экономя топливо и ресурс, так сказать, ехали по лесным дорогам, тем самым, о которых рассказал Трофимыч и которые хорошо знал Васька. Недаром у всех, кто давал советы по дальнейшему маршруту, главным советом был один – держаться подальше от главных дорог. Это и неудивительно: до тех пор пока не образуется новая карта страны, дороги будут опасней, чем в Гражданскую войну. Поди догадайся, что за сектанты засели в монастыре? Кто устроился в той же пересыльной тюрьме? А кто просто катит по дорогам, подыскивая местечко получше?

Погода была уже просто летняя. Если ночи еще можно было с натяжкой счесть прохладными, то днем жара уже вполне июньская. Броник с «горкой» стало довольно жарким сочетанием, но снимать защиту я запретил в приказном порядке, хоть девушки время от времени норовили это сделать. Я даже на масках настаивал, и вовсе не из-за стремления сохранить инкогнито, а просто стараясь скрыть от случайного зрителя тот факт, что у нас половина лич-

ного состава – женщины. Да и слово «женщины» к ним может относиться только так... ну к Маше еще нормально, все мать двоих детей, а остальных проще «девчонками» именовать. В общем, у иного недоброжелателя могут лишние мысли появиться, а нам такого не надо. А в мешковатой «горке», броники и подвесной, в шлеме, маске и очках очень трудно понять, кто там в машине сидит.

Теплая солнечная погода просушила песчаные лесные дороги, и машины шли по ним легко, покачиваясь на неровностях и постукивая покрывками по выступающим корням. Навстречу нам не попался пока еще ни один человек и ни один мертвяк, ни даже зверь какой. Последние, если здесь и были, разбежались от шума моторов, а людям и их производной – мертвякам было нечего делать в лесной глухомани. В общем, как и рассчитывали, ехали спокойно, неторопливо, наслаждаясь теплом и лесным духом.

Хотя кое-какие беспокойства присутствовали и малость даже томили. По координатам мы сейчас приближались к тому самому монастырю, о каком рассказывал Иваницкий. Получалось, что мы объедем его проселками километров за пять, но... пять километров совсем недалеко, и если тот, кто в монастыре устроился, намерен остаться там навсегда, то дороги вокруг вполне могут патрулироваться. Лично я бы патрулирование организовал, и как раз в зоне уверенного приема связи, то есть на пяти километрах.

Поэтому после поворота, когда дорога неуклонно начала приближаться к проблемному району, я дал команду замыкающей машине выйти вперед, подтянувшись к нам. Нападения с тыла мы не опасались, успели убедиться в безжизненности пересеченного нами лесного массива, а второму «уазику», возможно, придется прикрыть нашу головную машину в случае возникновения проблем. Да и Леха мне снова понадобился с Машей.

– Леха, Вась, Маша, разведаем дорогу, – сказал я в рацию. – Сергеич, Большой, машины не покидать, но отсекать противника быть готовыми.

Васька удивился:

– А чего вдруг разведка? Тихо все вроде.

– Не знаю, не верится мне в тишину как-то, – сказал я. – До вот этого поворота дойдем, если там никого, то дальше двинем на машине.

Я потыкал пальцем в точку на карте, где наш проселок приближался к монастырю ближе всего. Там он раздваивался, дорога уходила непосредственно на монастырь, а второй ее рукав возвращался в глубь леса, к следующей вырубке. Идеальное место для блока, засады, НП, чего угодно, мимо этого перекрестка не проскочишь. Лес большой, да дорог в нем мало, а в данный момент так всего одна.

– Ладно, давай поглядим, – согласился Василий.

Подкатали остальные машины, встали рядом.

– Маша, давай со снайперкой к нам, будешь прикрывать – тут по карте скоро лес должен кончиться. С Лехой в паре пойдете. Мы с Кэмелом вперед, в случае, если на развилке кто-то есть, выводим вас на позицию.

– Поняла, – кивнула наша рыжая снайперша.

Мы с Васькой закинули по «Мухе» за спину, в качестве крайнего средства, на случай, если сразу моторизованного врага встретим. Сошли с дороги в кустарник вокруг, встали уступом, страхуя друг друга, и пошли, стараясь не шуметь и не выходить на открытое пространство. Пройдя метров пятьсот, услышали пистолетный выстрел. Затем еще один и еще. И – голоса. Это не перестрелка, больше похоже, что кто-то по мишени стреляет.

– Есть радиообмен, – доложила Ксения, дежурившая по связи.

– Что говорят?

– Радиоперекличка. Пост номер три доложил базе, что у них все тихо.

– Понял.

Не зря пошли пешими, у развилки точно кто-то есть. Опасливо сошли чуть глубже в лес, двинулись вперед, страхуя друг друга, «гусеницей», хоронясь за кустами и стволами, не выходя из тени. И вскоре увидели в просвете деревьев людей, четко слышали голоса.

Укрылись, присели за стволом завалившегося дерева, обросшим по кругу кустарником. Я глянул в бинокль, убедившись предварительно, что бликов не будет. Пространство перед нами прыжком приблизилось к глазам, ветки близлежащего кустарника расплылись.

Метрах в пятидесяти от нас лес заканчивался, дальше начиналось поле. Оттуда к лесу шел проселок, смыкавшийся с нашей дорогой, которая в этом месте огибала чуть выходящий в поле лесной «язык». На самом перекрестке стояли две машины. Армейский «Урал» и старенький, но вполне боевого вида «бардак», то есть БРДМ-2, разведывательная машина, вооруженная точно так же, как и бэтээр. Что, в свою очередь, означало наличие могучего пулемета КПВТ калибром четырнадцать с половиной миллиметров, пули которого могут прошибать стволы деревьев навывлет пачками. Особенно тот ствол, за которым мы схоронились.

Впрочем, когда я присмотрелся внимательней, то обнаружил, что «бардак» – не самое худшее. Рассмотреть самое худшее помешал брезент, которым было накрыто нечто в кузове «Урала». И это «нечто» здорово напоминало «зушку», то есть ЗУ-23, спаренную зенитную установку калибром двадцать три миллиметра. Безнадёжно устаревшая как зенитное средство, она вместе с тем была чертовски эффективна как средство ведения огня по наземным мало-подвижным или удаленным целям. Дальность эффективного огня ограничена лишь кривизной земной поверхности. Сейчас за «зушкой» никого нет, да и «бардак» без экипажа, похоже. Все дышат воздухом и вообще расслабляются на природе.

Возле этих двух машин собралось около десятка человек, пожалуй, больше даже. Одеты разномастно, однако с преобладанием камуфляжа и черного цвета. Стоят здесь, судя по всему, давно, никуда не собираются, скорее даже не стоят, а сидят на травке, расстелив большой брезент, прямо как на пикнике. И попутно развлекают себя стрельбой из пистолетов по висящему на дереве зомби. Таких там двое висит, у одного голова прострелена, а вот второй дергается. Сказать точно, повесили ли это кого-то, а потом они обратились, или наоборот, уже невозможно.

Повнимательней присмотревшись к машинам, заметил нечто очень интересное. На дверях грузовика и на борту «бардака» свежей краской по трафарету выведена пятиконечная звезда из пересекающихся линий, заключенная в круг. Пентаграмма.

Интересно. Да и сами люди рядом с машинами одеты... скажем так, с уклоном в постапокалиптическую киношную стилистику, с начетом сатанизма. «Косухи», проклепанные браслеты, лысые головы, волосатые головы, даже ошейники... полный набор, короче.

Все довольно молодые, кроме дядечки в толстых очках, смахивающего на маньяка Чикатило. Но главный не он, судя по всему, за главную там девица. Даже женщина, чуть за тридцать. Камуфляжные штаны натовской расцветки, берцы, убитая «косуха» сверху с такой же, как и на машинах, звездой на спине. Майки нет, только черный кружевной лифчик, на плоском, не по-женски мускулистом животе длинный ножевой шрам. Еще шрам на узком сухом лице, не лишенном, впрочем, некой приятности черт. Волосы крашены в черный цвет, с белыми прядями, за спиной, стволом вниз, висит на ремне автомат.

Впрочем, там у всех автоматы, лишь у одного крупного парня в городском сером камуфляже и черной бандане – РПК. Оружие явно из НЗ, такое же, какое военные на заправке возле Солнечногорска раздавали – ни разу не стрелянное, без царапинки. «Зушка» тоже выглядит совсем новой, да и «бардак» аж блестит. Точно, это с каких-то складов длительного хранения, сумели как-то добраться, обормоты. Как умудрились – кстати, по внешнему виду ни за что не скажешь, что их на пушечный выстрел к таким местам кто-то подпустить может.

Теперь вопрос: что делать? Напасть можно, можем даже из двух «Мух» их технику сейчас рвануть, не промахнемся. Зато вяжемся в бой, их там десятка полтора, чем закончится?

Неизвестно. Дистанция боя в лесу маленькая, со снайперской дистанции атаковать не получится, как давеча на мосту. Как говорится, нонеча – это вам не давеча.

А все это означает, что даже без техники преимущество будет у противника. И будут у нас тогда потери, а потерь нам хочется избегать. Что еще мы имеем с гуся? Имеем то, что мимо них мы никак не проедем, дорога одна. И самое главное – у нас нет доказательств их агрессивности, сатанинские символы ни о чем не говорят, если уж быть до конца честным. Может, у них страсть к эпатажной символике.

– Маша, Леха, занимайте позиции, страховать будете, – скомандовал я.

– Принял, – сказал Леха. Маша просто кивнула.

– Идите слева от дороги, далеко не отходите. Там разберетесь, где сесть, цели тоже увидите. Просто страхуйте.

В любом случае снайперов мы разместить сможем. Хоть и не идеальная позиция, но левее нас метрах в ста пятидесяти от потенциального противника сядут. Они ушли, а мы ждали, продолжая наблюдать. В общем-то там ничего не происходило, даже по трепыхающемуся зомби стрелять перестали. Сидят, курят, болтают лениво, по сторонам почти не смотрят.

Снайперы доложились. Я достал из сумки «монку», заложил ее в грузовой подсумок для всякого всего и подвесил его себе на грудь. Ввернул электродетонатор, провода от него запихал себе под парку. Совсем другой кусок провода подсоединил к подрывной машинке, пропустив их через рукав, машинку взял в руку. Нажал на кнопку, хрустнувшую в руке. Сердце непроизвольно замерло, хотя от такого обращения с неподсоединенной машинкой ничего случиться, естественно, не могло. Но если со стороны смотреть, то чисто шахид палестинский. Кэмел глянул на меня, затем вытащил из рюкзака вторую «монку» и повторил всю процедуру. Подмигнул мне. Теперь можно и договариваться.

– Как наблюдаете? – спросил я снайперов.

– Терпимо, – послышался голос Лехи в наушнике. – Но если война пойдет, то они нас отсюда в момент сшибут, даже из автоматов.

– Это понятно. Попытаемся без войны, – вздохнул я. – Пошли, друг Вася, пообщаемся с людьми.

Мы быстро переместились к дороге, откинули очки и маски, отошли друг от друга на несколько шагов, чтобы под одну очередь не попасть, и неторопливо направились в сторону стоящих на опушке машин. По мере приближения мы почувствовали запах паленой тряпки. То, что курили там траву, видно было и в бинокль, а теперь убедились окончательно. Как бы они не перекурили, чтобы нам все же за пределы человеческой логики во время общения не выбиваться.

Нас заметили не сразу, все были увлечены разговором, да и серо-зеленые «горки» сливались с окружающим пейзажем.

Когда мы подошли метров уже на тридцать, я помахал рукой, и уже это движение привлекло внимание. Компания на дороге замолчала и раздалась в стороны, образуя полукруг. Двое отбежали к «зушке», но подниматься в кузов грузовика не стали. Вперед выступила девица в лифчике, а с ней «Чикатило», вставший чуть сзади и левее ее. Комиссар, что ли?

– Мир вам, – поприветствовал я девицу.

Автомат миролюбиво висел у меня за плечом, стволом вниз, руки сложены на груди, зажатая подрывная машинка в глаза не бросается. Кэмел встал правее и сзади, оружие в таком же положении.

– И вам мир, – ответила девица.

Голос хриплый, но приятный. Глаза спокойные, скорее даже безмятежные. Такие у людей под сильным кайфом бывают, прямо в астрал поглядывают. «Чикатило» смотрит в упор, глаза неправдоподобно увеличены за очень толстыми, как дно пивной кружки, стеклами очков. Как он-то сюда затесался? Остальные девицы соответствуют, но этот...

– Вы откуда взялись и что хотите? – так же безмятежно спросила девица.

– Мы мимо едем, – улыбнулся я.

– И что?

– Зашли поздороваться, убедиться, что дальше проедем.

Взгляд стал еще безмятежней.

– Много вас, проезжих?

– Три машины.

Для убедительности я показал три пальца на левой руке.

– У них одна была. – Она показала в сторону висящих тел, одно из которых дергалось.

– И что?

– Отдавать не хотели. Пойдем, покажу тебе кое-что.

Она вдруг решительно протянула вперед руку с длинными, покрашенными черным лаком ногтями, пытаясь схватить меня за рукав. Я чуть отодвинулся, сказав:

– Смотреть смотри, руками не трогай.

– Ты поговори еще, – вдруг пробасил здоровый в городском камуфляже и с РПК.

Толпа чуть зашевелилась, но открытой агрессии не проявляла, даже с брезента не встал никто. Им скорее было скучно, но они не могли пока понять, кто мы и что мы.

– Ребята, чтобы мы сразу определили позиции. – Я показал правую ладонь. – Вот это немного переделанная подрывная машинка «пээм-четыре». Работает теперь не на нажатие, а на разжатие. Сейчас я удерживаю кнопку, как вы видите.

Я покрутил ладонью перед собой, давая возможность всем рассмотреть утопленную обрезиненную кнопку.

– А теперь ты, интеллигентный с виду красавец, очень осторожно приоткрой подсумок у меня на груди, – сказал я, обращаясь к «Чикатиле». – Только без суеты, не задень там ничего.

– Зачем? Мы уже поняли, что там взрывчатка, – сказал тот, чуть отступив назад, даже убрав маленькие суетливые ладошки за спину.

Точно, замполит какой-то, не зря я именно ему предложил. Им геройствовать по должности положено.

– Да ладно, загляни, не щемись, – ободрил я его.

– Загляни, – все так же безмятежно, но очень внушительно сказала девица в лифчике.

Ее приказ, судя по всему, обсуждению не подлежал. «Чикатило» остороженько придвинулся, двумя пальцами зацепил крышку подсумка, приоткрыл.

– Знаете, что это? Объяснять надо? – спросил я у окружающих.

– «Монка», – прогудел здоровый с пулеметом. – Зашибись, придумал. У друга твоего тоже?

– Ага, – ответил «друган» Васька.

– Класс. Всем трындец, если что.

Здоровый вполне откровенно восхитился нашей выдумкой. Остальные его поддержали, загомонив наперебой. Никакой обиды или расстройства они не проявляли.

– Все равно иди со мной, – упрямо сказала главная. – Пусть второй остальных пугает. Идем.

Я решил не спорить. Непохоже, что она надеется обезвредить «монку», отведя меня в сторону, скорее ее распирало от какой-то другой мысли, которую ей не терпелось высказать. Она пошла впереди, я следом, далеко отходить не пришлось. Мы обошли «Урал», и я увидел стоящую на коленях на земле девчонку лет пятнадцати, в джинсах и «косухе», прикованную наручниками к скобе откинутого борта за обе руки.

– Видал?

У девчонки был зареванный вид, под глазом наливался изрядный фингал. Но пленной она не выглядела, скорее по общему стилю явно соответствовала остальной компании. «Предательница»?

– Видал, – не понял смысла происходящего я. – И что?

– Я знаешь что с ней сделаю? – с неожиданным вызовом спросила главная.

– Что? – не въехал я в смысл вопроса.

– Сама пока не знаю. Она, блин... – Главная неожиданно пнула девчонку в обтянутый тесными джинсами зад. Пнула больно, рантом берца, та аж взвыла. – Молчи, тварь, взяла тебя с собой на свою голову.

– Ты за что ее?

– За дело! А что тебе? – с вызовом спросила главная.

Она уставилась на меня в упор, и по ее глазам я понял, что она удолбана до предела. Мысли у нее плывут, ни за что не цепляясь, сосредоточиться она ни на чем не может, и сейчас она сама забыла, зачем сюда меня привела. Если вообще думала об этом раньше. И я даже не уверен, что она помнит, кто я такой.

– Здорово, – заявил я, не зная даже, что имею в виду. – Пошли обратно?

На лице у нее отразилось недоумение.

– На фига?

– Договариваться надо.

– Да, точно. Договариваться. С Чикой договаривайся, я щас не могу, – замотала она головой так, что от вздыбившихся волос ветер пошел.

– С Чикой?

– Чика! – заорала главная. – Иди сюда! Быстро! Даже бегом можно!

Так и думал, не зря этот в очках на Чикатило похож. Он и прибежал, кстати, явно трезвый и не обкуренный. Поборник здорового образа жизни, так сказать. Или здоровье не позволяет? Большим спортсменом он не выйдет, так, сморчок гнутый.

– Договорись с ребятами. – Главная показала на меня и ушла за «Урал» к прикованной девчонке.

– О чем договариваться? – спросил Чика у меня уже, слегка растерявшись.

– О том, что расходимся спокойно, не мешая друг другу, – объяснил я ему.

– Так, конечно, давайте разойдемся, какие проблемы? – засуетился тот, поглядывая на подсумок с миной и «пээмку» в руке. – Зачем друг другу жизнь портить? Нам делить нечего, у вас свои дела, у нас свои. Но только надо, чтобы Хромая сама всем сказала, меня они не услышат.

– Хромая?

– Ну она вот. – Он кивнул в сторону «Урала», откуда доносились звуки оплеух. – Кличка у нее такая.

– Договоритесь, – пожал я плечами с показным спокойствием. – У нас выбора нет: или расходимся, или все накроемся, я серьезно. К тому же у нас еще два снайпера вас разглядывают. Нужны доказательства?

– Нет, нет, я верю, – замахал очкастый ручками. – Но сейчас бесполезно, пусть она от Мелкой отвлечется.

– А что там такое?

– Не знает никто, – развел он руками. – Они вообще вместе два дня курили, потом Хромая чего-то разозлилась и второй день Мелкую воспитывает. У них это бывает.

– А что Мелкая, не возражает?

– Поди возрази. Видите, висят? – Он показал на тела на дереве.

– Трудно не увидеть.

– Тоже возражали, – улыбнулся он, обнажив кривоватые желтые зубы. – Мы их остановили, перераспределили материальные блага в свою пользу, а они возражать стали. Второй день висят.

Упоминание об этом явно доставило Чике удовольствие. Правильно я его, урода, про считал. Затем он добавил:

– А если надо, то она и Мелкую рядом подвесит или что-то еще придумает. У нее фантазия лучше моей, надо отметить, что редко бывает. Но думаю, что обойдется. Просто подождем.

Интересно, это у всех маньяков такая же морда должна быть? Ну вылитый маньяк ростовский, как на фотографиях. Такой... ущемленный жизнью маленький, невзрачный обыватель. Шнырь в запотелых очках.

Я посмотрел, как дела у Кэмела. Он стоял, по-прежнему сжимая подрывную машинку, но компания просто не обращала на него внимания. Они уже спорили, собравшись в кучку прямо в зоне поражения, и лишь здоровый с пулеметом о чем-то рассказывал Ваське, активно жестикулируя.

– Простите за любопытство, а вы кто вообще? – спросил я у Чики.

– Преимущественно сатанисты. – Он даже поклонился при этих словах. – Но не все. Разные люди, по-разному собрались, из разных краев даже. У нас здесь нечто вроде... гм... слета было, когда все началось. Фестиваль, если угодно. Так и остались вместе. Нашлись люди, что подсказали полезные вещи. Удалось получить оружие, сумели защитить себя. А вы кем будете, простите за любопытство?

– Партизаны.

– Романтики? – поднял над очками бровки Чика. – Че Гевара и все такое? *Nasta la victoria siempre?*

Ты гля, какой просвещенный. Точно, за замполита здесь. Грузит бедных наркотов-сатанистов идеями, а под шумок свои проблемки сексуального порядка решает, маньячит помаленьку.

Звуки побоев стихли, снова появилась Хромая. Кстати, почему все же Хромая? Ходит нормально вроде как, даже бедрами покачивает. Подошла к нам, почесала шрам на плоском голом животе, спросила:

– Чего тут стоите?

Судя по взгляду, она точно забыла, кто я такой и зачем здесь.

– Алечка, надо как-то решить с молодыми людьми, – Чика показал на меня.

– Решить. Ага, решить, – энергично закивала она и вдруг спросила у меня: – Шмали хочешь?

– Нет, не хочу, – помотал я головой.

– Классная! – даже удивилась отказу Хромая, но совсем не обиделась. – Не местное говно, чешская гидропоника домашнего разведения. Пыхнешь – и летишь!

– Аля, давайте их пропустим, – тихо сказал Чика. – У них еще снайперы где-то сидят.

– Снайперы? – Она посмотрела на меня.

– Снайперы.

В ее голубых глазах отразилась напряженная работа мысли, видимо вызванная цепью абстрактных ассоциаций со словом «снайпер».

– Клево, блин. – Она вцепилась одной рукой мне в рукав, другой – в Чикин, а я уже и не вырывался. – Пошли со мной!

Она потащила нас с Чикой к остальной компании, которая теперь лениво развалилась на брезенте и занималась забиванием косяков. Над миром снова поплыл запах паленой тряпки.

– Отряд, мля! Смирно. Щас будет фокус! – скомандовала Хромая, но «смирно» никто не встал, хотя все же обернулись на нее, и кто-то даже заржал.

– Значит, так! У этих здесь еще снайпер. – Она ткнула прямо в мину пальцем. – Во что хочешь попадет. Попадет? – Она требовательно посмотрела на меня.

– Попадет. Леха, попадешь? – спросил я в микрофон.

– Цель обозначь, – слышался в наушнике ответ.

– Попадет, – сказал я Хромой.

– Гля, какая у него фигня! – захохотала она, показывая на гарнитуру рации. Потянулась было к микрофону, но резко отдернула руку, будто я собирался ее укусить. – Отлично. Чика, отойди от меня, блин, засношал рядом крутиться. Вот туда встань! – Она показала в сторону дерева с повешенными.

Я понял, что будет, а Чика – нет.

– Видишь Чику? – придвинулась ко мне Хромая, заглядывая в глаза. – Снайпер видит?

Чика разговор слышал, но выводов пока не делал. Не умеет он такие плохие для себя выводы делать. И уже не научится. Машу не буду просить, кстати, пусть все же Леха.

– Леха, видишь этого, в очках? – негромко спросил я в микрофон.

– Принял.

– Видит, – сказал я Хромой.

Она удовлетворенно кивнула, обернулась к сидящей на траве компании.

– Короче, все! Фокус. Давай скажи, чтобы Чику исполнил, – шепнула она мне, махнув рукой в сторону «замполита».

– Леха, вали очкастого, – пробормотал я в микрофон. – Только поэффектней.

Выстрел и попадание пули случились одновременно, расстояние было небольшое. Пуля ударила Чику в переносицу, разломив пополам очки, выбила облачко кровавых брызг из затылка. Он упал ничком, сначала грузно свалившись на колени, а потом со всего маху впечатавшись лицом в землю. Жизнь покинула его еще в тот момент, когда пуля с полостью в наконечнике разрушила лобные доли его извращенного мозга. Компания заорала, засвистела, заплодировала.

– Класс! Засношал на ухо гудеть и на мою Мелкую слюни пускать. Алечка, давайте то, давайте это... черт кошмарный, – довольно похоже передразнила Хромая Чику.

Я с пониманием кивнул, гадая, куда выскочит ее мысль, блуждающая в густом конопляном тумане. Хромая неожиданно приподняла крышку подсумка с миной, заглянула внутрь... и лизнула верх мины, далеко высунув розовый, как у кошки, язык с золотой штуковиной в середине.

– Лизнешь провода – может замкнуть. И рванет, – сказал я, решив этой легкой ложью пресечь дальнейшее ее сползание в полный отвяз и моральную махновщину.

– Класс... – протянула она, заглядывая мне в глаза. – Сильно?

– Всем хватит, даже машины ваши разнесет, – приврал я.

– Здорово, – кивнула она. – Лизнула – и рвануло. Ранняя эякуляция называется.

Затем задумалась, потом спросила:

– А Мелкую твой снайпер пристрелить сможет?

– А зачем?

– Не знаю. – Она слишком размашисто взмахнула рукой, так, что ее чуть не закрутило. – Классно же с Чикой получилось.

– Ну Мелкая не Чика ведь, – подсказал я ей. – Ее тебе потом жалко будет.

– Будет, даже очень, – согласилась Хромая, а затем вдруг доверительно сказала: – Я же ее люблю! Пусть будет. Ладно, счастливо вам, езжайте отсюда на хрен, раз с нами остаться не хотите. А мы вас и не звали.

Она ушла за грузовик к своей жертве, компания на траве окуталась дымовым облаком и болтала о чем-то, неся ахинею. Никакого интереса мы уже не вызывали, весь прикол, что с нас

можно было получить, они, по их мнению, получили. Мы прогнали колонну мимо них, сами погрузились в последний «уазик» и уехали, и нам никто не мешал.

– Звиздец, – сказал сидевший за рулем Шмель, емко обрисовав свои впечатления после того, как я рассказал о прошедших переговорах.

– Именно, – легко согласился я. – Неизлечимый. Не протянут долго.

– Не протянут, – подтвердил мою мысль Васька. – Вообще мозгов нет, разнесет их скоро кто-то. Это ведь даже не беспредел, это... придумай слово.

– Не могу. Театр абсурда. Нет пока такого слова.

Через километр нам попались еще три висящих на деревьях трупа и сгоревшая машина. Компания развлекалась, как могла. А их таких целый монастырь, насколько я понял. Знать бы раньше, можно было бы с артелью и насчет них договориться. Не думаю, что против батареи «Гвоздик», или что там у них, монастырь бы устоял.

Сергей Крамцов

12 мая, четверг, день

Еще день ехали без приключений, правда, очень медленно, осторожно, все время доразведывая пешком сомнительные места, но больше на неприятности не нарывались. Даже вообще ни на что и ни на кого не нарывались, в одиночестве катили. Обошли областной центр по большому кругу, проскочив разве что через несколько маленьких деревенок, выбрались к границе области, где сразу уперлись в территорию ГУЦ, учебного центра сухопутных войск Московского военного округа, огромной территории, куда выезжали на полевые целые дивизии, и даже не по очереди, а одновременно.

Естественно, вся территория ГУЦ контролировалась войсками, которых здесь оказалось очень даже немало. В эту сторону, когда Нижний Новгород начали заполнять мертвяки, переместилось много частей, как размещенных неподалеку от города, так и в самом городе. Перемещались с техникой, складами, до сих пор продолжая вывозить имущество конвоями из пунктов постоянной дислокации.

Нас там действительно ждали – все, как Пантелеев обещал. Частота радиоопознавания оказалась действующей, пароль с отзывом – тоже. Нас пропустили через сильно укрепленный КПП в мощном проволочном заборе и показали направление, куда ехать дальше и где остановиться.

Вояки окапывались всерьез и надолго, и было их много. Их всегда здесь было много, во всех этих окрестных поселках – Мулине, Золине, Инженерном. Были тут и мотострелки, и артиллеристы, и железнодорожники, и МЧС, и даже дисциплинарный батальон имелся.

В сущности, эти части, размещенные по южной стороне периметра огромного полигона, даже не меняли место своей постоянной дислокации, лишь делились клетками на отдельные «форты», которые должны были замкнуть в условное кольцо всю ту территорию, которую они уже полагали своей.

К одному из таких будущих опорных пунктов мы и подъехали. Здесь тоже строились, тоже из дерева, но не избы, а что-то вроде длинных барakov с несколькими отдельными входами, таунхаусы постапокалиптического будущего, так сказать. Работа кипела, работала техника, как военная, так и самая обычная строительная. Гражданских здесь тоже хватало, и мужчин, и женщин, прямо новый город закладывался.

Нас встретил какой-то прапорщик, усталый до невозможности, показал, где размещаться и куда потом идти к местному командованию представляться по случаю прибытия. Мы выгрузились из машин, потягиваясь и разминая ноги. Все же поездка не короткая, а машины не самые комфортные.

Размещали нас в учебном корпусе, совершенно однотипном с тем, которые были в «Плани». Две гражданские тетki в синих рабочих халатах выделили десяток раскладушек, новеньких, явно вывезенных с какого-то склада, постельное белье, солдатские одеяла. Сказали, что под нашу компанию отвели целый класс. Ладно, проживем пока табором, а дальше посмотрим. Все лучше, чем на улице ночевать.

Проследив и убедившись, что все устроились и у всех все есть, я пошел в штаб. Доложил у дежурного, но тот мою идею представляться командиру с повестки снял за неактуальностью, а сказал, что ждет меня начальник разведки. И объяснил, где его кабинет. Я пошел по первому этажу до самого конца, миновал стойку дежурного по связи и стальную дверь в «спецсвязь», затем уперся в еще одну дверь с картонной самодельной табличкой «майор Копылов». Лаконично так, емко.

Майор Копылов был среднего роста, шириной плеч равен собственному росту, а толщиной пальцев сразу вызывал мысли о том, что на мобильных телефонах клавиши можно делать

и побольше. Он показал мне на стул напротив, вежливо спросил, как доехали, подразумевая, что надо бы доложить подробности.

Подробности я изложил, похоже, что ничего нового для него в них не было, разве что когда я рассказал о сатанистах-наркоманах из монастыря, Копылов что-то пометил в большом блокноте с отрывными листами. Затем он спросил, что мы думаем делать дальше?

– У нас груз...

– Я знаю, – перебил он меня. – Меня предупредили из «Пламени». Просто на этом самом месте цивилизация, считай, заканчивается.

– А в Нижнем что? – предчувствуя плохие новости, спросил я. – Мертвячье царство?

– Если бы, – поморщился он. – Не только. Вообще город забит мертвяками. Канавинский мост взорван, какие-то кретины пытались так остановить мертвяков. У автотроллейбуса стрельба который день. На Бор теперь только паромом, но и там тоже драка. Кто с кем и кто чем владеет, понять невозможно. Волжский мост вроде бы цел, но...

– А кто с кем воюет? – удивился я. – В смысле люди друг с другом сцепились?

– Похоже на то, нормальных и точных сведений оттуда не имеем, – подтвердил Копылов.

– И как же нам на противоположную?

– Вертолетом можем закинуть, но тебе же с транспортом, верно? – спросил он.

– Верно, – подтвердил я. – Нам без машин дальше делать нечего, вечность добираться будем. Да и потом, мало ли как все повернется? Над самой «Шешнашкой» не летали?

– Самолет летал, сразу, как ваши на связь вышли, – ответил он. – Послали борт. Сесть там негде, полоса на аэродроме перегорожена через каждые пять метров. Какие-то люди крутятся снизу, но кто и что – черт их разберет. Броня видна, суета, вроде бы перестрелки местами. По самолету из «зушки» долбанули, правда, криво совсем, зенитчик бестолковый, даже упреждение не прикинул.

– А вертолету поближе к месту дальности не хватает? – спросил я, точно зная ответ заранее.

– Нет. Даже с подвесными. – И, помолчав, добавил: – И гарантировать эвакуацию не сможем, связи нет. Там глушат все к чертовой матери. Плотно так глушат, умеючи. В общем, сам понимаешь, наугад людей не пошлем. И вертолетов у нас не много.

– Поня-а-атно... – протянул я. – В любом случае нам бы туда с машинами лучше. Прижмут – сможем в другом направлении дернуть, на Вятку, например. А если будем на эвакуацию воздухом рассчитывать, то всякое может случиться. А выше по течению что? У ГЭС?

– Тоже стрельба. По слухам, кто-то там плотину со шлюзами занял и никого к ней не подпускает. И уже цены за электричество объявил и проход через шлюзы.

– Так все же кто с кем воюет?

– Не знаем, – усмехнулся он. – И не смотри, что я начальник разведки, потому что мы ей не занимались. Нам, если по-честному, со всей этой передислокацией, не до города, не претендуем, так сказать. У нас последний опорный пункт на Пятьдесят третьем арсенале Минобороны стоит, остатки имущества, что не вывезли и людям не раздали, охраняет. Раньше на заводе Свердлова были люди, который тротил делает с гексогеном, но все, что там было, – вывезли. А ближе к Нижнему мы и не подходим. Не до них, не до них, – дважды повторил он.

Тоже проблема. И мостов вроде полно, а толку... А Волга здесь уже во всей своей красе разлилась, широко, как форсировать – пес ее знает, я ума не приложу. Баржой какой-нибудь десантной если бы... Ладно, мечты и сны, мечты и сны.

– Я бы вот что сделал... – осторожно начал я. – Сгонял бы в город на разведку для начала, аккуратненько. А вы бы мне дали кого-то в помощь, кто город знает. Наверняка ведь таких много.

– Хватает, – кивнул Копылов. – А смысл?

– Смысл в разведке, – немного удивился я вопросу. – Мы попытаемся узнать, как нам в перспективе через город проскочить, ну и ваш человек посмотрит, что там к чему. Может, и интерес какой появится.

– Тогда одно обещай: даже если путь есть, человека обратно доставишь.

– Шутите? – даже чуть возмутился я. – Да и не поедем мы в рейд всем гамузом, половина людей здесь останется. Кстати, а чего вы городом пренебречь решили?

– Да сказал же: некогда было просто, – пожал он плечами.

– Ну и зря, – сказал я безапелляционно. – Пока вы тут вошкаетесь, там кто-то имущество делит. И окажетесь вы сбоку припеку.

– А чего там сейчас делить? – пожал он плечами. – Там мертвецов миллион. А пока попытаться понять надо, какая промышленность работать будет.

Я хмыкнул, затем высказался, изобразив удивление:

– А чего понимать-то? Там автозавод, судостроительных аж два, авиазавод, прочее. Минометы делают – мало, что ли? Они и будут работать. И Волга, середина течения, так сказать. Если в будущем и будет торговля, то Нижний столицей мира станет.

– А ты через него проехай для начала, каждый грузовик с товаром надо будет танком сопровождать. Мертвяков давить и от бандитов отбиваться, – поморщился он и налил себе воды из стеклянного графина.

Где и взял такой? Я подобные разве что в детстве видел, сужающиеся кверху, граненые. Такие на трибуны для ораторов ставили. За спиной портрет, впереди – графин.

– А сушей-то зачем? – удивился я. – Волга же! Чем тут самим чего-то выращивать, где ни черта не растет, лучше с Нижним Поволжьем договариваться. Там хлеб, там нефть, там тоже промышленность. Это, блин, двадцатый век всех испортил, привыкли все дорогами возить. А в девятнадцатом половина товара шла по рекам и перепродавалась в Нижнем. Волгой вниз тот же лес пойдет, там же степь, ни прутика не растет. А если по направлению к Горькому-16 злодеев оттеснить, то можно тем же лесом торговать. Почему ярмарка-то в Нижнем была? Потому что Нижний в центре Вселенной. Оттуда рекой до любой точки почти что рукой подать.

Майор после моей речи задумался. Вообще странно, что никто об этом не думает. Запущенность какая-то в образе мыслей. Тоннельное зрение. А вот теперь майор подумал-подумал и сказал:

– Знаешь, это не со мной говорить надо. Это с командованием. Тем более мы и так начали что-то налаживать на Гороховецком судостроительном. Так хозяева с него уже станки распродавать начали, убили производство. Но я тебе вот что скажу: раз уж берешься разведать город, то я, в рамках своих собственных полномочий, помогу чем смогу.

– Я же город плохо знаю, только по картам, – повел я разговор в конструктивное русло. – Был когда-то, но давно и недолго.

Майор прервал меня:

– Сказал же, что одного человека дам. Одного, не больше. Надо мной командиры есть, от них пока приказы совсем другие. Поэтому и свою разведку туда послать не могу. Но одного человека дам, дам... – повторил он, как будто сам себя убеждая, что дать человека нам стоит. – И он же тебя свяжью с нашим опорным пунктом обеспечит, что на арсенале пристроился.

– Это далеко от города?

– Нет, за ним, считай, город, – ответил он.

– Спасибо, – сказал я, поднимаясь со стула. – Я тогда пойду, своим объявлю об изменении планов.

– Давай. Вас в учебном корпусе пока устроили?

– Так точно.

– Тогда мой человек тебя там найдет. Старший лейтенант Белявский, светлый такой, он сам из Нижнего, родился там, так что город знает отлично. Все вопросы теперь к нему. Да, и по кормежке – вас на довольствие поставили, так что можете в столовую топать.

На этом мы с начальником разведки расстались, а я пошел к своим, оглядываясь по сторонам. Картина, что я видел вокруг, очень напоминала «Пламя», разве что здесь было многолюдней, суетливей и шумней. А так все один в один.

Напрягала полная непонятность происходящего впереди. Я прекрасно понимаю позицию местного командования, бывают ситуации, когда «не до того». Не влияет пока обстановка в городе ни на обустройство на новом месте, ни на вывоз имущества, ни на деревянное строительство. Хлопот и без того должно хватать. Но кое-что интересное из разговора я выловил. Если Москва погибла полностью и теперь там разве что мародеры изредка мелькают и кто-то держит отдельные опорные пункты, вроде как ОМОН на Маяковке или фээсбэшники на Мичуринском, то в Нижнем люди есть. Причем в достаточном количестве для того, чтобы еще и воевать друг с другом. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: такая война возможна только при наличии безопасных баз в городе. А значит, люди там закрепились, не дали мертвякам их выдавить.

Пока меня не было, народ из класса никуда не расходился, занимались кто чем. Кто оружие чистил без особой надобности, кто с книжечкой на кровати лежал. Когда вошел, все, естественно, на меня уставились.

– Пять человек на двух машинах двинут в Нижний, – объявил я с ходу. – На разведку маршрута.

– А почему пять? – вскинулась первой Вика. – Чтобы нас не брать?

– Потому что с нами еще один офицер будет, для связи и проводником. Объявляю состав: Шмель и Леха за баранкой... Лех, понял? Сергеич на пулемете, Большой – пулемет и «один-пять-девять», я за главного, прошу уважать. Все. Вопросы?

– А я? – спросил Пашка.

– Ты тут над женским полом главный.

– Ни фиги себе? – возмутилась Татьяна. – Я ему такого главного устрою...

– Тогда ты главная, – легко согласился я. – Выходите биться по очереди за звание главного. Думаю, что Васька победит, он тоже не едет.

– Иди ты...

Но на этот раз все легче прошло, без скандала. Спасибо, хоть Маша, самая взрослая из всех, права не качает.

– А может, я на связь? – вдруг спросила Аня.

Тьфу ты, сглазил, наверное. «Без скандала», блин...

– Ань, нам еще и пулеметчик нужен, а ты у нас за смежника не получишься, – ответил я настолько мягко, насколько сумел. – Я же сказал, что даже Василий не едет, хотя боец хоть куда, опытный.

– А... ну да, – согласилась она. – А нам что делать?

– Отдыхайте. И с местным узлом связи общайтесь, вся информация от нас через них пойдет.

– Надолго? – спросила Вика.

– День, наверное, – подумав, ответил я. – Но если там действительно есть действующие людские анклавы, как разведка местная докладывает, то можем и задержаться.

– Зачем?

– Ну мало ли? – пожал я плечами. – Я так, на всякий случай.

– И когда выезжать собираетесь? – поинтересовалась Маша, задумчиво сматывавшая мохнатую ленту с «мосинки».

– Не знаю, – честно ответил я. – Как местный представитель нас найдет, так и решим.

– Этот? – Она кивнула на открывшуюся дверь класса.

Я обернулся. Вошел среднего роста старлей, блондинистый до белобрысости, с красным от загара лицом, в балахонистом КЗМ²⁵ поверх какого-то зеленого свитера, в расстегнутой разгрузке и с АКМС на плече стволом вниз.

– Здравия желаю всей честной компании, – объявил он. – Я Белявский из разведроты, представляюсь по случаю знакомства. Давайте, чтобы времени не терять, кто на выход, пошли со мной.

Правильный такой подход, конструктивный. Я встал, подошел, протянул руку:

– Крамцов. Я тут за командира вроде как.

Он пожал мою ладонь и заодно хлопнул по плечу:

– Пошли, посоветуемся.

Все, кто должен был идти в разведку, встали и пошли следом до очередного учебного корпуса, какие после «Пламени» стали привычны до полной невозможности. Классы соседних корпусов принимали жильцов, а в этом заседали всевозможные отделы неожиданно расширившегося хозяйства.

– Мужики, чай будет кто? – спросил Белявский, едва мы вошли в класс.

– Все будут, – решительно ответил Леха. – Кружек-то хватит?

– Хватит, там целый ящик их под столом, в коробках, – показал рукой Белявский. – Смародерили при эвакуации. Только их сполоснуть надо, пыльные, прямо из магазина, со склада.

Действительно, под столом нашлась большая картонная коробка, в которой были коробки поменьше, в которых, в свою очередь, было упаковано по четыре чайных чашки с блюдцами. И через десять минут все сидели вокруг стола с чашками дымящегося чая, а на столе Белявский раскладывал карты.

– О выдвижении к городу, кратенько. Пойдет колонна за имуществом на Сорок третий арсенал, присоединяемся к ней. – Кончик его авторучки уткнулся в точку возле Володарска. – Проблем не будет, ее броня сопровождает. Там дозаправимся, специально наливники стоят, а вот весь боекомплект везем с собой. В общем, с этим все ясно. А вот по движению через город – не ясно ни хрена. Вообще.

Он развернул подробную генштабовскую карту Нижнего Новгорода. Но карту старую, бог знает какого года выпуска.

– Насколько карта точная? – спросил Сергеич.

– Так себе, – изобразил неопределенный жест Белявский. – Но центр и подходы к центру города изображены верно, отличаются в основном окраины.

– Что вообще известно об обстановке в городе? – спросил я.

– Ничего. Все сведения от беженцев, от тех, которые осели у нас. Все забито мертвяками, в центре была стрельба, и, более того, там еще кто-то и с кем-то сцепился. Стрельба шла в двух местах – у кремля и в Сормовском районе, в промзоне. Это раньше. От этого мертвяки активны до неприличия, шляются по улицам и гоняются за всеми подряд, хотя в приличных мертвых городах они теперь спят все больше.

– Взрывов и пожаров не наблюдали?

– Нет, только интенсивная стрельба из автоматического оружия, – ответил старлей. – А пожаров в городе и так хватает. Где-то плиту не выключили, где-то замкнуло. По наблюдениям, горит во многих местах.

– В принципе, если смотреть по картам, есть возможность отсечь от города Сормовский завод, так? – Я постучал карандашом по карте. – Серьезные стенки там есть, если организуются очаги сопротивления, то затем можно будет, устраивая дополнительные перемычки, отсечь

²⁵ Комбинезон маскировочный для летних фонов. Классический двухцветный советский камуфляж, очень удобный и просторный.

почти весь этот район у реки от города. Так? А тут и пристани, и погрузочные мощности, и нефтехранилища.

– Возможно, – кивнул Белявский. – Только какой смысл людям запираяться в городе, забитом мертвяками?

– Сохранить производственную базу, наладить сообщение с внешним миром по реке, наплевав на сухопутные пути, и в будущем стать самыми сильными и богатыми. А автозавод с их умением делать несложные машины? Сколько времени потребуется сконструировать внедорожник на волговской подвеске? Неделя, не больше. Или вон ГАЗ-69 заново начать выпускать.

Белявский задумался. Я подлил еще масла в огонь:

– А в будущем они могут получать все, чем богаты те же волжские и донские города, да и в Каму доступ есть, а вы все пойдете к ним на поклон. Так что те, кто заперся в промзонах, в перспективе самыми умными оказались.

– В любом случае нам туда прорваться надо для начала, а там видно будет, – сказал старлей.

– Прорваться надо, верно, – кивнул я и еще подлил масла в огонь: – И вообще, у меня для вас есть четыре слова – Волго-Уральский нефтяной район. Кто у реки, тот при горючке.

Над картой сидели еще часа два, пытались предусмотреть все варианты. Белявский действительно знал свой город, часто подсказывал то, что на карте никак не отображалось. Выходить собирались с раннего утра с колонной из десяти КамАЗов, идущих в сопровождении двух бэтээров и «бардака». Белявский ушел, мы тоже вернулись к себе, готовиться.

Валера Воропаев, Зять

12 мая, четверг, день

Вчера «базарные» все же избавились от назойливых посетителей. К удивлению Валеры, братва даже не бухтела, когда выяснилось, что надо вернуть что взяли. Неуместное присутствие непонятно каких людей на их территории напрягало всех. «Гости» приняли новость, поморщившись, но в бутылку не полезли. И силы не те, и до своей базы далеко, да и сами сообразили, что с «пунктом временной дислокации» палку перегнули, злоупотребили гостеприимством. Тем более что банда «базарных» росла себе и росла, продолжая принимать новых людей в свои ряды. И уже не только Валера задумывался об организации нового «форта», но и сам Самбист – лишние люди появились.

Еще десятого мая, едва последняя машина «гостей» укатила с территории Базара, Валера с Матроскиным и Швили закинулись в уже переделанный на новый лад УАЗ и рванули в сторону Твери, к водохранилищу, даже не озаботившись сопровождением второй машины – настолько им не терпелось туда добраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.